

СВЯЩЕННЫЕ ПИСЬМЕНА МАЙЯ

Санкт-Петербург

АМФОРА

2000

УДК 82/89 ББК 83.3(0)3 С 25

Составитель Илья Стогов

Перевод Р. В. Кинжалова и Ю. В. Кнорозова

Оформление книги выполнено Алексеем Горбачевым по эскизу Вадима Назарова

С 25 Священные письмена майя: Пополь-Вух; Рабиналь-ачи / Пер. Р. В. Кинжалова. Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. Ю. В. Кнорозова. - СПб.: Амфора, 2000. - 351 с. ISBN 5-8301-0184-X

ISBN 5-8301-0184-X

с Р. Кинжалов, вст. статья, перевод, примечания, 2000.

с Ю. Кнорозов, перевод, примечания, 2000. с "Амфора", оформление, 2000.

КЕЦАЛЬ И КРЕСТ

Крест - символ христианства. У древних индейцев Мексики и Гватемалы птица кецаль с ее изумрудного цвета оперением была связана с представлениями об изобилии, воде и растительности, а затем и знатности. Кецаль не может жить в неволе. У индейцев он стал символом свободы.

Столкновение и взаимопроникновение двух культур, олицетворяемых этими символами, и породило современную латиноамериканскую культуру.

Но сперва - немного истории.

Первыми белыми, ступившими на берег Мексики, были участники разведывательной экспедиции Франсиско Эрнандеса де Кордовы. В 1517 году на мысе Коточе (полуостров Юкатан) они впервые встретились с индейцами майя. Испанцев удивила высокая культура аборигенов. Индейцы впервые познакомились с огнестрельным оружием.

На следующий год губернатор острова Куба выслал еще одну экспедицию. На этот раз ее участники достигли границ ацтекской империи. О странных пришельцах было доложено императору Монтекусоме в столицу империи, город каналов Теночтитлан. Тот приказал не трогать их, а лишь наблюдать.

Весной 1519 года с Кубы для завоевания новооткрытых земель отправляется большая военная экспедиция. Командовал ею 35-летний искатель приключений Эрнандо Кортес. В его распоряжении было 110 матросов, 553 солдата и 13 артиллеристов. Население одного только Теночтитлана составляло тогда несколько десятков тысяч мужчин, способных держать оружие.

Несмотря на это, уже через три месяца Кортес стоял под стенами ацтекской столицы. Его отряд преодолел труднопроходимые горы,

неведомые болезни, губительный климат, сопротивление племен. Император Монтекусома, отважный воин и хитрый владыка, теряется и медлит. Испанцам разрешено вступить в город.

Дальнейшее известно. Кортес берет Монтекусому в заложники. Ацтекские жрецы демонстрируют пришельцам алтарь, на котором они приносят человеческие жертвы. (Один из конкистадоров позже вспоминал: "Смрад там стоял больше, чем на скотобойне у нас в Кастилии".) Рядом с алтарем располагается здание, где хранятся черепа убитых - около 136 тысяч.

Испанцы возмущены увиденным. На башне главного храма Теночтитлана они строят часовню во имя Девы Марии Гваделупской. Когда ацтекские вельможи собираются неподалеку от часовни на праздник своих жестоких богов, конкистадоры атакуют безоружных индейцев и убивают их всех. В ответ столица восстает против пришельцев. В это же время с Кубы прибывает отряд, посланный, чтобы арестовать Кортеса за превышение полномочий. Однако каждый раз лично ведя в бой свое многочисленное войско, Кортес всюду выходит победителем.

Спустя два года после начала экспедиции последний независимый правитель ацтеков был пленен и позднее повешен. Империя перестала существовать.

Ко времени, когда Кортес впервые увидел храмы и пирамиды Теночтитлана, культура индейцев Центральной Америки насчитывала не менее трех с половиной тысячелетий истории.

Археологи утверждают, что еще до нашей эры здесь имелись циклопические дворцы и скульптуры, ритуальный календарь и иероглифическая письменность. У какого именно индейского народа впервые зародилась письменность, историкам неизвестно. Скорее всего, это был легендарный древний народ ольмеков.

В окончательном виде система индейской иероглифики сложилась у майя. Через определенные промежутки времени майяские жрецы воздвигали украшенные надписями каменные стелы. Самая

древняя из открытых на сегодня стел датируется 36 годом нашей эры. В Европе в этом году правил римский император Тиберий, тот самый, при котором был распят Иисус Христос.

Письменность индейцев Центральной Мексики была пиктографической и идеографической: то есть понятие "взятие города", например, передавалось рисунком горящего храма, "путешествие" - цепочкой следов и так далее. Испанские хронисты в один голос говорят о многочисленных иероглифических рукописях индейцев. Существовали "библиотеки" и залы, где рукописи читались вслух. Однако до нас дошло лишь около полутора десятков таких манускриптов. Известны также иероглифические надписи на глиняных сосудах и каменных стелах. Отнюдь не все из них сегодня расшифрованы.

Четыре сохранившиеся рукописи майя были расшифрованы отечественным исследователем Юрием Кнорозовым. Все они являются чем-то вроде требников индейских жрецов, пособиями по проведению ритуалов и гаданий. Вот, например, отрывок из древнейшей "Дрезденской рукописи":

13. Принимает жертву бог смерти Маш, грозящий гибелью, подстерегают беды. 2 дня до IV числа.

14. Принимает жертву бог-ягуар Чак-Болай ныне при посещении, питающийся семенами. 3 дня до IX числа.

В этих же рукописях имеются тексты по астрономии и астрологии: таблицы движения Марса и Венеры, указания на потоки метеоритов и затмения.

В первые века нашей эры культура майя переживала расцвет. В городах Тикале и Сайта-Роса-Штампаке строятся пятиэтажные дворцы знати. В своих обсерваториях жрецы майя вычисляют продолжительность солнечного года с точностью, превосходящей тот календарь, которым сегодня пользуемся мы. Ими изучаются медицина, метеорология, география, история, сейсмология.

Однако к IX веку нашей эры все это осталось позади. Некогда цветущие города майя пустеют, становясь местами пышных захоронений.

Приблизительно полтора тысячелетия назад Центральная Америка переживает свое "Великое переселение народов". Северные дикие кочевники просачиваются к югу и постепенно сметают древние очаги культуры. Старое жречество исчезает, а вместе с ним исчезают точный календарь и сложная система научных знаний. Жизнь упрощается и милитаризируется. Всю полноту власти захватывают военные вожди и объединения прославленных воинов.

Пришельцы приносят с собой новые кровавые культы и ритуалы. Появляются культово-военные союзы. Один из них был связан с богами ночи, его участники носили костюмы ягуаров. Другой был посвящен Солнцу, его участники появлялись в облике орла.

Именно в этот период возникает идея о необходимости поддерживать жизнь богов человеческой кровью. Особенно важно было кормление бога Солнца. Без человеческих жертв он не мог бы совершать каждодневный путь по небу. В связи с этим возрастает роль воинов, добытчиков пленных - источника пищи для божеств.

Еще от древних майя дошли рельефы, изображающие ритуальные кровопускания владык. Однако теперь важной признается не только кровь правителей, но и вообще человеческая кровь. Так, например, во время солнечных затмений сапотекы приносили в жертву карликов, считавшихся детьми Солнца.

Вся скульптура этого периода была связана с культом человеческих жертвоприношений. Гигантская, украшенная рельефами стела, широко известная сегодня как "Камень Солнца", на деле являлась "темалакатлем" - жертвенником, на котором разыгрывалось ритуальное убийство безоружного пленника воинами-орлами.

Даже бытовые на первый взгляд предметы имели культовое назначение. Каменный сосуд в виде лежащего ягуара был предназначен отнюдь не для воды, а для хранения сердец принесенных в жертву людей. На его дне, невидимом человеческому оку, но открытом божествам преисподней, был помещен рельеф, изображающий владык Кецалькоатля и Тескатлипоку в момент сотворения ими существующей Вселенной.

Около полутора веков назад в мексиканском селении Цитбальче была обнаружена рукопись некоего Ах-Бама, потомка майяского чиновника. Сборник носит название "Книга танцев древних людей, ко-

торые исполнялись здесь, в селениях, до прихода белых". В конце заглавия указывается, что составлена она была в 1440 году, то есть почти за столетие до появления на Юкатане белых.

Песня, открывающая сборник, посвящена обряду "школомче". Сперва описываются стройные ряды сильных юношей, вступающих на центральную площадь, чтобы показать свою ловкость и искусство в стрельбе. Посередине площади находится каменная колонна, к которой привязан мужчина. Тело его раскрашено синей краской - цвет жертвы. Он весь засыпан благоухающими цветами.

Следующий куплет обращен к связанной жертве:

Смягчи свою душу, прекрасный муж, ты отправляешься на небо, чтобы увидеть лицо твоего отца (бога Солнца). Тебе не надо возвращаться сюда, на Землю, в облике маленького колибри или прекрасного

оленя, ягуара или фазаненка. Обрати душу и мысли исключительно к своему отцу. Не бойся, нет плохого в том, что тебя ожидает!

В следующем куплете описывается прибытие на площадь должностных лиц селения. Затем следует новое обращение к пленнику:

Смейся, хорошенько смягчи свою душу, потому что ты будешь тем, кто принесет голос твоих земляков нашему Прекрасному Владыке, находящемуся там, на небе!..

На этом песня обрывается. Однако в том же сборнике находится "Песня стрелка из лука", являющаяся, очевидно, продолжением обряда "школомче".

Обряд состоял в том, что танцующие по кругу вокруг жертвы стрелки стреляли в нее. Задачей являлось убить пленника как можно медленнее и мучительнее, ибо капающая с его тела кровь оплодотворяет землю.

"Песня стрелка" начинается с обращения к опытному охотнику, с приглашения принять участие в охоте. Голова охотника высоко поднята, его глаз меток, наконечник стрелы остр, тетива хорошо натянута, перья на древке тщательно приклеены смолой "кацим". Мускулы рук и ног, колени, ребра, плечи и грудь охотника блестят от жира оленя-самца, которым он тщательно натерся, собираясь на охоту.

Само жертвоприношение описывается в форме советов стрелку:

Соверши три быстрых пробега вокруг каменной колонны, той самой, к которой привязан человек. Сделай первый круг не стреляя, во втором схвати свой лук, наложи стрелу и прицелься ему в грудь. Не следует вкладывать всю силу, чтобы сразу поразить его, не нужно наносить ему глубоких ран. Надо, чтобы он страдал медленно и понемногу, потому что так пожелал Прекрасный Владыка.

На следующем круге, который ты будешь делать вокруг этой голубой каменной колонны, на следующем круге пусти стрелу второй раз. Это ты должен совершить, не переставая танцевать, потому что именно так делают хорошие воины-щитоносцы, которые выбирают, чтобы порадовать нашего молодого Владыку-бога.

Древние города майя пали почти одновременно с Римом, разрушенными вандалами. И так же, как варвары Старого Света, новые обитатели Центральной Америки принялись строить свои племенные союзы и "варварские королевства" на руинах древних очагов цивилизации.

Первым свое государство строят тольтеки. Это было время-образец, эпоха, когда свои подвиги совершали непобедимые воители древних времен. Империя тольтеков объединяет земли от северной Мексики до Гватемалы. Их столица, город Толлан, навсегда входит в эпос и мифы центральноамериканских племен. Именно к эпохе легендарных тольтекских завоевателей относится время жизни прародителей народа киче, о которых рассказывает эпос "Пополь-Вух".

Одновременно с прославленными европейскими монархами, вроде Карла Великого или Владимира Красное Солнышко, творит свои славные деяния и легендарный правитель тольтеков Кецалькоатль. Так же, как и они, Кецалькоатль со временем приобретает черты почти полубога.

Вот как ацтекская "Летопись Куаутитлана" рассказывает о его рождении:

В год Один тростник,

Так говорят, так рассказывают:

В этом году родился Кецалькоатль,

Тот, кто именовался "Нашим Владыкой",

"Жрецом", "Одним тростником", Кецалькоатлем,

Говорят, что его мать

Именовали Чимальман.

И вот, что рассказывают о том.

Как Кецалькоатль был помещен

В чрево своей матери:

Она проглотила драгоценный камень...

И зачала сына.

Он родился в год Один тростник.

Прошли года: Два кремень.

Три дом. Четыре кролик,

Пять тростник, Шесть кремень.

Семь дом. Восемь кролик.

В год Девять тростник

Кецалькоатль спросил о своем отце.

Ему уже было девять лет

Он уже достиг возраста понимания.

Он сказал:

"Я хочу знать своего отца,

Я хочу знать его лицо!"

Они ответили ему:

"Он умер. Его похоронили далеко".

Кецалькоатль отправился немедленно

Раскапывать землю.

Он искал кости своего отца...

Впрочем, вскоре империя тольтеков дробится. На ее обломках на Центральном плато возникают царства аколуга и тепанеков. К XII веку раздробленность достигает пика. Еще сто лет спустя, когда Русь страдала от нашествия орд монголов, в Мексике появляются ацтеки.

Легенды утверждают, что прародиной ацтеков была местность Чикомосток - "Семь Пещер". На фоне других народов Мексики ацтеки были почти дикарями - бродячими охотниками и сезонными земледельцами. Попав в долину Мехико, они долгое время находились в подчинении у тепанекских правителей из города Аскапоцалько.

В 1325 году ацтеки поселились на островке у западного берега озера Тескоко. Там они основали свою столицу Теночтитлан. Из-за религиозных споров часть ацтеков вскоре отделилась. Ими был основан город-близнец Теночтитлана, Тлальтелолько.

Правители царств долины Мехико постоянно враждовали между собой. Ацтеки использовали эти распри в своих интересах. В 1428 году тройственный союз владык из городов Теночтитлан, Тескоко и Тлакопанан нанес сокрушающее поражение тепанекам и подчинил себе долину Мехико.

Постепенно ацтеки расширяли границы своей империи. Большая часть дани поступала в их столицу, два других города - члена союза год от года теряли свое значение.

Накануне появления в Мексике испанцев культура ацтеков переживала расцвет. Ацтеки интересовались своим прошлым и гордились им. Индейский историк Альварадо Тесосомок писал в своей "Мексиканской хронике":

И вот так они (предки) решили сообщить это,

И вот так они решили запечатлеть это в своем рассказе,

И для нас они рисовали это в своих рукописях,

Мужчины древности, женщины древности.

Они были нашими дедами, нашими бабками.

Нашими прадедами, нашими прабабками.

Нашими прапрадедами, нашими предками.

Их сообщения повторялись снова и снова.

Они оставили их для нас.

Они завещали их навсегда

Нам, живущим теперь,

Нам, которые произойдут от них.

Никогда не будет потеряно,

Никогда не будет забыто

То, что они совершили,

То, что они решили запечатлеть в своих картинах:

Их славу, их историю, их память.

И вот в будущем

Это никогда не погибнет.

Никогда не будет забыто!

Мы всегда будем хранить это как сокровенное.

Мы, их дети, их внуки,

Их братья, их правнуки.

Их праправнуки, их потомки.

Те, кто унаследовал их кровь и их цвет кожи.

Мы будем рассказывать это.

Мы передадим все это тем, кто еще не живет.

Тем, кто еще только должен родиться -

Детям мексиканцев, детям теночков.

Ацтеки высоко ценили поэзию. В одной из дошедших до нас поэм описывается разговор мудрецов, за чашкой взбитого шоколада и курением табака обсуждающих значение искусства. Один из участников дискуссии сравнивает поэзию с галлюциногенными грибами. Тот, кто пьет на пиру настоем таких грибов, видит многоцветный мир, более реальный, чем действительная жизнь.

При дворе императоров имелась должность "тлапискацицин" - "хранитель", задачей которого было тщательное обучение писцов имеющимся песням и проверка их новых сочинений. Во дворцах зна-

ти возводились специальные залы "куикалли", где происходили состязания в песнях. Известен случай, когда приговоренный к смерти зять одного из владык заслужил прощение песней, сочиненной в момент совершения казни.

Основными темами индейской поэзии были дружба и удовольствие от беседы между друзьями, размышления о краткости жизни и тайне смерти, военные подвиги и любовь к семье. Встречаются и чисто эротические произведения. Впрочем, ацтекские представления о непристойности сильно отличались от современных.

Одним из наиболее известных индейских поэтов и философов был правитель города Тескоко Несауалкойотль (1402-1472). Он был храбрым воином, удачливым полководцем, тонким дипломатом, талантливым инженером: по его плану была выстроена плотина, защищавшая Теночтитлан от опустошительных наводнений. Несауалкойотль попытался отказаться от человеческих жертвоприношений и ввести возвышенную религию Творца мира Ипальнемоани. В одной из своих поэм он писал:

Я, Несауалкойотль, спрашиваю:
Разве не так мы живем на земле?
Не вечны мы на земле и все не вечно]
Вот нефрит, но и он разламывается,
И золото разрушается,
И перья кецаля рвутся!
Не вечны мы на земле, и все не вечно!
Постоянно лишь цветущее дерево дружбы...

Наибольших размеров империя достигла в правление Ауисотля (1486-1502). Его войска совершали походы от Атлантики до Тихого океана. В своей столице Ауисотль выстроил гигантское святилище кро-вожадному богу Уицилопочтли. При освящении нового храма было зарезано 80 000 пленных. До сих пор, говоря о чьей-либо жестокости, мексиканцы восклицают "¡Que ahuitzotli!" ("Свирепый, как Ауисотль!").

Преемником Ауисотля стал император Монтекусома Шокойцин - Монтесума II испанских хроник. Сам ли он умер в плену у Кортеса или был убит, историкам неизвестно.

Последний ацтекский властелин был пленен 13 августа 1521 года. Неизвестный индейский поэт так описывал осаду Теночтитлана испанцами:

Все это произошло с нами,
Мы видели это,
Мы это почувствовали!
Мы встретились с этой
Печальной и горькой судьбой!
Лежат на дорогах сломанные дротики,
Растрепаны наши волосы,
Дома наши лишились крыш,
И красны от крови их стены!
По улиам и площадям Теночтитлана
Ползают омерзительные черви,
А на стенах его разбрызганы мозги.
Воды красны, словно окрашены,
А когда мы пьем эту воду,
Мы чувствуем соленый вкус крови...

После ацтеков настала очередь индейцев майя. Соратник Кортеса Педро Альварado завоевал Гватемалу, Сальвадор и Гондурас. Большую часть Гватемалы занимало тогда государство индейцев-киче. Помимо него в этих краях существовали государства индейцев мам, какчикелей, цугухилей, покомамов, кекчи и покончи. Все они принадлежали к большой лингвистической семье майя.

Завоевание народов майя было завершено конкистадором Франсиско де Монтехо. В 1527-1544 годах он подчинил испанскому королю жителей полуострова Юкатан, который был уже окружен испанскими колониями.

Первые годы после Конкисты культура индейцев переживала даже определенный расцвет. Завоевав Центральную Америку, испанцы оставили земли, принадлежавшие индейским князьям, в ведении потомков этих владык. Сами завоеватели охотно вступали в брак со знатными индейскими девушками. По распоряжению Папы Адриана VI в Мексику, чтобы крестить, просвещать и лечить индейцев, отправились двенадцать монахов-францисканцев - по числу апостолов.

Монахи всерьез интересовались древней индейской культурой и собирали "индейские книги". Постановление церковного совета гласило, что миссионер, не знающий языка паствы, должен отстра-

няться от должности. Очень быстро было составлено огромное количество словарей различных индейских наречий. Уже в 1539 году в Мексике начали печатать книги, переведенные на индейские языки. Первой такой книгой стал "Катехизис".

С приходом испанцев в Центральной Америке впервые появились больницы и школы европейского типа. В 1536 году монахи открыли в Мехико учебное заведение - Коллегию Сайта-Крус де Тлальтелоль-ко. Там должны были получать образование индейские юноши. Выпускники свободно владели не только испанским, но и латынью. Уже через десять лет монахи полностью передали процесс обучения своим питомцам. За это время индейцы, получившие превосходное европейское образование, записали сотни поэм, исторических хроник и древних мифов.

В 1854 году австрийский ученый Карл Шерцер отправился в путешествие по странам Центральной Америки. Он планировал изучать старинные испанские рукописи. В библиотеке гватемальского университета Сан-Карлос его заинтересовали труды монаха-доминиканца Франсиско Хименеса.

Хименес был настоятелем церквушки в гватемальском городке Санто-Томас-Чувила, иначе называвшегося Чичикастенанго. Много лет он прожил среди индейцев и в своих трудах сообщал интересные сведения об их истории, культуре и языках.

Одна из рукописей Хименеса особенно заинтересовала Шерцера. Ее содержанием были словари языков индейцев киче, какчикелей и цутухилей. На нескольких побледневших от времени листах в конце содержалось некое сочинение, рассказывавшее о происхождении и истории киче. Хименес перевел этот труд на испанский, а Шерцер скопировал текст перевода и спустя несколько лет опубликовал его в Вене. Так европейцы впервые познакомились с текстом "Пополь-Вух" - "Книги народа", - которую очень скоро стали называть "Библией Центральной Америки".

В 1855-м, то есть спустя год после Шерцера, французский миссионер и страстный исследователь индейских древностей Шарль Этьен Брассёр де Бурбур, находясь в небольшом гватемальском местечке Рабиналь, приобрел у одного из местных индейских аристократов рукопись Хименеса. Каким образом всего за год этот манускрипт покинул университетскую библиотеку и оказался в Рабинале - неизвестно до сих пор.

Для изучения истории Центральной Америки Брассёр (1814-1874) совершил то же, что для изучения истории Старого Света сделал дешифратор египетских иероглифов Шампольон. В молодости Брассёр работал журналистом в парижских газетах. Подражая Вальтеру Скотту, он опубликовал несколько исторических романов. Романтик - до конца дней он верил в существование Атлантиды - Брассёр принял церковный сан, чтобы иметь шанс работать в горячо любимой им Центральной Америке.

Именно Брассёру де Бурбуру европейцы обязаны открытием таких памятников, как "Пополь-Вух", "Рабиналь-ачи", "Летопись какчикелей", "Кодекс Троано", "Родословная владык Тотоникапана", и многих других. Вернувшись в Европу в 1860-х годах, Брассёр опубликовал свой перевод "Пополь-Вух" на французский язык. С этого года можно начинать историю научного изучения этой книги.

8

Что мы знаем об эпических поэмах, созданных в доколумбовой Центральной Америке? На самом деле - очень немного.

Известно, что у ацтеков популярностью пользовался огромный эпос о Кецалькоатле. Вместе с братом Тескатлипокой "пернатый змей" Кецалькоатль создал мир, разодрав на части чудовище Тлальтекутли. В новорожденном мире Тескатлипока стал первым солнцем, но по прошествии 676 лет (тринадцати 52-летних циклов) Кецалькоатль превратился в ягуара, сшиб его лапой и стал вторым солнцем. Предыдущее поколение людей-гигантов было истреблено.

По истечении следующего цикла мир был уничтожен ураганом. Солнцем стало водное божество Тлалок, люди были превращены в обезьян. Четвертая эпоха развития Вселенной, когда солнцем была богиня Чальчиуитликуэ, завершилась потопом, а люди превратились в рыб. Современная, пятая эпоха также должна завершиться страшными катаклизмами. По этой причине окончание каждого 52-летнего цикла должно отмечаться особенно пышными и кровавыми жертвоприношениями.

Владыкой следующей эпохи вновь станет Кецалькоатль. Редко вспоминают о том, что Кортес прибыл в Мексику с востока, откуда должен был явиться Кецалькоатль. Монтекусома выслал Кортесу два костюма: Кецалькоатля и Тескатлипоки. Тот должен был надеть один из них и тем дать понять: наступил ли момент смены эпох. Кортес отказался надевать костюмы и оставил вопрос нерешенным. Скорее всего, именно этим объясняется нерешительность энергичного императора и храброго воина Монтекусома.

Одним из основных эпизодов эпоса о Кецалькоатле был рассказ о его жизни в райском городе Толлане:

Тыквы там огромные, длиной в локоть, початки кукурузы величиной с камень зернотерки, а по листьям амаранта можно вскарабкаться, как по ветвям пальм. Хлопок вырастает в Толлане уже окрашенный в разные цвета: красный, желтый, розовый, зеленый, синий, малиновый, голубой, оранжевый, коричневый и темно-золотой. Всюду растут деревья какао и цветочного какао. Там множество прекрасных птиц с блестящим разноцветным оперением и все они поют, как горные соловьи. Поэтому тольтеки не знали ни голода, ни жажды, у них не было ни бедности, ни горя...

Правители империи тольтеков (XI-XII вв.) именовали Толланом свою столицу. Себя они считали воплощением Кецалькоатля. Этот факт привел к тому, что некоторые историки считают сказания о Толлане чисто историческим сочинением, а другие, наоборот, толкуют их как чисто мифологические. Скорее всего, истина лежит посередине. У нас в Европе, например, существует "Илиада", рассказывающая о вполне реальной Троянской войне, однако строить по этой поэме историю династии Пелопидов было бы вряд ли разумно.

Мы почти ничего не знаем об эпических поэмах народностей майя. Тем не менее некогда они, конечно, существовали. Так, например, если бы скромный викарий из Куилапы не записал в свое время текст, мы бы никогда не узнали об обширном и интересном эпосе миштеков. Более того, и запись викария пропала бы, если бы монах Грегорио Гарсия не включил бы ее в 1607 году в свое сочинение "О происхождении индейцев Нового Мира и восточных Индий".

Гарсия писал:

Индейцы рассказывают, что
В год и день
Мрака и абсолютной темноты
Перед тем, как появились
И дни, и годы.
Когда мир был погружен
В глубокий мрак.
Когда все было хаосом и беспорядком,
Земля была покрыта водой.
И были только ил и грязь
На поверхности земли.
В это время
Появился и стал видим
Бог по имени "Один олень",
А прозвище - "Змея пумы",
И богиня, очень красивая и прелестная,
Имя которой
Было тоже "Один олень",
А прозвище - "Змея ягуара".
И говорят, что эти боги
Были началом всех остальных богов...

Любопытно отметить, что описание мира до начала творения у миштеков почти буквально совпадает не только с вавилонскими поэмами или скандинавской "Эддой", но и с библейской книгой Бытия.

Эпос юкатанских майя почти не сохранился. До нас дошло лишь несколько отрывков: "Борьба богов", "Создание виналя"... Очевидно, он был менее интересен, нежели ацтекский. Язык дошедших фрагментов нарочито туманен, усложнен, изобилует намеками на известное лишь посвященным.

Вот как излагается миф о борьбе богов Тринадцати небес "Ошлахун-Ти-Ку" с богами подземного мира "Болон-Ти-Ку":

Тогда спустилось пламя, Тогда спустился канат. Тогда спустились камни и палки. Тогда началось избиение камнями и палками. Тогда были захвачены боги Ошлахун-Ти-Ку. Были пробиты их головы. Были избиты их лица, Они были искалечены И опрокинуты на спину. Тогда они были лишены скипетра и черной краски на лице*...

В противоположность бледным эпическим поэмам юкатанских майя один из народов горной Гватемалы сохранил нам памятник, ставший гордостью мировой литературы. Речь идет об эпосе киче "Пополь-Вух".

ю

Монах-доминиканец Франсиско Хименес, первым открывший "Пополь-Вух" в начале XVIII века, писал:

1 Перевод Ю. Кнорозова.

Эта рукопись хранится у них (индейцев Чичекастенанго) с такой секретностью, что никто из других священников и не знал о ней. Я обнаружил, что это сочинение они впитывали чуть ли не с молоком матери и что все они знали его почти что наизусть...

Первые исследователи "Пополь-Вух" сразу же столкнулись со множеством загадок. Прежде всего - когда и кем была написана эта книга? Дошедший до нас текст был записан в Санта-Крус-Киче около 1550-1555 годов. Знатный индеец дон Хуан Кортес упоминается в тексте как живой, историкам же известно, что он умер около 1558 года. Если сравнить "Пополь-Вух" с дошедшими до нас индейскими "Родословными", то становится ясно, что его составитель принадлежал к правившему у киче клану Кавек: история киче излагается в книге именно с позиций этого клана.

Проблема заключается в том, что автор "Пополь-Вух" постоянно упоминает, что его текст основан на древней иероглифической рукописи. Впрочем, он говорит о ней как о давно "потерянной". Это слово может быть переведено также как "разрушенная" или "забытая". С упоминания об этой древней таинственной рукописи начинается "Пополь-Вух", и им же книга заканчивается.

Испанские хронисты Эррера-и-Тордесилья и Сорита уверяют, что перед испанским завоеванием в столице киче Кумаркахе имелись иероглифические рукописи, посвященные древней истории. Возможно, автор "Пополь-Вух" имеет в виду именно одну из них. Сомнительно, чтобы сам он держал ее в руках. Скорее всего, решив сохранить предания киче для будущих поколений, он составлял свой текст по рассказам старейшин или жрецов.

Другая загадка состоит в том, что в дошедших от майя памятниках изобразительного искусства историки не могут увидеть прямых параллелей с текстом "Пополь-Вух". Означает ли это, что древние художники и скульпторы майя были незнакомы с этой книгой?

Впрочем, американский археолог Майкл Ко и некоторые его коллеги, наоборот, уверены, что вся роспись керамических сосудов майя - это иллюстрация к эпизодам, в которых герои "Пополь-Вух" путешествуют по загробному миру. Более того, он считает, что все они в совокупности составляли собой что-то вроде индейской "Книги мертвых".

11 Еще одним распространенным у индейцев жанром была драма. Испанцы часто упоминают о драматических представлениях, бывавших у майя. Однако до нас дошла лишь одна драма - "Рабиналь-ачи" ("Воин из Рабиналя"). Как и "Пополь-Вух", она написана на языке киче.

Сюжет ее может показаться современному читателю скучноватым. Между княжествами Кунен и Рабиналь существует давняя вражда. В схватке, должной разрешить конфликт, сходятся воин Кече-ачи и сын правителя Рабиналя, Рабиналь-ачи. Последний одерживает победу и берет противника в плен. Слушатель вводится непосредственно в центральный момент действия, а события излагаются лишь в речах действующих лиц. Заканчивается драма тем, что "воины-орлы" и "воины-ягуары" приносят плененного Кече-ачи в жертву и пляшут торжественный танец над его телом.

Текст драмы сохранился чудом и обнаружен был достаточно случайно. В октябре 1850 года житель селения Рабиналь, индеец Бартоломе Сие записал его на языке киче. Спустя несколько лет в селение прибыл уже упоминавшийся Брассёр де Бурбур. Он скопировал рукопись Сиса, а в январе 1856 года жители Рабиналя исполнили перед ним "Рабиналь-ачи".

Драма была записана лишь полтора столетия назад. Однако создана она была, безусловно, еще до Колумба. В 1930-х годах немецкий исследователь Ф. Тернер заинтересовался у одного из индейцев, почему они больше не исполняют "Рабиналь-ачи". Тот ответил, что община воздерживается от этого, так как после каждого исполнения один из танцоров должен умереть. Скорее всего, в доиспанское время исполнителя роли Кече-ачи действительно приносили в жертву. Это подтверждают и документы инквизиции из этих районов Гватемалы.

12

Со времени Конкисты прошло уже почти полтысячелетия. На вершине циклопического храма Кецалькоатля в Чолуле давным-давно построена испанская католическая церковь. Тем не менее говорить о том, что культура индейцев Центральной Америки стала лишь объектом скучных академических штудий, было бы опрометчиво.

"Пополь-Вух" сегодня - национальное достояние гватемальцев. Его изучают в школах, хранят на любимых книжных полках. Образы, заимствованные из старинного эпоса, частенько обозначают реалии сегодняшнего дня. Под чудовищем Вукуб-Какишем обычно имеют в виду коррумпированное правительство военных, под преисподней Шнбальбой - армию, выжигающую лесные селения индейцев.

В 1955 году, на фестивале искусства и культуры в Антигуа, инсценировали "Рабиналь-ачи". Руководил постановкой пятидесятилетний индеец Эстебан Шолоп-Сукуп, родом из Рабиналя. В течение месяца до и после представления все участники драмы должны были воздерживаться от общения с женщинами, а в последние двадцать дней перед представлением был совершен ряд ритуалов. Помимо

молитв в церкви, были проведены подношения свечек, хлеба, какао, фруктов, агуардъенте и воскуриваний духу гор и пяти вершинам, упоминаемым в тексте.

Конкиста была не концом эпохи, а моментом встречи двух совершенно различных культур. В сегодняшнем Мехико туристам показывают "Площадь трех культур". В ней на разных уровнях расположены раскопанная ацтекская пирамида, церковь колониального периода и современный небоскреб. А посреди площади помещена бронзовая плакетка.

На ней можно прочесть:

13 августа 1521 года. Тлальтелолько. героически защищаемый Куатемоком, попал под власть Эрнана Кортеса. Это была не беда и не поражение. Это было мучительное рождение метисного народа.

Того, что сегодня зовется Мексикой.

Главный научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии
имени Петра Великого,
доктор исторических наук
Р. В. Кинжалов
ПОПОЛЬ-ВУХ
(Книга народа)

Текст печатается по изданию: Пополь-Вух. Родословная владык Тотони-капана. М.; А: Изд-во АН СССР, 1959.

ВСТУПЛЕНИЕ

Вот начало старинных преданий о тех, кто в этой местности носит имя киче¹. Здесь мы все напишем. Мы начнем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено в городе киче племенами народа киче.

Здесь также мы откроем и сообщим то, что было раньше скрыто; изложим, как это было освещено Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, как они именуются. Здесь будет рассказано о Хун-Ахпу-Вуч, о Хун-Ахпу-Утиу², о Саки-Нима-Циис³, о Тепеу, о Кукумаце⁴, о Сердце озера, о Сердце моря, о Владыке Зеленого Блюда и Владыке Зеленой Чаши, как зовутся они⁵. Здесь будет

¹ Центральные области Гватемалы, занятые киче в XVв., очевидно назывались "Киче", т. е. "Страна, покрытая лесами". Вероятно, киче, наиболее могущественный народ в этот период на территории Гватемалы, и получил свое имя от этого названия. Ацтекское слово Quauhtemallan (откуда и происходит современное название страны - Гватемала) является простой калькой майяского слова "кичелах".

² Слово "хун-ахпу" имеет в языке киче много значений: охотник из выдувной трубки, вождь, владыка. Очевидно, здесь имеется в виду солнечное божество. В "Пополь-Вух" оно расщеплено на две ипостаси: Хун-Ахпу-Вуч ("Хун-Ахпу - сумчатая крыса") - божество женское, а Хун-Ахпу-Утиу ("Хун-Ахпу-койот") - божество мужское.

} Женское божество "Великий Белый Коати". Весьма вероятно, что это не имя, а эпитет одной из упомянутых выше божественных пар.

и Тепеу и Кукумац - "Завоевательница, Могущественная" и "Змея, покрытая зелеными перьями". Супружеская пара божеств, возглавлявшая пантеон киче. Название "Змея, покрытая зелеными перьями" ведет к божеству тольтеков Кецалькоатлю, имя которого имеет то же значение.

⁵ "Сердце озера", "Сердце моря", "Владыка Зеленого Блюда" (или "Владыка Земли") и "Владыка Зеленой Чаши (тыквы)" (или "Владыка Неба") - все это эпитеты верховного божества киче Хуракана.

также возведено и рассказано о Прародительнице и Прародителе, чьи имена - Шпийакок и Шмукане, защитниках и хранителях, дважды почтенной Прародительнице и дважды почтенном Прародителе, как именуются они в сказаниях киче¹. Там рассказывается все, что они совершили в свете существования, в свете истории.

Мы пишем теперь это уже при Законе Божиим и при христианстве. Мы излагаем это потому, что у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света, пришедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга, написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает. Величественным было ее появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли; как были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки; как она была расчленена и как было разделено небо; и была доставлена веревка для измерения и натянута в небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках, как это было названо Создательницей и Творцом, Матерью и Отцом жизни и всех сотворенных вещей, теми, кто создал дыхание и создал мысль, теми, кто дает рождение детям, теми, кто бодрствует над счастьем народа, детьми света, сыновьями света, теми заботливыми

мыслителями, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море.

1 Буквально "Старец" и "Старица" - по всей вероятности, перенесенные в пантеон киче тольтекские божества Спактонетль и Ошомоко, родители бога Кецалькоатля. По мифам народов Центральной Мексики, они были изобретателями астрологии и календаря.

ЧАСТЫ

Глава!

Это рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто.

Это первый рассказ, первое повествование. Не было ни чело- века, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться, или дрожать, или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование; были только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи, была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец, находились в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес - таково имя бога, и так он назывался.

Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшись вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и советуясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй - Чипи-Какулха. Третий - Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес!

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об их пище и пропитании.

- Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, - так говорили они. - Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! - Так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. "Земля!" - воскликнули они, и немедленно она была сотворена.

1 Общая для всех ипостасей часть имени - Какулха - значит "блеск молнии"; следовательно, перед нами бог-громовник. Это значение подчеркивается и эпитетом его как "Сердца небес". Слово "хуракан" означает буквально "одноногий", что напоминает ацтекское божество Тёскатлипоку, изображавшееся таким же образом. Интересно отметить, что во время испанского завоевания бог бури на Антильских островах назывался Хураканом. Отсюда это слово вошло в испанский, а затем и в другие европейские языки для обозначения бури, урагана. Таким образом, русское слово "ураган" восходит в конечном счете к языку киче.

Подобна туману, подобна облаку и подобна облаку пыли была земля при своем сотворении, в начале своей телесности. Затем горы появились из воды; большие горы выросли мгновенно.

Только чудом, только магическим искусством были образованы горы и долины; и немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустили побеги на поверхности земли.

И тогда Кукумац исполнился радости и воскликнул:

- Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, Раша-Какулха!

- Наша работа, наше творение должно быть закончено! - ответили они.

Сперва были созданы земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножия холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодородной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать благодаря им действительностью.

Глава 2

Затем они создали малых диких животных, лесных члеников¹, духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ.

¹ Чаще всего духов, обитателей лесных чащ, представляли в виде маленьких уродливых человечков. Они могли причинить неприятности, сыграть с заблудившимся в лесу человеком злую шутку, но иногда оказывали людям и помощь или услуги. В "Летописи какчикелей" они носят название "рувинакильче".

И спросили Великая мать и Великий отец: "Неужели только молчание и только тишина будут под деревьями, под лианами? Хорошо, чтобы в будущем кто-нибудь был там, чтобы охранять их".

Так говорили они, когда они размышляли и беседовали друг с другом. И быстро были созданы олени и птицы. Немедленно они указали оленю и птицам их жилища: "Ты, олень, будешь спать в полях, на берегах рек и в ущельях. Ты будешь бродить среди кустов, среди трав; в лесах ты будешь умножаться; ты будешь ходить на четырех ногах, и они будут тебя поддерживать. Так да будет сделано!" Так говорили они.

Затем они назначили также жилища птицам, большим и малым: "Вы, птицы, будете жить среди деревьев, среди лиан. Там вы сделаете себе свои гнезда, там вы будете умножаться; там вы будете увеличиваться в числе, в ветвях деревьев, посреди лиан".

Так было сказано оленю и птицам; они сразу же выполнили то, что им надлежало делать, и все они получили свои жилища и свои гнезда. Вот таким образом Великая мать и Великий отец дали земным животным их обиталища, так для оленя и птиц все обошлось хорошо.

И когда это было закончено, Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец сказали им: "Говорите, кричите, щебечите, зовите, говорите друг с другом, каждый согласно своему виду, согласно своему роду, каждый согласно своему способу!" Так было сказано оленям, птицам, пуме, ягуарам и змеям.

"Называйте же наши имена, восхваляйте нас, вашу мать, вашего отца. Призывайте же Хуракана, Чипи-Какулха, Ра-ша-Какулха, Сердце небес, Сердце земли, Создательницу и Творца, Великую мать и Великого отца, говорите же громко, призывайте нас, почитайте нас", - так было сказано им.

Но они не могли заставить их говорить подобно людям; они лишь свистели, и пищали, и кудахтали; они не были способны произносить слова, и каждый пищал на свой лад.

Когда Создательница и Творец услышали, что для них невозможно говорить друг с другом, то они сказали: "Для них совершенно невозможно произносить наши имена, имена нас, их творцов и создателей. Это нехорошо", - сказали Великая мать и Великий отец друг другу.

Затем они сказали им: "Раз для вас невозможно говорить, вы должны быть изменены. Мы изменили свои намерения: ваша пища, ваши пастбища, ваши жилища и ваши гнезда останутся при вас; это будут ущелья и леса, потому что для вас невозможно почитать нас или призывать нас. Будут еще те, кто будет почитать нас, мы создадим другие существа, какие будут послушными. Примите ваше предназначение: ваша плоть будет разорвана на части. Да будет так! Вот что будет вашей участью". Так сказали они, когда они возвестили свою волю большим и малым животным, сколько их есть на поверхности земли.

Они желали дать себе новое испытание, они желали сделать новую попытку; они желали создать существа, способные почитать их.

Но животные не могли понять говора один другого; они не могли преуспеть в чем-либо и не могли сделать что-либо. Вот по этой причине их плоть была принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели. Вот по этой причине Создательница и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, была сделана новая попытка создать и сотворить людей.

"Давайте, без промедления, попытаемся снова. Уже приближается время для зари и света. Давайте создадим того, кто будет питать и поддерживать нас! Что мы должны сделать, чтобы нас призывали бы, чтобы нас помнили на земле?"

Мы уже пытались в нашем первом творении с нашими первыми созданиями, но не могли мы заставить их восхвалять и почитать нас. Так давайте же попытаемся создать послушных, исполненных почтительности существ, которые бы кормили и поддерживали нас", - так говорили они.

Затем существо было сотворено и создано. Из земли, из глины они сделали человеческую плоть. Но они увидели, что это получилось неудачно. Она расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела силы; она падала вниз, она была слабой; голова ее совершенно не могла двигаться, лицо ее было скошено на одну сторону; зрение ее было полностью затуманено, и она не могла видеть сзади. В первый момент она зато могла говорить, но разума у нее не было. Она бы- тро намокла в воде и не могла стоять.

И тогда Создательница и Творец сказали: "Давайте по- пытаемся снова, потому что эти создания не способны ни ходить, ни размножаться. Давайте обдумаем это!" - ска- зали они. И вслед за этим они разломали и разрушили свою работу и свое создание.

И они говорили: "Что же мы должны делать, чтобы на- ша мысль осуществилась и появились существа, которые взывали бы к нам, молились бы нам?"

Так говорили они, совещаясь снова друг с другом: "Давай- те же скажем Шпийакоку и Шмукане, Хун-Ахпу-Вуч, Хун- Ахпу-Утиу: бросьте ваш жребий снова, возвестите судьбу и создание такого существа". Таким образом, Создательница и Творец беседовали друг с другом, и так говорили они Шпийакоку и Шмукане.

Тогда они сказали этим предсказателям, Старцам дня, Старцам зари, как они именовались Создательницей и Творцом, тем, чьи имена были Шпийакок и Шмукане.

И сказали Хуракан, Тепеу и Кукумац, когда они говорили с предсказательницей и с создателем, кто суть предвещатели:

"Прежде всего надо ясно узнать и найти средства, чтобы этот человек, которого мы создадим, человек, которого мы намереваемся создать, мог бы кормить и поддерживать нас, мог бы призывать и помнить нас!

Примите же горячо наши слова, о Прародительница и Прародитель, о наша Праматерь и наш Праотец, Шпий- акок, Шмукане, создайте свет, создайте зарю, сделайте нас призываемыми, сделайте вас почитаемыми, сделайте нас по- мнимыми сотворенным человеком, созданным человеком, настоящим человеком, совершенным человеком. Скажите же: пусть будет сделано так!

Пусть будут известны ему ваши имена: Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу, дважды почтенная мать, дважды почтен- ный отец, Ним-Ак, Ним-Циис, хозяин изумрудов, работа- ющий над драгоценностями, скульптор, строитель, созда- тель прекрасных блюд, создатель прекрасных сосудов, творец благовонных смол, мастер из Тольтеката¹, Прама- терь солнца, Праматерь зари. Так вы будете именоваться теми, кто будет нашим делом и нашими созданиями.

Бросьте же жребий вашими зернами кукурузы и семена- ми дерева цитё². Сделайте это так, и это будет сделано! Мы тогда узнаем, сможем ли мы создать или вырезать его рот и глаза из дерева". Так было сказано предвещателям.

Они спустились сразу же, чтобы сотворить свое волшеб- ство, чтобы бросить свои жребии зернами кукурузы и семе-

1 В качестве эпитетов богов перечисляется целый ряд профессий. "Мастер из Тольтеката" - значение слова спорно. Оно может обозначать также: 1) "человек из области, населенной народностью тольтеков"; 2) "владыка толь- теков". В легендах тольтеки считались непревзойденными мастерами во всех видах изобразительного искусства.

2 В современной Гватемале оно называется "дудочным деревом", так как из него изготавливаются дудки. Содержащиеся в его стручкообразных плодах похо- жие на бобы красные семена и по настоящее время употребляются вместе с зер- нами кукурузы индейским населением Мексики и Гватемалы при гаданиях.

нами дерева цитё. "Судьба, создание!" - сказали Прама- терь и Праотец в угоду им. И этот Праотец был тот, кто предсказывает судьбу по семенам дерева цитё, тот, кто на- зывается Шпийакок. А Праматерь была прорицательница, создательница, та, которую называют Чиракан Шмукане.

Начиная прорицание, они говорили: "Сойдитесь вместе, схватите друг друга! Говорите, чтобы мы могли слышать, - говорили они, - скажите, будет ли хорошо, если дерево бу- дет обработано и будет вырезано Творцом и Создательни- цей? Будет ли этот деревянный человек тем, кто должен пи- тать и поддерживать нас, когда будет свет, когда будет день?"

Ты, кукурузное зерно, вы, семена дерева ците, ты, день судьбы, ты, творение, ты, охваченная зудом желания, и ты с напряженным фаллом, - говорили они кукурузе, ците, дню судьбы, созданию. - Приди, принеси здесь жертву кровью, Сердце небес, не наказывай Тепеу и Кукумаца".

Так говорили они тогда и сказали истину: "Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разго- варивать на земле".

"Да будет это так!" - ответили Создательница и Тво- рец.

И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица подобно людям, говори- ли подобно людям и населили поверхность земли.

Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех конечностях.

Они уже более не помнили о Сердце небес, и поэтому они погибли. Это было не больше чем проба, чем попытка создать человека. Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой.

Поэтому они не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них.

Вот каковы были первые люди, существовавшие в большом числе на поверхности земли.

Глава 3

Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.

Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий.

Плоть мужчины была сделана из дерева цитё, но когда Создательница и Творец создавали женщину, ее плоть была сделана из сердцевины тростника. Вот таковы были матери, которые Создательница и Творец желали использовать, создавая их.

Но те, которых они создали, те, которых они сотворили, не думали и не говорили пред лицом своей Создательницы, пред лицом своего Творца. И из-за этого они были уничтожены, они были потоплены. Густая смола пролилась с неба. Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал их глаза; Камалоц пришел и оторвал их головы; Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумбалям тоже пришел, он сломал и растерзал их кости и их жилы, он перетер и сокрушил их кости.

Это было сделано, чтобы наказать их, потому что их мысли не достигали до лица их матери, до лица их отца, Сердца небес, что зовется Хураканом. И по этой причине лик земли потемнел и начал падать черный дождь: ливень днем и ливень ночью.

Тогда сошлись малые животные и большие животные, а деревья и скалы начали бить деревянных людей по лицам. И все начало говорить: их глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их собаки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна, - все, сколько было, поднялось и начало бить их по лицам.

- Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы убьем вас, - сказали их собаки и домашние птицы. А зернотерки сказали:

- Вы мучили нас каждый день; каждый день, ночью и на заре, все время наши лица терлись друг о друга и говорили холи-холи, хуки-хуки из-за вас. Вот какую дань платили мы вам. Но теперь вы, люди, наконец-то почувствуете нашу силу. Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки, - сказали им их зернотерки.

А затем заговорили их собаки и сказали:

- Почему вы не хотели давать нам ничего есть? Вы едва замечали нас, но вы нас преследовали и выбрасывали нас. У вас всегда была палка, готовая ударить нас, когда вы сидели и ели. Вот как вы обращались с нами, потому что мы не могли говорить. Разве мы не подошли бы, если бы все шло по-вашему? Почему же вы не глядели вперед, почему вы не подумали о самих себе? Теперь мы уничтожим вас, теперь вы почувствуете, сколько зубов в нашей пасти, мы пожрем вас, - говорили собаки, и затем они разодрали их лица.

А в это же самое время их сковородки и горшки также говорили им:

- Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто бы мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сожжем вас, - сказали горшки, и они били их по лицам.

Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать.

Пришедшие в отчаяние деревянные люди побежали так быстро, как только могли; они хотели вскарабкаться на крыши домов, но дома падали и бросали их на землю; они хотели вскарабкаться на вершины деревьев, но деревья стряхивали их прочь от себя; они хотели скрыться в пещерах, но пещеры закрыли свои лица.

Так совершилась вторая гибель людей сотворенных, людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены.

Говорят, что их потомками являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, потому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева.

Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; она - пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами.

Глава 4

Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало.

Но тем не менее было на земле существо, звавшееся Ву-куб-Какиш¹, и был он очень надменным.

Небо и земля, правда, существовали, но лики солнца и луны были еще совершенно невидимы.

¹ Вукуб-Какиш - большой попугай араара с пышным красно-зелено-голубым оперением.

И Вукуб-Какиш сказал: "Поистине, они - ясный образ тех людей, которые потонули, и их природа есть природа сверхъестественных существ¹.

Я буду теперь великим над всеми существами, созданными и сотворенными. Я семь их солнце, их свет и их луна, - воскликнул он. - Да будет так! Велика моя блистательность! Из-за меня будут люди ходить и стоять. Потому что мои глаза из серебра, широкие, сверкающие, как драгоценные камни, как изумруды; мои зубы блистают подобно замечательным камням, подобно лику небес. Мой нос сияет издали подобно луне, мой трон - из серебра, и лик земли освещается, когда я прохожу перед своим тронном!

Итак, я солнце, я луна для всего человечества. Да будет это так, потому что я могу видеть очень далеко".

Так говорил Вукуб-Какиш. Но Вукуб-Какиш не был в действительности солнцем; он лишь возгордился из-за своих перьев и своих богатств. И видеть он мог только до той линии, где небо соединяется с землей; не мог он видеть всего мира.

Лик солнца еще не появился, и лик луны также; не было еще звезд, и заря еще не занималась. Поэтому Вукуб-Какиш и гордился, как будто бы он был солнцем и луной; потому что солнце и луна не показали еще своего света, еще не появились. Его единственным честолюбивым желанием было возвысить себя и властвовать. И все это случилось, когда произошел из-за деревянных людей потоп.

Теперь мы расскажем, как умер Вукуб-Какиш, как он был ниспровергнут и как затем был создан Создательницей и Творцом человек.

¹ Значение этих слов Вукуб-Какиша не совсем ясно. В них содержится какой-то намек на деревянных людей ("те люди, которые потонули"). Возможно, что вся фраза говорит об обезьянах, схожих с деревянными людьми (см. конец предыдущей главы), которых Вукуб-Какиш принимает за сверхъестественные существа.

Глава 5

Вот начало повествования о поражении и разрушении величия Вукуб-Какиша, погубленного двумя юношами, первый из которых именовался Хун-Ахпу, а второй - Шбаланке. В действительности они были богами. Когда они увидели вред, который сделал высокомерный и собирается сделать, то юноши сказали перед лицом Сердца небес:

- Нехорошо, чтобы это было так. Ведь человек еще не может жить здесь, на земле. Поэтому мы попытаемся застрелить его из нашей выдувной трубки, когда он будет есть. Да, мы выстрелим в него из выдувной трубки и заставим его заболеть. И это будет концом его величия и богатств, его зеленых камней, его серебра, его изумрудов, его драгоценностей, которыми он так гордится. Это же может сделать каждый! Но не должен уподоблять себя огненному божееству тот, кто есть всего-навсего серебро.

- Так да будет! - сказали юноши, и каждый положил свою выдувную трубку на свое плечо.

И вот Вукуб-Какиш имел двоих сыновей: первый назывался Сипакна, второй же - Кабраканом. А мать этих двух носила имя Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

Этот Сипакна играл с огромными горами, как с мячом: с горой Никак, с горой Хун-Ахпу, Пекуль, Нашка-Нуль, Макомб и Хулисаб. Вот имена гор, которые существовали, когда появилась заря; в одну-единственную ночь они были созданы Сипакной.

И Кабракан также заставлял дрожать горы; благодаря ему большие и малые горы плавилась.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша провозглашали о своей гордости. "Слушайте, я есмь солнце!" - говорил Вукуб-Какиш. "Я, я тот, кто создал землю!" - говорил

Сипакна. "Я тот, кто создал небо и заставил землю дрожать!" - говорил Кабракан.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша следовали примеру своего отца и его предполагаемому величию. И это казалось юношам большим злом. Ни наша первая мать, ни наш первый отец не были тогда еще созданы.

Вот почему была решена юношами смерть Вукуб-Какиша и его сыновей и их разрушение.

Глава 6

Здесь рассказывается о том, как двое юношей выстрелили из своих выдувных трубок в Вукуб-Какиша. Мы сообщим, как каждый из тех, кто стал таким надменным, пришел к своей гибели. У Вукуб-Какиша имелось большое дерево тапаль¹, и он ел плоды его. Каждый день он направлялся к дереву и взбирался на его вершину.

Хун-Ахпу и Шбаланке увидели, что этот плод является его пищей. И они улеглись в засаде у подножия дерева; оба юноши глубоко запрятались в листву кустарника. А Вукуб- Какиш пошел прямо к своей еде из плодов дерева тапаль.

Мгновенно он был поражен выстрелом из выдувной трубки Хун-Хун-Ахпу. Шарик ударил его прямо в челюсть, и он, вопя, сразу же упал с верхушки дерева на землю.

Хун-Хун-Ахпу быстро подбежал, он действительно по- бежал, чтобы осилить его, но Вукуб- Какиш схватил руку Хун-Хун-Ахпу, вывернул ее и вырвал ее из плеча. После этого Хун-Хун-Ахпу выпустил Вукуб-Какиша. Конечно, юноши поступили хорошо, не допустив, чтобы они были первыми побеждены Вукуб-Какишем.

1 Тапаль - дерево, плоды которого напоминают вишню по форме, но бе- лого цвета.

Неся руку Хун-Хун-Ахпу, Вукуб-Какиш отправился до- мой и, прибыв туда, начал нянчить свою челюсть.

_ Что это случилось с тобой, владыка мой? - спроси- ла Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

_ Что же может быть иного? Эти два чудовища выст- релили в меня из выдувных трубок и сдвинули мою челюсть. Поэтому она шатается, и мои зубы страшно болят. Но спер- ва поместим над огнем то, что я добыл, пускай она повисит! Пусть она повисит там, над огнем; конечно, эти чудовища скоро придут, чтобы снова завладеть ею, - сказал Вукуб- Какиш и подвесил руку Хун-Хун-Ахпу.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Шбаланке хорошо продумали все это, они отправились поговорить со старцем, имевшим снеж- но-белые волосы, и со старицей, а она была поистине очень стара и смиренна, и оба они были уже согнуты, как очень старые люди. Старца звали Саки-Ним-Ак, а старицу - Са- ки-Нима- Циис. И юноши сказали старцу и старице:

- Пойдемте вместе с нами к дому Вукуб-Какиша, что- бы получить нашу руку. Мы же пойдем сзади вас, и вы ска- жете им: "Эти вот, с нами, наши внуки; их мать и отец мерт- вы; поэтому они следуют за нами повсюду, где нам подадут милостыню. Ибо единственное занятие, которое мы зна- ем, - это, как вытаскивать червей из резцов и коренных зубов"¹. Поэтому Вукуб-Какиш подумает, что мы малень- кие дети, и мы будем там, чтобы давать вам советы, - ска- зали двое юношей.

- Хорошо! - ответили старец и старица.

Тогда они отправились в путь к своей цели и увидели Ву- куб-Какиша, сидевшего на своем троне. Старица и старец пошли по дороге, а за ними следовали два мальчика, дер- жавшиеся позади них. Таким образом они прибыли к дому

1 До сих пор среди индейских народов Гватемалы распространено пред- ставление, что зубная боль вызывается червяком, поселившимся в зубе.

владыки, а Вукуб-Какиш корчился и вопил из-за боли, ко- торую причиняли ему его зубы. Когда Вукуб-Какиш увидел старца и старицу и тех, кто сопровождал их, он спросил:

- Куда же вы идете, прародители? - так сказал вла- дыка.

- Мы идем поискать чего-нибудь поесть, почтенный владыка, - ответили они.

- А что вы едите? И не дети ли ваши те, кто сопровож- дает вас?

- О нет, почтенный владыка! Они наши внуки, но мы жалеем их и от каждого куска, что подадут нам, мы уделяем им половину, о почтенный владыка, - ответили старица и старец.

Между тем владыка испытывал страшную боль из-за своего зуба: он метался из стороны в сторону и мог говорить только с величайшим трудом.

- Я умоляю вас о помощи, имейте же ко мне сострада- ние. Что можете вы делать? Что вы знаете, как лечить? - спросил их владыка.

И ответили старые:

- О почтенный владыка! Мы можем только вытаски- вать червей из зубов, только лечить глаза и только вправ- лять кости.

- Хорошо! Исцелите тогда мои зубы, которые поисти- не заставляют меня страдать день и ночь. Из-за них и из-за моих глаз я не могу быть спокоен и не могу спать. Все это из-за того, что два чудовища выстрелили в меня шариком из выдувной трубки, и вот с той поры я не могу больше есть. Имейте же ко мне сострадание! Моя челюсть совсем расша- тана, мои зубы качаются!

- Хорошо, почтенный владыка! Это червь заставляет тебя страдать. Все это кончится, когда эти зубы будут вы- ташены и на их место поставлены другие.

_ Хорошо ли будет, если вы вытащите мои зубы? По- тому что только благодаря им я являюсь владыкой; мои зу- бы и мои глаза - вот и все знаки моего достоинства.

- Мы вставим другие из блестящей кости на их мес- то. _ Но блестящая кость в действительности была только зернами белой кукурузы.

_ Хорошо, вытащите их тогда и помогите мне по-на- стоящему, - сказал он.

Тогда они вытащили зубы Вукуб-Какиша, но на их место они вставили только зерна белой кукурузы, и эти кукуруз- ные зерна замечательно блестели у него во рту. Мгновенно черты лица его

изменились, и он уже более не выглядел подобно владыке. Они вытащили все, до последнего, его зубы, которые сверкали, подобно драгоценным камням, у него во рту. И наконец, они исцелили глаза Вукуб-Какиша; они содрали кожу с его глаз; они сняли с них все его серебро.

Но он не чувствовал никакой боли и мог видеть по-прежнему. У него только были отобраны все те вещи, которыми он так сильно гордился. Так именно это и было замыслено Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда Вукуб-Какиш умер. Хун-Ахпу же возвратил себе руку. Чимальмат, жена Вукуб-Какиша, также погибла.

Вот каким образом Вукуб-Какиш потерял свою величественность. Целители взяли все изумруды и драгоценные камни, которые были его гордостью здесь на земле.

Старица и старец, сделавшие это, были чудесными существами; взяв руку Хун-Ахпу, они приложили ее к ее месту, и когда они точно приладили ее, все было снова хорошо.

Только для того, чтобы осуществить смерть Вукуб-Какиша, совершили они все это; потому что им казалось дурным, что он стал таким надменным.

И тогда двое юношей отправились дальше, выполнив, таким образом, то, что им было приказано Сердцем небес.

Глава 7

Дальше здесь следуют дела Сипакны, старшего сына Вукуб-Какиша.

- Я творец гор, - говорил Сипакна.

И вот этот Сипакна купался у берега реки, когда мимо проходили четыре сотни юношей, тащивших бревно, чтобы подпереть свой дом¹. Четыре сотни юношей возвращались после того, как они срубили большое дерево, чтобы изготовить из него главную балку для крыши своего дома.

Тогда Сипакна вышел из воды и, подойдя к четырем сотням юношей, сказал им:

- Что это вы делаете там, юноши?

- Вот тащим это бревно, - ответили они, - мы не можем поднять его и нести на своих плечах.

- Я отнесу его. Куда с ним идти? Для чего вы его хотите?

- Для главной балки в крыше нашего дома.

- Хорошо, - ответил он, поднял его, положил его на свои плечи и отнес к входу дома, где жили четыре сотни юношей.

- Теперь оставайся с нами, юноша, - сказали они, - есть ли у тебя мать или отец?

- У меня нет никого, - отвечал он.

- Мы собираемся завтра приготовить еще одно бревно для подпорки нашего дома.

¹ В сказании о четырехстах юношах следует отметить два момента. Первый: юноши живут вдали от своих родителей (о них даже не упоминается в рассказе) в одном доме и составляют единый коллектив. Не случайно и число четырехста; оно обозначает здесь, по всей вероятности, просто "множество". Можно думать, что в этом сказании сохранились какие-то отзвуки преданий о мужских домах или домах для юношеских инициаций.

Во-вторых, в этом сказании можно видеть и космогонические мотивы: постройка в древних мифологиях - образ создания космоса, а разрушение его и смерть обитателей равнялись гибели существующего мира.

- Хорошо, - ответил он.

Четыре сотни юношей начали совещаться друг с другом и сказали:

- Этот молодой человек там - как это нам устроить, чтобы мы смогли его убить? Как мы убьем этого мальчишку? Потому что не предвещает ничего хорошего то, что он сделал, когда высоко поднял бревно один. Давайте сделаем большую яму и толкнем его, чтобы он упал в нее. Мы скажем ему: ступай вниз, выгребь землю и вытащи ее из ямы, а когда он спустится вниз, углубится в яму, мы сделаем так, что на него свалится большое бревно, и он умрет там, в яме.

Так говорили четыре сотни юношей. Затем они вырыли большую, очень глубокую яму. Тогда они позвали Сипакну.

- Ты нам очень нравишься. Иди же, спустись ирой землю, потому что мы не можем добраться до дна, - сказали они ему.

- Хорошо, - ответил он. И после этого он сразу же полез в яму.

- Ты громко позови нас, когда накопаешь много земли. Основательнее спускайся в глубину! - было приказано ему.

- Да будет так, - ответил он. И затем он начал углублять яму.

Но яма, которую он делал, должна была спасти его самого от опасности. Он знал, что они желают убить его; поэтому он рыл вторую яму, он делал сбоку другое углубление, чтобы освободить себя.

- Как далеко ты углубился? - крикнули ему вниз четыре сотни юношей.

- Я еще копаю, я крикну вам, когда я кончу копать, - сказал Сипакна со дна ямы.

Но он не копал себе могилу; вместо этого он отрывал другое углубление, чтобы спастись. Наконец Сипакна громко позвал их. Но когда он крик-нул, он уже был в безопасности, во второй яме.

- Идите соберите и вытащите выкопанную землю, му-сор, находящийся на дне ямы, - сказал он, - потому что поистине я сделал ее очень глубокой. Разве вы не слышите моего зова? Но вот ваши крики, ваши слова повторяются здесь однажды и дважды, так что я хорошо слышу, где вы находитесь. - Так зывал Сипакна из ямы, в которой он спрятался, так он громко кричал из глубины.

Тогда юноши быстро подтащили то самое огромное брев-но и с силой швырнули его в яму.

- Пусть никто ничего не говорит! Давайте подождем, пока не услышим его предсмертного крика, - говорили они друг другу шепотом. И ни один из них не мог посмотреть в лицо другому, когда бревно шумно полетело вниз.

Сипакна заговорил, затем крикнул, но он вскрикнул толь-ко один лишь раз, когда бревно упало на дно.

- Как мы преуспели в этом! Мы действительно его поразили! Теперь он мертв, - восклицали юноши, - ес-ли бы, к несчастью, он продолжал то, что начал делать, ко-нец был бы нам; он прежде всего набросился бы на нас, а тогда с нами, четырьмя сотнями юношей, было бы все кончено!

11 Причина, которой пытаются оправдать свою попытку убийства Сипак-ны четыреста юношей, звучит неубедительно. В предшествующем тексте ни-где не говорится о том, чтобы "он сталкивался с ними", наоборот, он послуш-но выполняет все их указания. Очевидно, перед нами уже поздняя трансформация мифа, при которой сказитель "Пополь-Вух" не понимал смысла покушения на Сипакну и дополнил от себя причину. В действительно-сти же, РО всей видимости, первоначально здесь был миф о "строительной жертве"; вся обстановка рассказа соответствует этому: четыреста юношей строят дом, они роют яму, в которую спускается жертва, и т. д. Существова-ние таких жертвоприношений в древности засвидетельствовано археологиче-скими находками на территории Мексики и Гватемалы.

И, исполненные радости, они говорили:

_ Теперь в течение следующих трех дней мы должны делать себе опьяняющий напиток. Когда эти три дня прой-дут, мы будем пить за постройку нашего нового дома, мы, четыре сотни юношей.

Затем они сказали:

_ Завтра мы посмотрим, и на следующий день, послеза-втра, мы также посмотрим; может быть, мы увидим, как выйдут муравьи из земли, когда он начнет пахнуть, когда он начнет разлагаться. Вот тогда наши сердца станут совершен-но спокойны, и мы выпьем наш опьяняющий напиток, - го-ворили они.

Но Сипакна из своей ямы слышал все, что говорили юноши.

И действительно, на второй день появились полчища му-равьев; они приходили и шли и собирались под бревном. И некоторые из них тащили в своих ртах волосы Сипакны, а другие тащили его ногти.

Когда юноши увидели это, они воскликнули: "Этот зло-дей теперь погиб. Посмотрите, как собрались муравьи, как они идут полчищами, и одни из них несут его волосы, а дру-гие - его ногти. Посмотрите же! Вот что мы сделали!" Так говорили они друг другу.

Но Сипакна был в действительности жив. Он обрезал се-бе волосы и обгрыз зубами свои ногти, чтобы отдать их му-равьям.

И вот четыре сотни юношей поверили, что он мертв, и на третий день они начали праздновать, и все юноши напились пьяными. А когда четыре сотни становились пьяными, они не разумели ничего другого. И тогда Сипакна заставил дом упасть на их головы, и все они были убиты. Даже один или двое не спаслись среди этих четырех сотен; все они были убиты Сипакной, сыном Вукуб-Какиша.

Вот каким образом умерли четыре сотни юношей. Гово-рят, что они стали группой звезд, которую из-за них назы-вают Моц1, но это может быть и неправда.

Теперь мы расскажем о том, как Сипакна был оконча-тельно побежден двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 8

Теперь следует повествование о поражении и смерти Си-пакны, побежденного двумя юношами, Хун-Ахпу и Шба-ланке. Сердца этих юношей были полны злобы, потому что Сипакна убил четыре сотни юношей.

А он лишь ловил рыбу и раков на берегах всех рек, и это составляло его ежедневную пищу. В течение всего дня он ходил, выискивая себе пищу, а по ночам он таскал на своей спине горы.

При помощи листа растения эк, которое растет во всех лесах, Хун-Ахпу и Шбаланке быстро сделали фигуру, вы-глядящую подобно очень большому раку. Из этого листа они сделали туловище рака, тонкие клешни его они сделали из пахака, а для панциря, который покрывает спину и зад рака, они использовали круглый плоский камень.

Затем они поместили рака в глубине пещеры, у подножия большой горы; Меауан² - вот имя горы, где Сипакна был впоследствии побежден.

Затем юноши отправились дальше и как будто случайно встретились с Сипакной на берегу реки.

- Куда ты идешь, юноша? - спросили они его.

1 Моц - семь звезд, Плеяды. В древнем Перу они считались семью главами Уиракочи, наблюдавшими за урожаем.

1 Высокая гора, носящая это имя, находится в нижнем Верапасе, около 10 км к востоку от знаменитого гватемальского селения Рабиналь.

- Никуда я не иду, - ответил Сипакна, - я лишь ищу себе пищу, о юноши.

- А что является твоей пищей?

- Только рыба и раки, но здесь ничего нет, и я ничего не нашел. А я не ел вот уже два дня и не могу уже больше переносить голод, - сказал Сипакна Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Там, в глубине ущелья, есть рак, поистине огромный рак, и конечно хорошо было бы, если бы ты съел его. Только он нас укусил, когда мы пытались его поймать, и мы испугались. Ни за что не будем теперь пытаться его поймать, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Пожалейте меня! Пойдемте, покажите мне путь, о юноши, - допросил Сипакна.

- Ни за что на свете! Иди ты один, там невозможно заблудиться. Иди по берегу реки, вверх по течению, и ты выйдешь к подножию большой горы; там он и шумит, в глубине ущелья. Тебе надо туда только быстрее дойти, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Ох, горе мне! Он, наверное, вообще вам не встречался, о юноши! Пойдемте со мной, я покажу вам место, где имеется воистину множество птиц. Идемте, вы сможете застрелить их вашими выдувными трубками, а я знаю, где найти их, - сказал Сипакна.

Его смирение убедило юношей. И они спросили его:

- Но ты в действительности сумеешь поймать его? Потому что только из-за тебя мы возвращаемся. Мы не собирались снова пытаться поймать его, потому что он укусил нас, когда мы влезали на животе в пещеру. После этого мы испугались и не влезли, но мы почти ухватили его. Так что лучше будет, если ты влезешь внутрь, - сказали они.

- Хорошо, - сказал Сипакна, и тогда они отправились вместе с ним. Они пришли на дно ущелья, и там, про-

стертый на своем животе, находился рак, выставляя свой прекрасный тонкий панцирь. И там же, на дне ущелья, находилось и колдовство юношей.

- Хорошо, хорошо, - сказал Сипакна, очень довольный, - хотелось бы мне, чтобы он уже был у меня во рту. - А он действительно умер от голода.

Он хотел попытаться влезть в пещеру на животе, он хотел войти туда, но рак начал подниматься.

Сипакна сразу же вышел, и юноши спросили его:

- Ну что же, ты не поймал его?

- Нет, - ответил он, - потому что он начал подниматься, но еще немного, и я схватил бы его. Но, может быть, будет лучше, если я влечу в пещеру сверху, - добавил он. И тогда он снова попытался войти, уже сверху, но когда он был почти внутри и были видны только его пятки, как вдруг огромная гора соскользнула и медленно упала на его грудь. И Сипакна никогда уже не возвратился; он был превращен в камень.

Вот каким образом Сипакна был полностью повержен двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Он был старшим сыном Вукуб-Какиша, и по старинному преданию он был тем, кто создал горы.

У подножия горы, называемой Меауан, был побежден он. Только из-за магического искусства юношей был он побежден, второй из надменных. Остался еще один, и теперь мы расскажем о нем.

Глава 9

Третьим из надменных был второй сын Вукуб-Какиша, и имя его было Кабракан.

- Я тот, кто ниспровергает горы, - говорил он.

Но Кабракан был также побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха говорили и сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

- Пусть будет также побежден и второй сын Вукуб-Какиша. Таково наше неизменное пожелание, потому что нехорошо, что они существуют на земле, возвеличивая свою славу, свое величие и свое могущество больше, чем солнце. Так не должно быть! Завлеките его туда, где поднимается солнце, - сказал Хуракан двум юношам¹.

- Хорошо, почтенный владыка, - ответили они, - потому что мы видим, что это дурно. Разве не существуешь ты; ты, кто есть жизнь, ты, Сердце небес? - сказали юноши, когда они слушали повеление Хуракана.

А между тем Кабракан занимался тем, что тряс горы. При самом легком ударе его ноги о землю большие и малые горы раскрывались. Так юноши нашли его и спросили Кабракана:

- Куда же ты идешь, юноша?

- Никуда, - ответил он, - я здесь двигаю горы и сравниваю их навсегда с землей, - добавил он. Затем Кабракан спросил Хун-Ахпу и Шбаланке:

- А что вы пришли сюда делать? Я не знаю ваших лиц! Как ваши имена? - спросил Кабракан.

- У нас нет имени, - ответили они, - мы не что иное, как стрелки из выдувных трубок и охотники с клеевыми ло-вухками для птиц на горах. Мы бедны, и у нас нет ничего, юноша. Мы лишь бродим по горам, большим и малым, как и ты, о юноша. Только что мы видели огромную гору, вот там, где ты видишь розовеющее небо. Она действительно поднимает-

1 В этом месте яснее всего выражена причина уничтожения Вукуб-Каки-ша и его сыновей. Речь идет о борьбе между "богами" и "титанами". В ана-логичном греческом мифе боги сражаются сами, а в мифе киче - при помощи своих орудий, полубогов Хун-Ахпу и Шбаланке.

ется очень высоко и превышает вершины всех других гор. Она так высока, что мы не смогли поймать даже одну или двух птиц на ней, о юноша. Но это правда, что ты можешь сравнить все горы? - спросили Кабракана Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Вы действительно видели гору, о которой вы говорите? Где она? Вы тогда увидите сами, что я ниспровергну ее. Где вы ее видели?

- Она вон там, где поднимается солнце, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Хорошо, идите впереди, покажите мне дорогу, - сказал он двум юношам.

- Ох, нет, - ответили они, - ты должен идти между нами; один пойдет слева от тебя, а другой - справа от тебя, потому что у нас выдувные трубки и если будут птицы, мы сможем стрелять в них.

И, довольные, они отправились, пробуя свои выдувные трубки. Но когда они стреляли из них, они не клали глиняных шариков в дуло выдувной трубки. Вместо этого они сбивали птиц только дуновением воздуха, когда стреляли в них, и это очень удивляло Кабракана.

Затем юноши разожгли огонь и начали жарить на нем своих птиц. Но спинку одной из них они натерли мелом; белой землей покрыли они ее.

- Мы дадим ему это кушанье, - сказали они, - чтобы пробудить его аппетит тем запахом, который оно издает. Эта наша птица будет его гибелью. Как мы покрываем эту птицу землей, так же мы сведем его в землю и погребем его в земле. Велика будет мудрость сотворенных существ, существ созданных, когда наступит заря, когда будет свет, - сказали юноши.

- Так как для человека естественно хотеть откусывать и проглатывать, то сердце Кабракана пожелает пищи, - говорили Хун-Ахпу и Шбаланке друг другу.

Между тем птицы жарились, они начинали становиться золотистыми, а жир и сок, капавший с них, распространял приятный запах. Кабракану очень захотелось съесть их; они наполнили его рот водой: он зевал, а слюна и пена текли из его рта из-за запаха, который издавали птицы.

Тогда он спросил их:

- Что это вы там едите? Запах, который доходит до меня, действительно замечателен. Дайте-ка мне маленький кусочек! - сказал он им.

Тогда они дали Кабракану птицу, ту самую, которая должна была быть его гибелью. И когда он кончил есть ее, они отправились по направлению к востоку, где была большая гора. Но руки и ноги Кабракана уже полностью ослабли, и он не имел силы, потому что спинка птицы, которую он съел, была натерта землей. Он не мог ничего сделать с горой и был бессилен сокрушить их.

Тогда юноши связали его; они связали ему руки, они укрепили его руки за спиной; они связали его ноги. Затем они бросили его на землю и похоронили его в ней.

Вот каким образом Кабракан был побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Но невозможно было бы поведать о всех делах, которые они совершили здесь, на земле.

Теперь мы расскажем о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке, предварительно сообщив о поражении Вукуб-Какиша, а с ним Сипакны и Кабракана здесь, на земле.

ЧАСТЬ II

Глава

1 Теперь мы назовем имя отца Хун-Ахпу и Шбаланке. Полумрак скрывает его голову, и в полумраке находится все то, что сообщается и повествуется о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Мы расскажем только лишь половину ее, только часть того, что рассказывается об их предках.

Вот повествование о них; вот имена: Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу¹, как назывались они. Родителями их были Шпийакок и Шмукане. В ночи были рождены² ими, Шпийакоком и Шмукане, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И вот Хун-Хун-Ахпу породил двух детей, и это были сыновья: первый носил имя Хун-Бац, а второй - Хун-Чоуэн³.

Мать этих двух сыновей именовалась Шбакийало⁴; так называлась жена Хун-Хун-Ахпу. Что же касается друго-

1 Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу - буквально "один хун-ахпу" и "семь хун-ахпу". Имена этих героев представляют собой названия двух дней в календаре киче. Месяц древних киче состоял из двадцати дней (названия их - имош, ик, акбаль, кат, кан, камей, кех, канель, тох, ци, бац, э, ах, балам, цикин, ахмак, нох, тихаш, каок, хун-ахпу). Племена майя до испанского завоевания обозначали день года путем соединения цифрового коэффициента (от 1 до 13) и названия дня. Благодаря этому получался непрерывный ряд из 260 дней; сочетание числа и дня могло повториться лишь через данный промежуток времени. Этот период в 260 дней составлял у киче ритуальный год. Существовал обычай, по которому рожденный в тот или иной день ребенок получал название этого дня как свое имя. Этим и объясняются встречающиеся далее имена действующих лиц, совпадающие с названиями дней.

2 То есть до того, как были созданы солнце и луна.

3 Хун-Бац ("одна обезьяна") - одиннадцатый день календаря киче; Хун-Чоуэн (значение то же) - одиннадцатый день в календаре юкатанских майя. 1 Шбакийало - "женщина рода Белой цапли".

го сына, Вукуб-Хун-Ахпу, то он не имел жены; он был одинок.

По природе своей эти два сына были очень мудрыми, и великим было их знание; они были предсказателями здесь, на земле, и дела и привычки их были прекрасны.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн, сыновья Хун-Хун-Ахпу, имели навыки и способности ко всему. Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами. - всем этим были Хун-Бац и Хун-Чоуэн¹.

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не занимались ничем, кроме игры в кости и мяч, в течение целого дня, а когда они сходились все четверо вместе для игры в мяч, то одна пара играла против другой.

И Вок², посланник Хуракана, посланник Чипи-Какулха и Раша-Какулха, приходил туда, чтобы наблюдать их игру. Не далека для этого Вока ни поверхность земли, ни преисподняя Шибальбы. В одно мгновение он может унести на небо и быть около Хуракана.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу пребывали еще здесь, на земле, когда умерла мать Хун-Баца и Хун-Чоуэна.

И вот, когда они играли в мяч, на дороге, которая вела в Шибальбу, они были услышаны владыками Шибальбы³ Хун-Каме и Вукуб-Каме⁴.

1 Слово "чоуэн" на языке майя обозначает "ремесленник". 1 Вок - сокол, посланник богов.

3 Буквально "Место ужаса". "В древности, - говорит Кото, - это слово означало дьявола, или мертвого, или видения, появившиеся перед индейцами". В словаре юкатанских майя это слово имеет то же значение: "Шибальба" означало дьявола, а глагол *xibil* - "исчезать, подобно видению или призраку". У майя исполнялся танец, называвшийся *Xibalba osot* "танец демона". Киче верили, что Шибальба - подземная область, населенная врагами человека, царство богов смерти.

4 Хун-Каме ("один мертвый") и Вукуб-Каме ("семь мертвых") - дни календаря киче.

"Что это такое? Что происходит там, на земле? Кто эти, что заставляют дрожать землю и вызывают столько смятения? Подите и позовите их! Пусть они придут играть в мяч сюда! Здесь мы победим их! Эти создания уже более не почитают нас! У них нет более ни почтения, ни уважения к нашему положению, и они даже занимаются своими причудами над нашими головами", - восклицали все владыки Шибальбы.

Тогда они, все вместе, собрались на совет. Те, которые назывались Хун-Каме и Вукуб-Каме, были высшими судьями. Всем владыкам были назначены свои обязанности, и каждому из них Хун-Каме и Вукуб-Каме дали свою, соответствующую ему власть.

Там были Шикирипат и Кучумакик, владыки с такими именами¹. Они были те двое, которые причиняют кровотечение у людей.

Там были другие, назывались они Ах-Алытух и Ах-Алькана, тоже владыки². И их делом было заставлять людей пухнуть, чтобы из их ног изливался гной, и окрашивать их лица в желтый цвет, что называется чуканаль³. Вот над чем владовали Ах-Альпух и Ах-Алькана.

Там были также владыка Чамиабак и владыка Чамиахолом, жезлоносцы Шибальбы, чьи посохи были из чистой кости⁴. Их делом было заставлять людей чахнуть, пока от

1 Имя первого обозначает "летающая корзина", имя второго - "собранная кровь".

2 Алыгук - "Тот, кто причиняет нарывы". У современных какчикелей это слово обозначает венерическую болезнь. Алькана - "Тот, кто причиняет водянку".

¹ Чуканаль - род желтухи.

1 Чамиабак - "Тот, кто носит костяной жезл". Чамиахолом - "Тот, кто носит жезл с черепом". И тот и другой жезл - символы смерти. "Человек с жезлом" (жезл или палка - символ власти) - люди, поддерживающие общественное спокойствие в государствах доколумбовой Америки.

них не оставалось ничего, кроме черепа и костей, и тогда они умирали, потому что живот у них приклеивался к позвоночнику. Вот что было делом Чамиабака и Чамиахолома, как именовались эти владыки.

Там были также владыка Ах-Альмес и владыка Ах-Альтокоб; их делом было приносить людям несчастья, когда те находились перед своим домом или позади него, - так, чтобы их нашли израненными, распротертыми, с лицом, уткнувшимся в землю, мертвыми. Вот над чем владычествовали Ах-Альмес и Ах-Альтокоб, как именовались эти владыки¹.

Там были, наконец, владыки по имени Шик и Патан². Их делом было заставлять людей умирать на дороге - то, что называется внезапной смертью, - заставляя кровь устремиться к их горлу, пока они не умирали, изрыгая кровь. Дело каждого из этих владык было наброситься на них, сжать их горло и сердце, чтобы хлынула у них горлом кровь во время пути. Вот над чем владычествовали Шик и Патан.

И вот собрались они на совет, и решили совместно, что должно преследовать и мучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, чтобы сделать их уступчивыми. Но в действительности то, чего домогались владыки Шибальбы, было другим. Снаряжения для игры в мяч Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу - их наколенников из кожи, нашейников, перчаток, головных уборов и масок, - всего того, что было игральными принадлежностями Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, - вот чего добивались они.

1 Альмес - "Тот, кто делает нечистоты". Альтокоб - "Тот, кто причиняет несчастье". Возможно другое толкование: "Тот, кто причиняет раны", "убийца".

2 Шик - "сокол". Патан - кожаная лента, носимая индейцами на голове; к ней прикрепляется носимая на спине ноша. Многие из перечисляемых в этом месте имен божеств встречаются в древнем "Словаре языка киче и какчнкелей", где они определяются как "имена демонов".

Теперь мы расскажем о их путешествии в Шибальбу и как они оставили после себя двух сыновей Хун-Хун-Ахпу: Хун-Баца и Хун-Чоуэна, мать которых была уже мертвой. А в конце мы расскажем и о том, как Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 2

"Тотчас по повелению Хуна-Каме и Вукуба-Каме перед ними предстали посланные.

- Отправляйтесь, мужи совета, - сказали они. - Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу. Скажите им: "Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны прийти. Они должны прийти сюда поиграть с нами в мяч, чтобы сделать нас счастливыми, так как мы поистине изумлены ими". Поэтому они должны прийти к нам, - сказали владыки. - И пусть они принесут с собой свое снаряжение для игры¹, их нашейники, их перчатки, и пусть также они принесут и свой каучуковый мяч, - говорили владыки. - Скажите им, чтобы они пришли как возможно скорей! - так повелели они своим посланцам.

А эти посланные были совы: Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Какиш-Тукур и Холлом-Тукур². Таковы были имена посланников Шибальбы.

Чаби-Тукур был быстр, как стрела, Хуракан-Тукур имел только одну ногу, но у него были крылья; Какиш-Тукур

1 Так как при игре в мяч игрок мог получить в пылу игры увечья (мяч из каучука был очень тяжелым), то перед ее началом он надевал специальное предохранительное одеяние, состоявшее из наколенников из плотной кожи, защищающих ноги и часть бедер, нашейника (несколько специальных колец для защиты шеи), перчаток, специального головного убора (нечто вроде шлема) и маски.

2 Послы Шибальбы носили имена: "Сова-стрела", "Одноногая сова", "Сова-арара" и "Сова-голова".

имел красную спину и крылья, а у Холлом-Тукура имелась только голова, ног не было, но имелись крылья.

Эти четыре посланных имели достоинство ах-поп-ачиха¹. Оставя Шибальбу, они быстро прибыли, принеся свое послание в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч, в здание для игры в мяч, которое называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники направились прямо в здание для игры в мяч и передали свое поручение точно так, как оно было дано им Хун-Каме, Вукубом-Каме, Ах-Альпухом, Ах-Альканой, Чамиабаком, Чамиахоломом, Шикирипатом, Кучумакиком, Ах-Альмесом, Ах-Альтокобом, Шиком и Патаном, как назывались те владыки, которые послали поручение с совами.

- Действительно ли владыки Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали, что мы должны идти с вами?

- Они определенно сказали так, и мы будем сопровождать вас. "Пусть принесут они с собой все их снаряжение для игры", - сказали владыки.

- Хорошо! - сказали юноши. - Подождите нас, мы только сходим проститься с нашей матерью.

И вот они направились прямо домой и сказали своей матери, потому что отец их был уже мертв:

- Мы уходим, мать наша, но уходим только на время. Посланники владык пришли, чтобы взять нас. "Они должны придти как возможно скорей", - сказали владыки; так передали нам их посланцы. Мы оставим здесь наш каучуковый мяч в качестве заложника, - добавили братья.

И они немедленно пошли и повесили его в углублении крыши дома, там, где находилась ниша. "Мы возвратимся и будем потом играть", - сказали они.

1 Ах~поп~ачих (буквально "благородный муж ах-попа") - почетное звание у киче.

И, подойдя к Хун-Бацу и Хун-Чоуэну, они сказали им: "Играйте на прекрасной флейте и пойте прекрасно, занимайтесь живописью и резьбой по камню, согревайте наш дом и согревайте сердце вашей бабушки!"

Когда они прощались со своей матерью, Шмукане очень огорчилась и горько заплакала. "Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли", - сказали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, когда они покидали ее.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились немедленно, и посланные шествовали впереди них по дороге. И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням. Они спускались вниз до тех пор, пока не подошли к берегу постоянно изменявшейся реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, называвшимися Нусиван-куль и Кусиван, и переправились через нее. Затем они пересекли местность с очень изменчивой рекой, которая текла среди колочих тыквенных деревьев. Там было очень много тыквенных деревьев, но они прошли между ними, не причинив себе вреда.

Затем они подошли к берегу другой реки, реки из крови, и пересекли ее, но не пили из нее воды, они только перебрались на другой берег, и поэтому они не были побеждены. А затем они подошли к другой реке, реке целиком из гноя; но она не принесла им вреда; они прошли снова беспрепятственно.

Братья двинулись дальше, пока они не пришли на место, где соединялись четыре дороги, и здесь, на этом перекрестке четырех дорог, они были настигнуты судьбой.

Одна из этих четырех дорог была красная, другая - черная, третья - белая и последняя - желтая. И черная дорога сказала им: "Меня, меня должны вы избрать, потому что я - дорога владыки". Так сказала дорога.

И в этом месте они были уже побеждены. Они приняли эту дорогу, дорогу к Шибальбе, и когда братья прибыли на место совета владык Шибальбы, они уже потеряли в игре.

И вот, первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы. Братья приветствовали их первыми: "Привет, Хун-Каме!" - сказали они деревянной кукле. - "Привет, Вукуб-Каме!" - сказали они другому деревянному изображению. Но те не отвечали. Немедленно владыки Шибальбы разразились хохотом, и все другие владыки начали громко смеяться, потому что они смотрели на Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу как на уже обессиленных, как на уже побежденных. Вот почему они продолжали смеяться.

Тогда Хун-Каме и Вукуб-Каме заговорили: "Хорошо", - сказали они, - "вот вы прибыли. На завтра приготовьте маску, ваши нашейники и перчатки", - прибавили они.

"Подойдите и сядьте на нашу скамью", - сказали они. Но скамья, которую они предложили братьям, была из раскаленного камня, и когда они сели на нее, то они обожглись. Они начали извиваться на скамье, но не находили себе никакого облегчения. Конечно, они вскочили со скамьи, но следы ожогов на их лицах были обожжены.

Владыки Шибальбы снова разразились хохотом; они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы.

"Теперь идите к этому дому, - сказали они, - там вы получите ваши смолистые лучины и ваши сигары и там вы будете спать".

Немедленно прибыли они в "Дом мрака". Внутри него была только тьма. А пока они были там, владыки Шибальбы обсуждали, что они должны предпринять.

"Давайте принесем их в жертву завтра, пусть они умрут быстро-быстро, так, чтобы мы могли пользоваться их игральным снаряжением при игре в мяч", - говорили владыки Шибальбы друг другу.

А лучинами у них были липкие от крови каменные ножи; они назывались "сакиток" - так называлась сосна Шибальбы. Обоюдоострой была и их игра в мяч; каждое мгновение их кости могли быть расчленены; роковой могла быть для них игра в мяч с владыками Шибальбы.

Итак, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вошли в "Дом мрака". Там им были даны их смолистые лучины, единственная зажженная лучина, которую Хун-Каме и Вукуб-Каме послали им, вместе с зажженной сигарой для каждого, которые послали им владыки. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу сидели в темноте, совершенно скорчившись, когда вошел посланец с лучинами и сигарами. Лучины ярко осветили помещение, когда он передавал слова владык:

"Каждый из вас имеет горящую лучину и сигару; приходите на заре и принесите их обратно. Вы не должны сжигать их, но вы должны возвратить их целыми, в том же виде, что и сейчас, - вот что поручили сказать мне владыки".

Так было сказано им. И этим братья были побеждены. Они сожгли лучины, и они также искурили сигары, которые были даны им.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое - это "Дом мрака", Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма. Второе было Шушумим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной, невыносимый ветер дул внутри.

Третье было "Дом ягуаров", Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые

толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха, "Домом летучих мышей", называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.

Пятое называлось Чайим-Ха, "Дом ножей", в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению всего находящегося здесь, в этом доме.

В Шибальбе было много мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не входили туда. Мы должны были только упомянуть здесь названия этих домов для испытаний.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу появились перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, эти им сказали: "Где же мои сигары? Где моя смолистая лучина, которая была дана вам на прошлую ночь?"

- Они все кончились, владыка!

- Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву! - сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Они немедленно принесли братьев в жертву и погребли их; они были погребены в месте, называемом Пукбаль-Чах. Перед их погребением владыки Шибальбы отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили лишь тело старшего брата вместе с младшим братом.

"Возьмите его голову и поместите ее на дереве, находящемся около дороги", - сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме. И когда туда пришли и поместили голову Хун-Хун-Ахпу среди ветвей дерева, оно, никогда раньше не приносившее плодов, внезапно покрылось плодами. И это тыквенное

дерево - так оно зовется - и есть то самое, которое мы теперь называем головой Хун-Хун-Ахпу.

С изумлением смотрели Хун-Каме и Вукуб-Каме на плоды этого дерева. Круглые плоды виднелись повсюду, но Хун-Каме и Вукуб-Каме не могли распознать, где голова Хун-Хун-Ахпу; она была совершенно подобна другим плодам тыквенного дерева. Так это казалось всем обитателям Шибальбы, когда они пришли посмотреть на него вблизи.

Они единодушно решили из-за того, что произошло, когда они поместили среди его ветвей голову Хун-Хун-Ахпу, что дерево это - волшебное. И владыки Шибальбы сказали:

"Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко и садиться под этим деревом!" - сказали они. Так владыки Шибальбы решили держаться в стороне от дерева всякого.

Голову Хун-Хун-Ахпу более уже нельзя было узнать, потому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева. Тем не менее об этом говорилось очень много, и одна девушка услышала этот чудесный рассказ. Теперь мы расскажем об ее прибытии к этому дереву.

Глава 3

Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучу-макик.

До этой девушки, дочери владыки, также дошел рассказ об этом. Имя отца было Кучумакик, а имя девушки - Шкик¹. Когда она услышала рассказ о плодах на дереве, который постоянно рассказывал ее отец, она, слушая это, была очень изумлена.

¹ Слово "Шкик" может значить "кровь женщины" или "малая кровь, кровинка".

"Почему я не могу пойти посмотреть на это дерево, о котором они столько говорят, - воскликнула девушка. - Я уверена, что плоды, разговоры о которых я постоянно слышу, должны быть очень вкусными".

И вот, девушка пошла совершенно одна и приблизилась к подножию дерева, росшего в Пукбаль-Чах.

- Ах, - воскликнула она, - что это за плоды, растущие на этом дереве? Разве не удивительно видеть, как оно покрыто плодами? Разве не вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву один-единственный из этих плодов? - сказала девушка.

Тогда череп, находившийся среди ветвей дерева, заговорил и сказал:

- Что ты хочешь от дерева? Эти круглые предметы, покрывающие ветви дерева, всего лишь черепа. - Так говорила голова Хун-Хун-Ахпу, обращаясь к девушке. - Ты, может быть, хочешь их? - добавила она.

- Да, я хочу их! - ответила девушка.

- Хорошо, - сказал череп. - Протяни ладонь своей правой руки сюда! Посмотрим!

- Пусть будет! - сказала девушка, выдвигая свою руку и протягивая ее прямо к черепу.

В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь. Она быстро и внимательно посмотрела на свою руку, но слюны, упавшей из черепа, на ее ладони уже не было.

- В моей слюне и влаге я дал тебе потомство, - сказал голос из дерева. - Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп без плоти. Таковы и головы великих владык, ибо только плоть есть то, что дает им приятный вид. И когда они умирают, люди пугаются при виде их костей. Такова же природа их сыновей, которая подобна влаге и слюне; их жизненная сущность, будь то сын владыки,

сын мудреца или оратора. Они не теряют своей сущности, когда отходят, но завещают ее. Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть искоренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой. Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим. Да будет это так! - сказала голова Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И все то, что они сделали вместе, было воистину совершенно по повелению Хуракана, Чипи-Какулха и Раша-Какулха.

После этого девушка возвратилась прямо домой, и много забот легло на нее. Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Итак, девушка возвратилась домой, и после того, как прошло шесть месяцев, ее отец, именовавшийся Кучумакик, заметил ее положение. И тогда девушка вспомнила слова, сказанные ей головой Хун-Хун-Ахпу, потому что даже ее отец увидел, что она ожидает потомства.

И тогда все владыки и Хун-Каме и Вукуб-Каме собрались на совет с Кучумакиком.

- Моя дочь действительно ждет ребенка, владыки, она беременна из-за чистого распутства, - воскликнул Кучумакик, когда он появился перед владыками.

- Хорошо, - сказали они, - вырви признание из ее рта и, если она откажется говорить, накажи ее. Пусть она будет уведена далеко отсюда и принесена в жертву.

- Хорошо, почтенные владыки, - ответил он. И тогда спросил Кучумакик у своей дочери:

- От кого эти дети, которых ты носишь в чреве, дочь моя? А она ответила:

- У меня нет ребенка, почтенный отец мой, потому что я не знала еще лица мужчины.

- Хорошо, - сказал он, - так ты, значит, действительно блудница. Возьмите ее и принесите ее в жертву, почтенные мужи, принесите мне ее сердце в тыквенной чаше; в этот же день оно должно трепетать в руках владык, - приказал он совам.

Четыре посланца взяли тыкву и отправились в путь, неся юную девушку на своих плечах. Они ваяли с собой также и сверкающий каменный нож, предназначенный для ее заклания.

И она сказала им:

- Нет, не может быть, чтобы вы убили меня, о вестники, ведь то, что я ношу в чреве своем, - это не от бесчестия, а оно зародилось, когда я пошла подивиться на голову Хун-Хун-Ахпу, ту, что в Пукбаль-Чах. Вот поэтому вы не должны приносить меня в жертву, о вестники! - сказала девушка, обращаясь к ним.

- А что мы положим вместо твоего сердца? Так приказал нам твой отец: "Принесите ее сердце; владыки будут вертеть его так и сяк; им будет любопытно смотреть на него; они будут смотреть все вместе, как оно будет гореть. Итак, принесите ее сердце в чаше возможно быстрее, ее сердце, лежащее на дне чаши". Может быть, он не говорил так нам? Но что положим мы тогда в тыквенную чашу? Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла, - сказали посланцы.

- Хорошо, но мое сердце не принадлежит им. Ни дом ваш не должен находиться здесь, ни вы не должны быть принуждаемы ими силой, чтобы убивать людей. Наступит время, воистину, когда действительные распутники будут в ваших руках, а в моих руках Хун-Каме и Вукуб-Каме. Им должны принадлежать только кровь и только череп!; вот что

1 В подлиннике непереводаемая игра слов: quic обозначает не только "кровь", но и мяч из каучука или в данном случае сгусток сока упомянутого ниже "дерева крови"; holomax означает не только "череп", но и листья этого же дерева. Иными словами, девушка намекает, что владыкам подземного царства, символом которых являются кровь и черепа, вместо ее сердца достанутся сок и листья "дерева крови".

будет отдано им. Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними. Да будет так! Соберите то, что даст вам это дерево, - сказала девушка.

Красный сок, хлынувший из дерева, полился в чашу; и тотчас же он загустел и из него образовался комок; он блестел и имел форму сердца. Дерево дало сок, подобный крови, имевший вид настоящей крови. Тогда кровь, или лучше сказать кровь красного дерева, сгустилась и образовала очень

широкий блестящий слой внутри чаши, подобный свернувшейся крови. Так это дерево стало прославленным из-за девушки; оно называлось раньше "красное дерево кошенили", но с той поры оно получило имя "дерево крови", потому что сок его называется кровью.

- Вы будете теперь очень любимы, и все, что есть на земле, будет принадлежать вам, - сказала девушка совам.

- Хорошо, девушка. Итак, мы сейчас исполним приказанное нам, а затем укажем тебе дорогу туда, наверх, ты же продолжай свой путь как можно быстрее. Мы же пойдем и предъявим это изображение, эту замену вместо твоего сердца, владыкам, - сказали вестники.

Когда они появились перед владыками, все ожидали их с нетерпением.

- Кончили ли вы? - спросил Хун-Каме.

- Все кончено, владыки мои. Вот здесь, на дне чаши, находится ее сердце!

- Хорошо! Давайте посмотрим! - воскликнул Хун-Каме. И, схватив его кончиками своих пальцев, он поднял сердце; оболочка разорвалась, и заструилась блестящая кровь ярко-красного цвета.

- Разожгите огонь и положите его на уголья, - приказал Хун-Каме. Как только они бросили его на огонь, обитатели Шибальбы начали приноживаться и пододвинулись ближе к нему. Им очень нравилось благоухание, исходившее от сердца.

А в то время, пока они сидели и пристально смотрели на огонь, совы скрылись и показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли. Совы же, указав ей путь, возвратились назад.

Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они все были поражены слепотой.

Глава 4

И вот Хун-Бац и Хун-Чоуэн находились со своей матерью дома, когда туда пришла женщина, именовавшаяся Шкик.

Когда женщина Шкик появилась перед матерью Хун-Баца и Хун-Чоуэна, она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шибаланке, как они звались, должны были быть рождены. Когда женщина прибыла к старице, она сказала ей: "Я пришла, мать моя, я - твоя невестка и твоя дочь, о почтенная моя мать". Она сказала это, когда вошла в дом старицы.

- Откуда ты пришла? Где мои сыновья? Может быть, они не умерли в Шибальбе? Разве ты не видишь этих двух оставшихся, их порождение и их кровь, зовущихся Хун-Бацем и Хун-Чоуэном? И тем не менее ты приходишь? Иди отсюда! Прочь! - закричала старица на девушку.

- И все же то, что я говорю, - истина. Я - твоя невестка, и была таковой уже долгое время. Я принадлежу Хун-Хун-Ахпу. Они живы в том, что я ношу. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вовсе не мертвы; то, что они сейчас невидимы, - это великий их подвиг. А ты - моя свекровь. И ты скоро с любовью увидишь их образ в том, что я приношу тебе, - сказала она старице.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн рассердились. Они ничего не делали, а только играли на флейте и пели, рисовали и занимались резьбой по камню в течение всего дня и были утешением для сердца старицы.

Тогда старица сказала:

- Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, - это плод твоего бесчестья. А потом, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы.

Неожиданно старица добавила:

- То, что говорю я тебе, - истина, но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала. Иди тогда принеси пищу для этих, они должны быть накормлены кукурузными лепешками. Иди и собери большую сеть, полную зерна, и возвратись сразу же, потому что ты - моя невестка, согласно тому, что я слышу, - сказала она девушке.

- Хорошо, - ответила девушка, и она сразу отправилась на кукурузное поле, которое было засеяно Хун-Бацем и Хун-Чоуэном. Дорога также была устроена и расчищена ими; девушка пошла по ней и так пришла на поле. Но она нашла там только один стебель кукурузы, не два или три. И когда она увидела только один стебель с одним лишь початком на нем, у девушки сжалось сердце.

- Ох, так я в самом деле грешница? Ох, несчастливая я! Откуда же я соберу полную сеть зерна, как мне было приказано ею? - воскликнула она.

Немедленно начала она молить Чахалю о пище, которую она должна была собрать и принести назад.

- Штох, Шканиль, Шкакау¹, вы, что готовите зерно, и ты, Чахаль, хранитель пищи Хун-Баца и Хун-Чоуэна! -

¹ Штох - богиня дождя, Шканиль - богиня желтой кукурузы, Шкакау - богиня деревьев какао.

воскликнула девушка. И затем она схватила нити, пучок нитей от початков и оторвала их, не повреждая початка. Затем она расположила эти нити в сети, и они превратились в початки кукурузы, и большая сеть была совершенно наполнена.

Девушка возвратилась немедленно; полевые животные шли рядом, неся сеть. Когда они прибыли, то поставили ношу в углу дома, как будто девушка смогла нести ее. Старица подошла и заглянула туда. Увидев большую сеть, наполненную едой, она воскликнула:

- Откуда ты взяла всю эту еду? Может быть, ты растащила все на нашем поле и принесла сюда всю нашу кукурузу?

- Пойду посмотрю сейчас же, - сказала старица и вышла на дорогу к кукурузному полю. Но единственный стебель кукурузы по-прежнему стоял там; отчетливо было видно и место, где находилась сеть у подножия стебля. Старица быстро возвратилась назад, вошла в свой дом и сказала девушке:

- Это достаточное доказательство, что ты действительно моя невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами, - сказала она девушке.

Глава 5

Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь мы расскажем об их рождении.

Когда наступил день их рождения, девушка по имени Шкик родила их, но старица не видела их в лицо, когда они были рождены. Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет.

Потом внесли их в дом, но они не хотели спать.

- Ступай выбрось их! - сказала старица, - ибо поистине они кричат слишком много.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн вышли и положили их в муравейник. Там они мирно спали. Тогда они вынули новорожденных из муравейника и положили на чертополох.

То, чего желали Хун-Бац и Хун-Чоуэн, это чтобы Хун-Ахпу и Шбаланке умерли в муравейнике или умерли на чертополохе. Они желали этого из-за той ревности и зависти, которую Хун-Бац и Хун-Чоуэн чувствовали к ним.

Сначала они даже отказались принять своих младших братьев в дом; они не хотели признавать их, и поэтому они были воспитаны в лесной чаще.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн были великими музыкантами и певцами; они выросли среди испытаний и нужды, и у них было много горя, но они стали очень мудрыми. Они были флейтистами, певцами, художниками и резчиками по камню, все это они знали, как делать.

Они сознавали свое назначение, и они знали также, что они - преемники своих родителей, тех, кто отправился в Шибальбу. Они знали, что их отцы умерли там. Хун-Бац и Хун-Чоуэн были исполнены большого знания, и в своих сердцах они знали все относительно рождения их двух младших братьев. Тем не менее, будучи завистливыми, они не показывали своей мудрости, и их сердца были наполнены злыми желаниями против них, хотя Хун-Ахпу и Шбаланке не обидели их никаким образом.

Эти два последних ничего не делали в продолжение всего дня, кроме того что стреляли из выдувной трубки; их не любили ни их бабушка, ни Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Им не давали ничего есть; только тогда, когда еда была закончена и кончали есть Хун-Бац и Хун-Чоуэн, тогда приходили поест младшие братья. Но они не оскорблялись за это и не приходили в гнев, а переносили все терпеливо, потому что они сознавали свое положение и понимали все совершенно ясно. Они приносили с собой птиц день за днем, когда приходили, а Хун-Бац и Хун-Чоуэн ели их, не уделяя никакой доли ни одному из них, ни Хун-Ахпу, ни Шбаланке.

Единственно, чем занимались Хун-Бац и Хун-Чоуэн, - это игрой на флейте и пением.

И вот однажды, когда Хун-Ахпу и Шбаланке пришли, не принеся на этот раз с собой ни одной птицы, то их бабушка разозлилась, когда вошли они в дом.

- Почему на этот раз не принесли вы птиц? - спросила она Хун-Ахпу и Шбаланке. А они ответили:

- Вот что случилось, бабушка. Птицы наши запутались на вершии дерева, а мы не смогли взобраться и достать их, дорогая бабушка. Если наши старшие братья так желают, то пусть пойдут вместе с нами и спустят птиц вниз, - сказали они.

- Хорошо, - отвечали старшие братья, - на заре мы пойдем с вами.

И когда они это говорили, они шли к своей гибели. Слепотой были поражены они оба на свою погибель, Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

- Мы хотим лишь изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание, за все страдания и мучения, которые они причинили нам. Они желали, чтобы мы умерли, чтобы мы были уничтожены, мы, их младшие братья. В своих сердцах они действительно считают, что мы созданы быть их служителями. Из-за этих причин мы должны одолеть их и дать им урок. - Так говорили друг другу Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда они направились к подножию дерева, называвшегося канте. Их сопровождали два их старших брата, когда они отправились в путь. Тут они начали охотиться своими

выдувными трубками. Невозможно было сосчитать птиц, щебетавших на дереве, и их старшие братья удивлялись, видя так много птиц. Застреленных птиц было много, но ни одна не упала к подножию дерева.

- Наши птицы не падают на землю. Идите и доставьте их вниз, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке своим старшим братьям.

- Хорошо, - ответили последние.

И тогда они тотчас вскарабкались на дерево, но дерево начало становиться все выше и выше, и ствол его увеличился. Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн захотели спуститься вниз, но не могли они уже больше спуститься с вершины дерева.

И тогда сказали они с вершины дерева:

- Что случилось с нами, о наши братья? О мы несчастные! Это дерево устрашает нас только при взгляде на него. О наши братья! - воскликнули они с вершины дерева.

А Хун-Ахпу и Шбаланке тогда ответили:

- Распустите ваши набедренные повязки, крепко привяжите их под вашим животом, оставив висящими длинные концы, и потяните их снизу. Таким образом вы легко сможете сойти вниз. - Так сказали им младшие братья.

- Да будет так! - ответили они, оттягивая концы своих поясов назад.

Но в то же мгновение эти концы превратились в хвосты, а они сами стали обезьянами. Тогда они начали скакать по ветвям деревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и качаясь на ветвях деревьев.

Таким способом Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке; и только из-за своего чародейства могли они совершить это.

После этого они возвратились в свой дом, и когда они пришли, они сказали своей бабушке и своей матери:

- Что это могло быть, о наша бабушка, что случилось с нашими старшими братьями, потому что их лица стали грубыми, а они сами неожиданно превратились в зверей? - Так говорили они.

- Если вы чем-нибудь повредили вашим старшим братьям, вы огорчили меня, вы наполнили меня печалью. Не делайте подобных вещей вашим братьям, о дети мои, - сказала старица Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили своей бабушке:

- Не огорчайся, о наша бабушка. Ты увидишь снова лица наших братьев. Они возвратятся, но это будет трудное испытание для тебя, бабушка. Будь осторожна и не смейся при взгляде на них. А теперь давайте испытаем их судьбу, - сказали они.

Немедленно братья начали играть на своих флейтах, наигрывая песню "Хун-Ахпу-Кой"¹. Затем они пели, играя на флейте и барабане, схватив свои флейты и барабан. После они уселись рядом со своей бабушкой и продолжали играть на флейте; они звали назад своих братьев музыкой и песней, произнося нараспев песню, называвшуюся "Хун-Ахпу-Кой".

Наконец появились Хун-Бац и Хун-Чоуэн и, подходя, начали танцевать; но когда старица взглянула и увидела их безобразные лица, то она стала смеяться. Старица не смогла удержать своего смеха, и они сразу удалились, так что не было больше видно их лиц.

- Ну, вот и все, бабушка! Они ушли в лес. Что ты делала, наша прародительница? Мы можем сделать эту попытку только четыре раза, и осталось лишь три. Мы попытаемся снова позвать их сюда с помощью игры на флейте и песни, но ты постарайся удержать свой смех. Пусть еще

1 "Обезьяны Хун-Ахпу". Танец под этим названием исполнялся в Гватемале еще в середине прошлого века: участники его, одетые в обезьяньи маски, сопровождали танец пением.

раз начнется испытание! - сказали снова Хун-Ахпу и Шбаланке.

И тотчас начали они снова дуть во флейты, и снова Хун-Бац и Хун-Чоуэн возвратились; танцуя, они дошли до середины двора дома. Они гримасничали, возбуждая в их бабушке такую веселость, что наконец она разразилась громким смехом. Они действительно были очень забавны с их обезьяньими лицами, их широкими животами, их узкими хвостами, судорожно двигавшимися, чтобы выразить их чувства. Все это заставляло старицу смеяться.

Тогда снова старшие братья ушли назад в горы. И сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

- А теперь что мы будем делать, о бабушка? Попробуем еще раз. Это уже третий!

Они снова заиграли на флейте, и те обезьяны возвратились, танцуя. Теперь старица смогла удержать свой смех. Тогда они вскарабкались на главную балку - самое теплое место в доме; их глаза светились красным светом, они отворачивали прочь свои лица с широкими кривыми ртами и втянутыми губами. Они были очень взволнованы и пугали друг друга гримасами, которые они делали.

И когда старица увидела все это, она разразилась бурным хохотом. И они опять не увидели лиц старших братьев из-за смеха старой женщины.

- Только еще раз мы позовем их, бабушка, и они придут в четвертый раз, - сказали юноши. Они начали снова играть на флейте, но их братья не возвратились в четвертый раз; наоборот, они убежали в лес так быстро, как только могли.

И тогда юноши сказали своей бабушке:

- Мы сделали все, что было возможно, о бабушка, они пришли один раз, затем мы пытались еще позвать их снова. Но не печалься! Вот мы здесь, мы твои внуки; ты должна

смотреть на нас, о наша мать! О наша бабушка, мы здесь, чтобы напоминать тебе о наших старших братьях, тех, кого называли и кто имел имена Хун-Баца и Хун-Чоуэна, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Хун-Баца и Хун-Чоуэна призывали игроки на флейте и певцы в древние времена. Художники и мастера резьбы по камню также призывали их в прошедшие дни. Но они были превращены в животных и стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев.

Таким путем были опозорены их души; такова была их потеря; таким путем Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены и превращены в животных. Они постоянно находились в своем доме, они были музыкантами и певцами и сотворили многое поистине великое, когда жили со своей бабкой и своей матерью.

Глава 6

Тогда Хун-Ахпу и Шбаланке начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

- Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, - сказали они. - Не печалься, мы здесь, мы, твои внуки; мы займем место наших старших братьев, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь, неся каждый на плече свою выдувную трубку. Когда они выходили из дома, они попросили свою бабушку принести им еды.

- Приди точно в полдень и принеси нашу пищу, бабушка, - сказали они.

- Хорошо, внуки мои, - ответила им их бабушка.

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле. И когда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом братья вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было считать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно было и перечислить, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев.

Затем Хун-Ахпу и Шбаланке приказали птице, называемой Шмукур, горлинке, подняться и усесться на вершине высокого дерева, и Хун-Ахпу и Шбаланке сказали ей:

- Сторожи, когда наша бабушка придет с едой для нас, и как только она пойдет, начинай сразу ворковать, а мы схватим мотыгу и топор.

- Хорошо! - ответила горlinkка. А они хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось.

Немного позже горlinkка, как ей было приказано, заговорила, и братья быстро побежали и схватили один - мотыгу, а другой - топор. Они накрыли свои головы; один из них намеренно загрязнил свои руки землей и тем же самым образом вымазал свое лицо, чтобы выглядеть, как настоящий земледelec, а другой нарочно набросал деревянных щепок на лиову, как будто бы он в действительности срубал деревья.

Так их и увидела их бабка. Они сразу же поели, хотя в действительности они не работали в поле и получили пищу, не заслужив ее. Через некоторое время они вернулись домой.

- Мы поистине очень устали, бабушка, - сказали они, возвратившись, и протянули свои руки и ноги перед ее глазами, но без всяких оснований.

Братья возвратились на следующий день и, придя на поле, увидели, что все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались. Вот что увидели Хун-Ахпу и Шбаланке, когда пришли.

- Кто это сыграл с нами такую шутку? - сказали они.

А совершили это все животные, большие и малые; они сделали это: пума, ягуар, олень, кролик, лисица, койот, дикий кабан, коати, малые птицы и большие птицы - они, вот кто, совершили все это, и за одну только ночь.

И вот Хун-Ахпу и Шбаланке начали снова готовить поле для кукурузы и почву и срубать деревья. Они советовались друг с другом, в то время как рубка деревьев и очистка кустарника шла сама собой.

- Теперь мы прежде всего будем сторожить наше поле, - сказали они друг другу, когда советовались, - может быть, мы сможем захватить тех, кто придет сюда творить все эти разрушения.

Потом они возвратились домой.

- Кто же видел что-нибудь подобное, бабушка? Они зло подшутили над нами. Наше поле, обработанное нами, они превратили в кусок земли, покрытый густыми зарослями и толстыми деревьями. Вот что мы нашли, когда пришли туда немного раньше, бабушка, - сказали они ей и своей матери. - Но мы возвратимся туда и будем сторожить всю ночь, потому что несправедливо, что они совершают против нас такие деяния, -- добавили братья.

Затем они вооружились и снова возвратились на свое поле, к срубленным деревьям, и втихомолку спрятались там, прикрытые темнотой.

Тогда все животные собрались снова, пришли представители каждого рода, все большие и малые животные собрались вместе. Сердце ночи было спокойно, когда они пришли все, гонимая между собой, и вот каковы были их слова:

- Поднимитесь, деревья! Поднимитесь, лианы.

Так говорили они, подходя и собираясь под деревьями и лианами. Наконец они приблизились и появились перед глазами Хун-Ахпу и Шбаланке.

Пума и ягуар были первыми, и Хун-Ахпу и Шбаланке жаждали схватить их, но животные не дались. Затем приблизились олень и кролик, но единственные части их, которые братья могли схватить, были их хвосты, их-то они и вырвали. Хвост оленя и хвост кролика остались в их руках, и поэтому с тех пор у оленя и кролика такие короткие хвосты.

Ни лисица, ни койот, ни дикий кабан, ни коати не попали в их руки. Все животные прошли перед Хун-Ахпу и Шбаланке, и сердца братьев были полны гнева из-за того, что не смогли поймать их.

Но наконец появился еще один зверь, отставший от других, и прибежал он, шмыгая то в одну, то в другую сторону. Они мгновенно преградили ему путь и, накинув на него ткань, схватили; это оказалась мышь. Поймав ее, они повернули ей голову назад и попытались задушить ее. Они опалили ей хвост на огне, и с тех пор хвост у мыши, ее хвост всегда безволосый. И глаза у нее всегда выпучены, потому что юноши, Хун-Ахпу и Шбаланке, пытались ее задушить.

Мышь сказала: "Я не должна умереть от ваших рук. И не ваше это дело - возделывать кукурузные посевы".

- Что ты там такое рассказываешь теперь нам? - спросили юноши мышь.

- Освободите меня немножко, потому что у меня внутри есть кое-что, что желаю сказать вам, и я скажу вам это

немедленно, но сперва дайте мне что-нибудь поесть, - промолвила мышь.

- Мы дадим тебе пищу потом, - ответили братья, - сперва скажи!

- Хорошо! Узнайте же тогда, что собственность ваших родителей - Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, как назывались они, тех, кто умерли в Шибальбе, - принадлежащие им вещи для игры в мяч сохранились и висят под крышей дома: их кольца, перчатки и резиновый мяч. Тем не менее ваша бабушка не хотела показывать их вам, потому что эти вещи были причиной, из-за которой умерли ваши родители.

- Ты уверена в этом? - спросили юноши мышь. А сердца их были очень счастливы, услышав о резиновом мяче. И так как мышь им все теперь рассказала, то они показали ей, что будет ее пищей.

- Вот что будет твоей пищей: кукурузные зерна, белый перец, бобы, паташтел¹ и какао, - все это принадлежит тебе, и если что-либо будет запасено и позабыто, это также будет твоим. Ешь это! - так было сказано мышам Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Хорошо, о юноши, - ответила она, - но что будет сказано вашей бабушке, если она увидит меня?

- Не беспокойся, потому что мы здесь и мы подумаем, мы найдем, что сказать нашей бабушке. Идем же! Мы быстро посадим тебя в этом углу дома, а ты сразу же поднимайся туда, где висят эти вещи. Мы же посмотрим на жерди крыши и уделим внимание нашей пище, - сказали они мышам.

И условившись таким образом, после разговора друг с другом в течение ночи, Хун-Ахпу и Шбаланке прибыли домой точно к полуденному часу. Когда они пришли, то при-

¹ Паташтел - современное название (заимствованное из индейского языка науатль) одного из видов какао.

несли с собой мышь, но никому не показали ее. Один из них прямо прошел в дом, а другой подошел к кровле, и там мышь быстро вскарабкалась наверх.

Тотчас же они попросили у своей бабушки свой обед: "Прежде всего приготовь нам в чаше еду, мы хотим перцовый подливки, бабушка", - сказали они. И тотчас же в чаше была приготовлена для них пища, и горшок с похлебкой был поставлен перед ними.

Но все это было только для того, чтобы обмануть бабушку и мать. Осушив кувшин с водой, они сказали:

- Мы поистине умираем от жажды; пойд и принеси нам пить, - сказали они своей бабушке.
- Хорошо! - сказала она и вышла.

Тогда братья начали есть, но в действительности они вовсе не были голодны; то, что они делали, была лишь хитрость. Они ви- дели при помощи их перцовой подливки, как мышь быстро побе- жала к каучуковому мячу, подвешенному к стропилам крыши до- ма. Видя это в их перцовой подливке, они послали к реке комара с жалом, насекомое, называемое шан, которое подобно mosquito, и оно пришло туда и пробуравило бок у кувшина для воды, кото- рый унесла их бабушка. И хотя она пыталась остановить выте- кавшую воду, она никак не могла заделать дыру в кувшине.

- Что там случилось с нашей бабушкой? Иди поскорее к реке, наши рты сухи от жажды, мы умираем от жажды, - сказали они своей матери и послали ее принести воду. Не- медленно мышь перегрызла веревку, державшую мяч, и он упал со стропил дома вместе с кольцами, перчатками и ко- жаными щитками. Юноши схватили их и, выйдя из дома, спрятали на дороге, ведущей к площадке для игры в мяч.

После этого они пошли на берег реки и присоединились к своей бабушке и своей матери, которые усердно старались заделать дыру в кувшине для воды. Тут прибыли они со сво- ими выдувными трубками и, подойдя к реке, сказали:

- Что же вы делаете? Мы устали от ожидания и при- шли сюда, - промолвили они.

- Посмотрите на дыру в моем кувшине, которую я не мо- гу заткнуть, - сказала бабушка. Но они тотчас же заделали ее и вместе возвратились домой, идя перед своей бабушкой.

Таким образом был обнаружен каучуковый мяч.

Глава 7

Обрадованные юноши возвратились на площадку для иг- ры в мяч; они принялись за игру и играли там долгое время одни. Они расчистили площадку, где играли их родители.

А владыки Шибальбы услышали их и сказали: "Кто это те, что снова начинают играть над нашими головами и трево- жат нас производимым ими шумом? Может быть, не умерли Хуп-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвыситься себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда!"

Так сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им: "Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: "Пусть они придут", - сказали владыки, - мы жела- ем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сего- дняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы при- дете туда". Так сказали владыки. Таково было приказание, которое они отдали вестникам.

И они пошли туда по широкой дороге, проложенной юно- шами; она вела прямо к их дому.

Идя по ней, посланцы появились прямо перед бабушкой и матерью юношей. Они были заняты едою, когда прибыли посланцы из Шибальбы.

- Скажи им, чтобы они пришли, без обмана, так прика- зали владыки, - сказали вестники Шибальбы. И посланцы

Шибальбы указали точный день прибытия: "В течение семи дней владыки будут ожидать их", - сказали они Шмукане.

- Хорошо, посланцы, они придут, как было приказа- но, - ответила старица. И посланцы отправились в обрат- ный путь.

И тогда сердце старицы исполнилось беспокойства: "Ко- го же я пошлю позвать моих внуков? Разве не тем же самым образом явились в прошлый раз посланцы Шибальбы, ког- да они увели родителей юношей", - говорила старица и горько плакала, печальная и одинокая в своем доме.

И вдруг с ее одежды упала вошь. Она схватила ее и по- ложила на ладонь своей руки. Вошь начала двигаться и бы- стро поползла.

- Доченька моя, не хочешь ли ты, чтобы я послала те- бя позвать моих внучат с площадки для игры в мяч, - ска- зала она вши. - "Исполнители приказаний, посланцы Шибальбы пришли к вашей бабушке и сказали ей: "Ты должна позаботиться, чтобы они пришли бы в течение семи дней, пусть придут они", - вот что сказали посланцы Ши- бальбы. Это велела мне передать ваша бабушка", - так приказала она вши.

Вошь, послушная приказанию, отправилась тотчас же в путь. На дороге ей повстречался сидевший юноша по име- ни Тамасул, жаба.

- Куда это ты идешь? - спросила жаба вошь.

- Я несу в своем животе послание, я отправилась ис- кать юношей, - отвечала вошь Тамасулу.

- Хорошо, но я вижу, что ты двигаешься недостаточно быстро, - возразила жаба вши, - ты не хочешь, чтобы я проглотила бы тебя? Ты увидишь, как я побегу, и таким об- разом мы быстро прибудем.

- Прекрасно! - ответила вошь жабе. Тотчас же жаба проглотила ее. И жаба путешествовала долгое время, но шла

она без всякой спешки. Затем она встретила большую змею по имени Сакикас.

- Куда это ты идешь, юный Тамасул? - спросила Са- кикас жабу.
- Я иду как посланец, у меня в животе послание, - от- вечала жаба змее.
- Я вижу, что ты не можешь двигаться быстро. Может быть, я, я прибуду быстрее, - сказала змея жабе.

- Иди-ка сюда! - прибавила она.

И тотчас же Сакикас в свою очередь проглотила жабу. И с тех пор только это является пищей змей, которые и те- перь глотают жаб.

Змея быстро отправилась вперед, но встретила сокола Вака, большую птицу. Сокол в свою очередь мгновенно про- глотил змею. Вскоре после этого он появился на стене пло- щадки для игры в мяч. С этого времени вот что стало пищей соколов, пожирающих в горах змей.

Прилетев, сокол уселся на карниз стены здания, в кото- ром забавлялись, играя в мяч, Хун-Ахпу и Шбаланке. Усев- шись, сокол начал кричать: "Вак-ко! Вак-ко!", что обозна- чало: "Вак здесь! Вак здесь!"

- Кто это там кричит? Давайте-ка сюда наши выдув- ные трубки! - воскликнули юноши. Они выстрелили в со- кола и попали шариком из выдувной трубки в зрачок глаза. Сокол кругами спустился на землю. Они подбежали, быст- ро схватили его и спросили: "Что ты пришел сюда делать?". Так спросили они сокола.

- Я принес в своем животе послание, - отвечал сокол, - сперва излечите мой глаз, а потом я вам рас- скажу.

- Прекрасно! - сказали юноши и, взяв кусочек от кау- чукового мяча, с помощью которого они играли, они прило- жили его к лицу сокола. "Лецкик" назвали они это средство, и мгновенно он выздоровел, сразу же глаз сокола был исце- лен полностью.

- Говори теперь! - сказали они соколу. И он немед- ленно изрыгнул большую змею.

- Говори ты! - сказали они змее.

- Хорошо! - сказала змея и в свою очередь изрыгну- ла жабу.

- Где же послание, что ты принесла? Говори! - прика- зали юноши жабе.

- Здесь, в моем животе, находится послание, - отве- чала жаба.

И немедленно она попыталась, но не могла ничего изрыг- нуть; рот ее был наполнен слюной, но ничего из ее рта не вышло. Тогда юноши захотели ее побить.

- Ты обманщица! - сказали они.

Они ударили ее ногою в крестец, и кости ее бедер подня- лись вверх. Она попыталась снова, но из ее рта снова потек- ла только лишь слюна. Тогда юноши открыли руками рот жабы и, когда он открылся, заглянули внутрь его. Вошь за- стряла в зубах жабы; она осталась в ее рту и не была прогло- чена, а только казалась проглоченной. Так была искалечена жаба, и пища, предназначенная ей, не известна. Она не мо- жет бегать и стала с тех пор пищей змей.

- Говори, - приказали они вши, и тогда она передала свое послание. "Ваша бабка сказала мне, о юноши, - иди позови их сюда; прибыли исполнители приказаний, посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме пришли сказать им, чтобы они от- правились в Шибальбу. Посланцы говорили: они должны явиться туда в течение семи дней, чтобы играть в мяч с нами; они также должны принести свои принадлежности для игры: мяч, кольца, перчатки и кожаные наколенники, чтобы могли забавляться здесь! - сказали владыки. Они, посланцы, дей- ствительно приходили, - сказала ваша бабушка. Вот почему

я нахожусь здесь. Поистине, ваша бабушка сказала это, и она плачет и скорбит, по этой причине я и пришла сюда".

- Неужели это правда? - спросили юноши друг у друга, когда они слышали это.

Быстро они побежали домой и добрались к своей бабуш- ке, но они пришли, только чтобы попрощаться с ней.

- Мы должны отправиться в путь, бабушка, мы пришли только попрощаться с тобой. Но мы оставляем здесь знак о на- шей судьбе: каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком на- шей смерти. "Они мертвы!" - скажешь ты, если он начнет за- сыхать. Но если он начнет пускать свежие ростки снова, - "они живы!" - скажешь ты, о наша бабушка. И ты, мама, не плачь, потому что мы оставляем знак о нашей судьбе. - Так говорили они бабушке и матери.

И перед отправлением Хун-Ахпу посадил один тростник, а Шбаланке посадил другой; они посадили их в доме, а не в поле; они посадили их не во влажную почву, а в сухую зем- лю; они посадили тростники в середине их дома и затем оста- вили их.

Глава 8

После этого братья отправились в путь, неся каждый свою выдувную трубку, и стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий. Они прошли среди неких птиц, и эти птицы назывались Молай.

Затем они перешли через реку гноя и через реку крови, где они должны были быть уничтожены - так думали лю- ди Шибальбы, - но они не коснулись ее своими ногами; вместо этого они пересекли ее на своих выдувных трубках.

Они вышли оттуда и пришли к перекрестку четырех дорог. Они прекрасно знали, какие дороги ведут к Шибальбе: черная дорога, белая дорога, красная дорога и зеленая дорога. Там же они призвали к себе насекомое, москита по имени Шан. Он должен был идти и собрать те сведения, которых они хотели.

- Ужаль их одного за другим; сперва ужаль сидящего на первом месте, затем ужаль всех их, так как это будет тво- им уделом: сосать кровь людей на дорогах, - так было при- казано москиту.

- Прекрасно! - ответил москит.

И немедленно он полетел по черной дороге и наткнулся прямо на вырезанных из дерева людей, сидевших первыми и покрытых украшениями. Он ужалил первого, но он не ска- зал ничего, он ужалил второго сидевшего, но тот также ни- чего не сказал.

После этого он ужалил третьего, а сидевший третьим был Хун-Каме.

- Ой! - воскликнул он, когда его ужалили. - Ох! - сказал Хун-Каме.

- Что это, Хун-Каме? Кто это тебя ужалил? Не зна- ешь ли ты, кто тебя ужалил? Ох! - воскликнул четвертый из сидевших владык.

- В чем дело, Вукуб-Каме? Что тебя ужалило? - спросил в свою очередь пятый из сидевших.

- Ох! Ой! - воскликнул затем Шикирипат. И Вукуб- Каме спросил его:

- Что ужалило тебя?

И когда был укушен сидевший на шестом месте, он за- кричал: "Ой!"

- Что это, Кучумакик? - спросил Шикирипат. - Что тебя ужалило?

А когда был ужален седьмой сидевший, он воскликнул: "Ой!"

- В чем дело, Ах-Альпух? - спросил Кучумакик. - Что тебя ужалило?

И когда был ужален восьмой из сидевших, он восклик- нул: "Ой!"

- В чем дело, Ах-Алькана? - спросил Ах-Альпух. - Что ужалило тебя?

И когда был ужален девятый из сидевших, он восклик- нул: "Ой!"

- Что это, Чамиабак? - спросил Ах-Алькана. - Что тебя ужалило? -

И когда десятый из сидящих был ужален, он воскликнул: "Ой!"

- В чем дело, Чамиахолом? - спросил Чамиабак. - Что тебя ужалило?

И когда одиннадцатый из сидящих был ужален, он вос- кликнул: "Ой!"

- Что случилось? - спросил Чамиахолом. - Что укусило тебя?

И когда двенадцатый из сидевших был ужален, он вос- кликнул: "Увы!"

- Что это, Патан? - спросили они. - Что тебя укусило? И тринадцатый из сидевших воскликнул: "Увы!" - по- чувствовал, что он ужален.

- В чем дело, Кикшик? - спросил Патан. - Что те- бя укусило?

И в этот момент четырнадцатый из сидевших восклик- нул, почувствовав, что он ужален: "Увы!"

- Что укусило тебя, Кикришкак? - спросил Кикре l.

1 Перечисленные здесь имена владык Шибальбы несколько отличаются от упомянутых в первой славе этой же части. Новыми лицами являются Кик- шик "Кровавое крыло", Кикришкак "Кровавый коготь" и Кикре "Зубы, по- крытые кровью". Причина появления новых владык в Шибальбе в тексте "Пополь-Вух" не упоминается. Возможно, что в этом месте мы имеем следы какой-то иной версии мифа.

Таким образом они назвали свои имена, когда они все говори- ли их один другому. Так они выявили себя, говоря свои имена, на- зывая каждого из владык, одного за другим. И этом способом каждый из сидевших на своем месте сказал имя своего соседа.

Ни одно из этих имен не было упущено. Все сказали свои имена, когда Хун-Ахпу вырвал волосок со своей ноги, ужа- ливший их всех. Потому что в действительности не москит жалил их; он отправился, чтобы подслушать для Хун-Ахпу и Шбаланке имена всех их.

Юноши же, продолжая свой путь, прибыли наконец ту- да, где находились обитатели Шибальбы.

- Приветствуйте владыку, того, кто сидит там! - бы- ло сказано им, чтобы обмануть их.

- Это не владыка. Это не более чем вырезанное из дерева чучело, - сказали они и подошли ближе.

И немедленно юно- ши начали почтительно приветствовать их: - Привет тебе, Хун-Каме! Привет тебе, Вукуб-Каме! Привет тебе, Шикири- пат! Привет тебе, Кучумакик! Привет тебе, Ах-Альпух! При- вет тебе, Ах-Алькана! Привет тебе, Чамиабак! Привет тебе, Чамиахолом! Привет тебе, Кикшик! Привет тебе, Патан! Привет тебе, Кикре! Привет тебе, Кикришкак! - говорили они, проходя перед ними. И, смотря в их лица, они говорили имена всех, не упустив ни одного-единственного имени из них.

А как желали бы владыки Шибальбы, чтобы их имена не были раскрыты.

- Садитесь здесь! - сказали они, надеясь, что братья сядут на указанное им сиденье. Но те не захотели.

- Это не сиденье для нас; это всего лишь раскаленный камень, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке, и владыки Ши- бальбы не могли обмануть их.

- Прекрасно, тогда идите в этот дом, - сказали владыки. И они отправились и вошли в "Дом мрака", но и там они не были побеждены.

Глава 9

Это было первым местом испытаний в Шибальбе. Владыки Шибальбы думали, что, когда юноши вошли туда, это должно было стать началом их поражения. После того как юноши вошли в "Дом мрака", им были немедленно принесены зажженные лучины из смолистой сосны, и посланцы Хун- Каме взяли с собой по сигаре для каждого из них.

- Вот сосновые лучины для вас, - говорит владыка, - вы должны прийти с ними на заре завтрашнего дня, вместе с сигарами; вы должны прийти и вернуть их назад целыми, - говорит владыка! - Так сказали посланные, когда они пришли.

- Хорошо! - ответили юноши.

Но в действительности они не жгли сосновую лучину; вместо этого они поместили на конец их что-то красное: несколько перьев из хвоста красного попугая, а ночная стража приняла их за зажженные сосновые лучины. К концам же сигар они прикрепили огненных червей.

Всю ночь каждый из обитателей Шибальбы думал, что братья побеждены. "Ха, мы победили их!" - говорила ночная стража. Но сосновые лучины совершенно не были обугленными и выглядели по-прежнему, а сигары не были искурены, и вид их был такой же, как прежде.

Они отправились сообщить происшедшее владыкам.

- Что это за люди? Откуда они пришли? Кто зачал их? Кто родил их? Поистине, это заставляет загореться наши сердца, потому что нехорошо для нас то, что они делают. Странны их лица и странно их поведение, - говорили они друг другу.

И вскоре все владыки призвали юношей к себе.

- Ну, давайте же поиграем в мяч, юноши! - сказали они. И в это же самое время они были спрошены Хун-Каме и Вукубом-Каме:

- Откуда же вы оба пришли? Расскажите-ка нам, о юноши! - сказали им владыки Шибальбы.

- Кто знает, откуда мы пришли! Мы не знаем, - ответили они и не сказали больше ничего.

- Прекрасно. Давайте же играть в мяч, юноши, - сказали им обитатели Шибальбы.

- Хорошо, - ответили они.

- Давайте-ка используем вот этот наш мяч, - сказали обитатели Шибальбы.

- никоим образом. Вы будете пользоваться не этим, а нашим, - отвечали юноши.

- Нет, мы не хотим использовать никакого, кроме нашего, - настаивали обитатели Шибальбы.

- Прекрасно, - сказали юноши.

- Давайте тогда бросим жребий на червяка чиль, - сказали обитатели Шибальбы.

- Нет, вместо этого пусть заговорит голова пумы¹, - сказали юноши.

- Нет, так не пойдет! - закричали обитатели Шибальбы.

- Хорошо, - сказал Хун-Ахпу.

Тогда владыки Шибальбы схватили мяч, они бросили его прямо на кольцо Хун-Ахпу. Немедленно, в то время как обитатели Шибальбы схватили ручку кремневого ножа, мяч отскочил и запрыгал по полу площадки для игры в мяч.

- Что это такое? - воскликнули Хун-Ахпу и Шбаланке. - Вы желаете убить нас? Может быть, это не вы посылали за нами? И к нам приходили не ваши собственные

¹ В этом разговоре многое остается непонятным. Можно лишь предположить, что речь идет о каких-то правилах игры в мяч или различных ее разновидностях. Не исключена возможность, что автор текста к тому же сознательно использовал игру слов.

посланцы? Поистине, мы достойны сожаления! Мы сейчас же оставим вас, - сказали им юноши.

А это было именно то, чего желали обитатели Шибальбы: чтобы с ними случилось что-нибудь, чтобы они немедленно умерли бы прямо здесь, на дворе для игры в мяч, и чтобы таким образом они были побеждены. Но этого не случилось, а побеждены были юношами обитатели Шибальбы.

- Не уходите, о юноши, давайте поиграем в мяч, мы будем употреблять теперь только ваш мяч, - сказали они юношам.

- Прекрасно! - ответили юноши, и затем они прогнали свой мяч через кольцо обитателей Шибальбы, и этим игра была кончена.

И оскорбленные своим поражением обитатели Шибальбы немедленно сказали: "Что же мы будем делать, чтобы победить их? Надо покончить с ними!" И, обратясь к юношам, они сказали им:

- Подите соберите и принесите нам завтра рано утром четыре сосуда, наполненных цветами. - Так сказали обитатели Шибальбы.

- Прекрасно! А какой род цветов? - спросили юноши обитателей Шибальбы.

- Букет красного мучита, букет белого мучита, букет желтого мучита и букет каринимака, - сказали обитатели Шибальбы.

- Хорошо! - ответили юноши.

Этим кончился разговор; сильными и уверенными были слова юношей. Но когда они отдавались нависшей над ними опасности, сердца юношей были спокойны.

Владыки Шибальбы были счастливы, думая, что они нанесли им поражение.

- Это хорошо мы сделали! Прежде всего, они должны собрать цветы, - говорили обитатели Шибальбы, - но

куда же они пойдут, чтобы получить эти цветы? - спрашивали они в своем сердце.

- Вы, конечно, дадите нам наши цветы завтра, ранним утром, идите тогда срезать их, - сказали обитатели Шибальбы юношам Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Хорошо! - ответили они. - На заре мы снова померимся с вами силами, - сказали они, расставаясь.

И вот после этого юноши вошли в "Дом ножей", второе место испытаний в Шибальбе. Владыки желали, чтобы они были изрезаны в куски ножами и были быстро убиты, - так задумали они. Вот, чего желали они в своих сердцах.

Но юноши не умерли. Они сразу же заговорили с ножами и сказали им: "Вам будет принадлежать мясо всех животных", - сказали они ножам. И больше не двигались; все ножи были спокойны.

Так юноши провели ночь в "Доме ножей" и, призвав всех муравьев, они сказали им:

- Идите, муравьи-резчики, идите, муравьи с высокими ногами, все вы приходите сюда. Идите же сразу, идите и принесите все виды цветов, которые мы должны собрать для владык.

- Хорошо! - сказали они, и все муравьи направились в путь, чтобы принести цветы из садов Хун-Каме и Вукуба-Каме.

Но владыки заранее предусмотрительно предостерегли стражу цветов в Шибальбе:

- О почтенные стражи, будьте внимательны к нашим цветам, не допускайте, чтобы они были украдены. Правда, юноши уже в нашей власти, а кто же другой может прийти, чтобы посмотреть и срезать цветы? Это, конечно, невозможно! Но все же сторожите их всю ночь!

- Хорошо! - ответили они.

Но стражи садов не заметили ничего. Понапрасну они кричали посреди ветвей деревьев в саду, повинувшись приказу.

Они были там всю ночь, повторяя одни и те же свои крики и песни.

- Шпурпувек! Шпурпувек! - кричал один, начиная свою песню.

- Пугуйю! Пугуйю! - отвечал другой, когда он хотел петь.

Пугуйю - ночными ласточками назывались оба стража садов, садов Хун-Каме и Вукуба-Каме. Но они даже не заметили муравьев, похищавших то, что они охраняли. Муравьи полчищами сновали друг за другом, двигаясь туда и сюда и срезая цветы. Они поднимались по деревьям, чтобы срезать цветы, а цветы падали на землю у подножия деревьев и благоухали.

А стражи между тем продолжали прилежно кричать, и они не чувствовали, как зубы муравьев отгрызают у них хвосты, отгрызают их крылья.

И муравьи тащили таким образом цветы, которые они срезали, и, собирая их с земли, они уносили их в своих зубах.

Быстро наполнили они четыре тыквенных сосуда цветами, влажными от росы; уже занималась заря. И вот пришли вестники, чтобы вести братьев. "Скажи им, чтобы они пришли, - сказал владыка, - и принесли сюда сразу же то, что они срезали", - так было сказано юношам.

- Прекрасно, - ответили они.

И юноши отправились, неся цветы в четырех тыквенных сосудах.

А когда они прибыли перед лицом владыки Шибальбы и других владык и он взял цветы, приятно было посмотреть на цветы, принесенные ими с собой. И в этом состязании обитатели Шибальбы оказались побежденными.

Юноши послали только муравьев срезать цветы, и в течение одной ночи муравьи срезали их и поместили их в тыквенные сосуды.

Мгновенно разъярились все обитатели Шибальбы, а их лица побледнели из-за этих цветов. Сразу же они послали за стражами цветов.

- Почему допустили вы красть наши цветы? Это ведь наши цветы из нашего сада, те, что мы видим здесь! - сказали они стражам.

- Мы ничего не заметили, владыка. Наши хвосты тоже пострадали, - ответили те.

И тогда владыки разорвали их рты в наказание за то, что было украдено то, что им было поручено сторожить. Так Хун-Каме и Вукуб-Каме были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. И это было началом их

деяний. А ночные ла- сточки получили такие клювы; с этого времени рот у них разделен на две части клювом, как и теперь.

Немедленно все они отправились играть в мяч и сыграли опять несколько игр с равными результатами. Тогда они за- кончили игру и условились играть снова утром следующего дня. Так назначили обитатели Шибальбы.

- Прекрасно! - ответили юноши по окончании игры.

Глава 10

После этого юноши вошли в "Дом холода". Там было не- возможно холодно. Дом был заполнен множеством льда; это было настоящее владение холода. Но скоро холод пре- кратился, потому что юноши зажгли огонь из сосновых су- чьев, совсем старых, и заставили холод исчезнуть.

Вот почему они не умерли; они были еще живы, когда на- чалась заря. А обитатели Шибальбы желали, чтобы юноши умерли там. Но так не случилось, и когда занялась заря, они были еще полны здоровья. И снова появились исполнители приказаний; снова пришли посланные, чтобы вести их.

- Как же так? Они еще не умерли? - воскликнул по- велитель Шибальбы. И вновь они смотрели с изумлением на деяния юношей Хун-Ахпу и Шбаланке.

После этого юноши вошли в "Дом ягуаров". Этот дом был полон ягуарами. "Не кусайте нас! Вот что будет при- надлежать вам!" - сказали братья ягуарам. И они быстро разбросали перед животными несколько костей, а те с жад- ностью набросились на кости.

- Ну, теперь-то с ними покончено! Теперь их сердца уже пожраны ягуарами. Наконец-то они побеждены! Теперь их кости переломаны, - так говорили стоявшие на ночной страже, и сердца всех их были счастливы из-за этого.

Но братья не умерли. Как обычно, бодрые и здоровые, они вышли из "Дома ягуаров".

- Какого же рода эти люди? Откуда они появи- лись? - спрашивали все обитатели Шибальбы.

После этого юноши вошли в средоточие огня, в "Дом пламени". Внутри этого дома был только бушующий огонь, но они там не сгорели, хотя там все превращалось в уголь и пепел. И, как обычно, они были бодрыми и здоровыми, когда занялась заря. А очень хотелось владыкам Шибаль- бы, чтобы братья быстро погибли там, где они находились. Но не случилось, однако, по желанию обитателей Шибаль- бы, и в сердцах их погасло мужество.

Тогда они направили братьев в "Дом летучих мышей". Ничего, кроме летучих мышей, не было внутри этого дома, дома Камасоца¹, большого животного. Орудия убийства были у него, как у Чакицама²; они были похожи на закален- ные острия. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его.

¹ Буквально - "хищная летучая мышь".

² Чакицам ("наносящее раны острие") - чудовищное животное в виде летучей мыши, на носу которого находится нож.

Юноши находились там, но они спали внутри своих вы- дувных трубок. И те, кто находился в этом доме, не укуси- ли их. И все-таки братья должны были сдаться, потому что один из них был побежден Камасоцем, спустившимся с не- ба. Да, он появился, когда они делали следующее.

Летучие мыши совещались друг с другом в течение всей ночи и летали вокруг и шумели: "Килиц, килиц", - гово- рили они. И так говорили они всю ночь. Но затем они по- степенно остановились; летучие мыши совершенно переста- ли двигаться и затем спокойно повисли на одном из концов выдувной трубки.

Тогда Шбаланке сказал Хун-Ахпу:

- Долго ли еще осталось до наступления зари? По- смотри!

- Долго ли еще? Кто знает? Сейчас я взгляну, - отве- тил Хун-Ахпу.

И когда он, горя нетерпением, выглянул из дула выдув- ной трубки, желая поскорее увидеть восход зари, Камасоц мгновенно срезал его голову, и лишено было головы тело Хун-Ахпу.

Шбаланке спросил снова: "Ну, как? Не занялась ли за- ря?" - Но Хун-Ахпу был недвижим. "Как? Куда ты ушел, Хун-Ахпу? Что же ты сделал?" - Но он не двигал- ся и продолжал молчать. Тогда опечалился Шбаланке и вос- кликнул: "Несчастные мы! Мы совершенно уничтожены!"

Исполнители приказаний пошли и немедленно повесили голову Хун-Ахпу на стене площадки для игры в мяч по спе- циальному приказанию Хун-Каме и Вукуба-Каме. И все обитатели Шибальбы радовались из-за того, что случилось с головой Хун-Ахпу.

Глава

11 Немедленно Шбаланке созвал всех животных, коати и ка- бана, всех зверей, больших и малых, созвал их в течение ночи и в эту же самую ночь спросил их, какова была их пища.

- Что ест каждый из вас? Что из пищи соответству- ет каждому роду? Ведь я собрал вас для того, чтобы вы могли избрать себе подходящую пищу, - сказал им Шбаланке.

- Очень хорошо, - ответили они. И немедленно каж- дый отправился выбирать свою собственную пищу, и все они добрались до цели. Одни отправились взять себе как владе- ние сгнившие деревья, другие

отправились взять растение цалик, третьи - камни. Были и такие, что выбрали только землю. Различной была пища малых животных и больших животных.

Сзади них ползла покрытая панцирем черепаха, она двигалась переваливаясь, чтобы также найти свою пищу. И когда она достигла конца тела Хун-Ахпу, она превратилась в обманное подобие головы Хун-Ахпу, и в то же самое мгновение были созданы на ее теле его глаза.

Много мудрецов спустилось тогда с неба. Вот даже Сердце небес, Хуракан, появился и пребывал там, над "До-мом летучих мышей".

Нелегко было закончить изготовление лица Хун-Ахпу, но вышло оно прекрасным: поистине привлекательно выглядел его рот, и он мог даже по-настоящему говорить.

Но уже наступала заря и начал багроветь край неба.

- Сделай его снова темным, о старец! - было сказано коршуну.

- Да будет так! - сказал старец, и мгновенно он затемнил небо. "Теперь коршун затемнил его", - говорит народ и теперь при наступлении зари.

Итак, во время утренней свежести Хун-Ахпу снова начал свое существование.

- Хорошо ли это будет, - говорили они, - выглядит ли она подобной голове Хун-Ахпу?

- Она очень хороша! - отвечали они. И правда, казалось, что панцирь черепахи превратился в настоящую голову.

После этого братья начали совещаться друг с другом и согласились.

- Не играй в мяч, делай только вид, что ты играешь. Я буду делать все один! - говорил Шбаланке Хун-Ахпу. После этого он отдал свои распоряжения кролику.

- Иди и поместись над двором для игры в мяч, оставайся там среди выступов карниза, - сказал Шбаланке кролику, - а когда мяч подлетит к тебе, выбегай немедленно, а я сам сделаю все остальное. - Так было сказано кролику, когда они давали ему ночью эти приказания. И вот настал день, а оба юноши были веселы и здоровы. Тогда они отправились играть в мяч. Голова Хун-Ахпу же была помещена на стене площадки для игры в мяч.

- Мы победили! - торжествовали владыки Шибальбы. - Вы опозорили себя! Вы погибли! - говорили им обитатели Шибальбы. Так они издевались над Хун-Ахпу. - Сшиби его голову мячом, - говорили они Шбаланке. Но они не оскорбили его этим, он не обращал ни малейшего внимания на их насмешки.

Тогда владыки Шибальбы бросили мяч. Он понесся на Шбаланке и упал прямо перед кольцом его на землю. Затем мяч отскочил, быстро пронесся над площадкой для игры в мяч и прыжком достиг выступов карниза.

Тотчас же кролик выскочил оттуда и побежал быстрыми прыжками. Все обитатели Шибальбы устремились в погоню за ним. Они бежали за кроликом, шумя и крича. Кончилось тем, что за ним погнались все обитатели Шибальбы, до последнего человека.

А Шбаланке в этот момент овладел настоящей головой Хун-Ахпу и, схватив черепаху, поместил ее на стену площадки для игры в мяч. А Хун-Ахпу получил обратно свою настоящую голову. И тогда оба юноши были очень счастливы.

А обитатели Шибальбы отправились искать мяч и, найдя его между выступов карниза, начали звать их, говоря:

- Идите сюда! Вот наш мяч! Мы нашли его! - кричали они. И они принесли его.

Когда обитатели Шибальбы возвратились и игра началась снова, они воскликнули: "Что это, кого мы видим?"

А братья играли вместе; они снова были вдвоем.

Неожиданно Шбаланке бросил камнем в черепаху, она сорвалась и упала посреди площадки для игры в мяч, разбившись перед владыками на тысячу кусков.

- Кто из вас пойдет искать ее? Где тот, кто возьмется принести ее? - сказали обитатели Шибальбы.

Так владыки Шибальбы были снова побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. Эти двое перенесли великие трудности, но они не умерли, несмотря на все свершенное над ними.

Глава 12

Вот сообщение о том, как умерли Хун-Ахпу и Шбаланке. Теперь мы расскажем, что живет в воспоминаниях об их смерти.

Хун-Ахпу и Шбаланке были предупреждены о всех страданиях, которым владыки Шибальбы желают подвергнуть их, но они не умерли от пыток Шибальбы и не были побеждены всеми хищными животными, имевшимися в Шибальбе.

После этого братья послали за двумя провидцами, которые были подобны пророкам; звали их Шулу и Пакам, и были они исполнены мудрости. И юноши сказали им:

- Возможно, вы будете спрошены владыками Шибальбы относительно нашей смерти, которую они замысливают и готовят теперь, потому что мы не умерли, потому что они не смогли победить

нас, потому что мы не погибли под их пытками и не были растерзаны зверями. Мы предчувствуем в сердцах наших, что они попытаются убить нас при помощи раскаленного камня. Собрались уже все обитатели Шибальбы, но истина то, что мы не умрем. Поэтому вот наши наставления относительно того, что должны вы сказать владыкам Шибальбы: если они придут советоваться с вами о нашей смерти и относительно того, как нас можно принести в жертву, что вы скажете им тогда, Шулу и Пакам? Если они спросят вас: "Хорошо ли будет, если мы выбросим их кости в пропасть?" - "Нет, не будет это хорошо, - скажите им, - потому что после этого вы, конечно, обязательно увидите снова их лица возвращенными к жизни!" Если они спросят вас: "Хорошо ли будет, если мы повесим их на высоких деревьях?" - вы ответите: "Конечно, не будет это хорошо, потому что вы обязательно снова увидите их лица!" И тогда в третий раз они спросят вас: "Может быть, лучше всего будет бросить их кости в стремнину реки?" И если у вас будет спрошено ими все, что говорилось раньше, вы ответите: "Это будет лучше всего, если они, братья, умрут таким образом; хорошо будет истереть потом их кости на плоском камне, как мелют в муку кукурузные зерна; пусть каждый из них будет измолот по отдельности. Затем бросьте их немедленно в речную стремнину в том месте, где вода с шумом

1 Буквально "Прорицатель" и "Почтенный".

падает вниз, чтобы их останки были рассеяны среди малых гор и больших гор". Вот что вы ответите им, когда все то, что мы советовали вам, будет исполнено, - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке. И когда юноши отдавали эти приказания, они уже знали относительно своей приближающейся смерти.

И вот был сделан тогда огромный костер с камнем внизу, вроде полуподземной печи; обитатели Шибальбы сделали его и наполнили кучами раскаленной золы.

Вскоре после этого прибыли посланные, которые должны были сопровождать юношей, посланцы Хун-Каме и Вуку-ба-Каме.

- Скажите, чтобы они побыстрее пришли. Идите и возьмите юношей. Люди должны собраться там и увидеть, как мы испечем их живьем! - Так сказал владыка, о юноши! - возвестили им посланные.

- Хорошо! - отвечали они.

Братья быстро отправились и подошли к краю земляной печи. Здесь владыки Шибальбы захотели заставить юношей участвовать в издевательствах над собой.

- Давайте выпьем нашего опьяняющего напитка и перелетим над костром по четыре раза каждый, кто как умеет, о юноши! - было приказано ими Хун-Каме.

- Не пытайся обмануть нас! - отвечали братья. - Или, быть может, мы не знаем о нашей предстоящей смерти, о владыки? Так смотрите же!

И обнявшись друг с другом, лицом к лицу, они оба вытянули свои руки, пригнулись к земле и прыгнули в подземную печь. Так они погибли, оба вместе.

Все обитатели Шибальбы были исполнены радости, они всюду кричали, раскрыв рты, всюду свистели и восклицали: "Вот теперь-то мы победили их! И поистине не так уж легко они сдались!"

Немедленно они позвали Шулу и Пакама, которым братья дали свои наставления, и подробно расспросили их, что нужно сделать с костями погибших.

Затем обитатели Шибальбы, после того как спросили судьбу, смололи кости юношей и бросили их в речную стремнину. Но кости не удалились далеко; они тотчас опустились на речное дно и превратились снова в прекрасных юношей. И когда они появились опять, у них были те же самые лица и облик.

Глава 13

На пятый день Хун-Ахпу и Шбаланке появились снова и были увидены в воде людьми. Оба они имели вид людей-рыб, когда обитатели Шибальбы видели их. И они охотились за братьями по всей реке.

А на следующий день они явились как два бедняка с очень старыми лицами, жалким видом и в лохмотьях; ничего привлекательного не было в их наружности. Так они были увидены всеми обитателями Шибальбы.

И они совершали самые различные деяния. Они исполняли танец ночной ласточки, двуутробки, танец броненосца, а в особенности танцевали "сороконожку" и танец на ходулях.

Кроме того, они совершали многочисленные чудеса. Они сжигали дома, как будто они горели в действительности, и тотчас восстанавливали их снова. Многие обитатели Шибальбы в изумлении смотрели на них.

Наконец, они умышленно разрезали друг друга на куски; они убили друг друга. Тот, кто первый дал себя убить, распростерся и лежал как мертвый, и в то же мгновение другой возвращал его к жизни. Обитатели Шибальбы смотрели в удив-

лении на все, что они делали, а они совершали это, как начало своей победы над обитателями Шибальбы.

Слово об их представлениях дошло наконец до ушей владык Хун-Каме и Вукуба-Каме. Когда они услышали это, они воскликнули: "Кто эти два бедняка? Они действительно доставляют так много удовольствия?"

- Да, поистине прекрасны их танцы и все, ^что они со- вершают, - ответил тот, кто принес эти известия владыкам.

Услышав о таком искушении, владыки послали своих посланных позвать пришельцев. "Скажите им, чтобы они по- скорее пришли сюда, скажите им, чтобы они пришли и мы могли бы видеть, что они делают, чтобы мы могли удивлять- ся им и оказать им внимание, - так сказали владыки. - Так вы должны возвестить им", - вот что было сказано посланным.

Они сразу же направились к танцовщикам и передали им послание владык.

- Мы не можем желать этого, - сказали юноши, - потому что поистине мы устыжены. И как же мы можем не стыдиться появиться в доме владык? Ведь наши лица поисти- не отвратительны. Разве наши глаза не жадны из-за нашей крайней нищеты? Разве вы не видите, что мы всего-навсего лишь бедняки-танцовщики? Что скажем мы нашим товари- щам по бедности, которые еще не пришли с нами и хотят при- нять участие в наших танцах, порадоваться вместе с нами? Как можем мы исполнять наши танцы без них перед влады- ками? Вот по какой причине мы не хотим идти, о вестники! - сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Наконец, с потупленными лицами, выражая явное не- желание, горечь и глубокую печаль, они отправились; но через некоторое время вновь отказались идти, и вестники били их много раз по лицам, когда они вели братьев в дом владыки.

И вот прибыли они к владыкам, боязливые и со склонен- ными головами; они подошли и простерлись, они выказыва- ли почтительность и смирение. Они выглядели слабыми и оборванными, и облик их был действительно внешностью бродяг, когда они прибыли.

Их немедленно спросили об их родине и об их народе; они спросили и\$ также об их матери и их отце.

- Откуда вы идете? - спросили их владыки.

- Мы совершенно ничего не знаем, владыка! Мы не знали лиц нашей матери и нашего отца; и были мы очень ма- лыми, когда они умерли, - ответили они и не сказали ни слова больше.

- Хорошо! Теперь исполняйте ваши штуки, чтобы мы могли дивиться на вас. Что вам для этого требуется? Мы удовлетворим ваши пожелания, - было сказано им.

- Мы ничего не желаем, но мы поистине очень испуга- ны, - ответили они на это владыке.

- Не бойтесь ничего и не стыдитесь! Танцуйте! И изо- бразите прежде всего, как вы убиваете друг друга, а затем сожгите мой дом, делайте все, что вы умеете делать. Мы бу- дем дивиться на вас; этого желают наши сердца. Итак, бы- стро принимайтесь за дело, бедные создания; мы дадим вам все, что вы пожелаете, - говорили они им.

Тогда они начали петь и танцевать. Все обитатели Ши- бальбы прибыли и собрались, чтобы видеть их. И они ис- полнили все танцы: они станцевали "двуутробку", они станцевали "ночную ласточку", и они станцевали "броне- носца".

И тогда владыка сказал им:

- Разрежьте мою собаку на части, и пусть она будет снова возвращена вами к жизни, - так приказал он им.

- Да будет так! - ответили они и разрезали собаку на кусочки. Затем сразу же они возвратили ее снова к жизни.

И собака воистину была полна радости, когда она была воз- вращена к жизни, и виляла хвостом, когда братья оживили ее. И тогда владыка сказал им:

- Сожгите же теперь мой дом! - Так он приказал им. Сразу же они подожгли дом владыки, и хотя все владыки собрались там, внутри дома, они все же не были обожжены. Быстро они сделали его снова целым, и ни на одно мгновение дом Хун-Каме не был разрушен.

Все владыки Шибальбы веселились; они даже танцевали сами от восторга, и это доставило им много удовольствия.

Тогда им было приказано владыкой:

- Теперь убейте человека, принесите его в жертву, но не допускайте, чтобы он умер. - Так было сказано им.

- Очень хорошо! - ответили они.

И, схватив одного человека, они быстро принесли его в жертву. А затем они вырвали у него сердце и высоко под- няли его, чтобы все владыки могли видеть сердце.

И снова Хун-Каме и Вукуб-Каме были восхищены. Мгно- вение спустя человек был возвращен обратно к жизни братьями, и его сердце было исполнено бурной радости, когда он воскрес.

Владыки были удивлены.

- Принесите теперь в жертву друг друга, пусть мы увидим это, - сказали владыки, - наши сердца поистине жаждут такого представления от вас!

- Очень хорошо, о наш повелитель! - ответили они.

И тогда они приступили к жертвоприношению друг друга. Вот Хун-Ахпу был принесен в жертву Шбаланке; одна за другой его руки и его ноги были несколькими кусками отрезаны от туловища, его голова была отрублена от его тела и унесена прочь; его сердце было вырвано из его груди и брошено на ветви растения цалик. Все владыки Шибальбы были ошарашены этим зрелищем. Они хотели только одного: только посмотреть на представление, которое устроил Шбаланке.

- Встань! - воскликнул он, и мгновенно Хун-Ахпу возвратился к жизни. Тогда братья были очень счастливы, счастливы были и владыки. Действительно, то, что совершали они, наполняло восторгом сердца Хун-Каме и Вукуба-Каме, и они чувствовали себя так, как будто они сами совершали все это.

Тогда их сердца наполнились желанием и стремлением раскрыть загадку представлений Хун-Ахпу и Шбаланке; и у Хун-Каме и Вукуба-Каме вырвались слова:

- Сделайте то же самое с нами! Принесите в жертву нас! - сказали они. - Разрежьте нас на куски, одного за другим! - сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме Хун-Ахпу и Шбаланке.

- Очень хорошо! После этого мы возвратим вас снова к жизни. Разве существует для вас смерть? Ведь мы те, кто обязан доставлять вам развлечения, а вы - повелители над вашими сыновьями и подданными, - сказали они владыкам.

И случилось так, что они принесли в жертву первым того, кто был предводителем владык, того, кого звали Хун-Каме, повелителя Шибальбы.

И когда Хун-Каме был мертв, они схватили Вукуб-Каме, и они не возвратили ни того, ни другого снова к жизни.

Обитатели Шибальбы бежали, как только они увидели, что оба их владыки убиты и расчленены на куски. А это было сделано братьями, чтобы покарать их. В одно мгновение был убит главный владыка, и они не вернули его снова к жизни.

А один из владык смирился и явился перед лицами танцовщиков. Они не открыли его, и они не нашли его. "Пощадите меня!" - сказал он, когда он пришел в чувство.

Все сыновья и подданные владык Шибальбы бежали в глубокое ущелье, и все они собрались одной огромной толпой в этой узкой глубокой пропасти. Там они собрались

огромной толпой, и полчища муравьев пришли туда и нашли их и вытеснили их из ущелья. Так муравьи гнали их по дороге, и когда они вернулись назад в Шибальбу, то простерлись перед победителями и сдались. Они все покорились и когда приходили, то горько плакали.

Вот таким образом было сокрушено владычество Шибальбы. Только чудесами и своими превращениями смогли братья совершить все это.

Глава 14

Немедленно Хун-Ахпу и Шбаланке объявили свои имена и были превознесены перед всеми обитателями Шибальбы.

- Слушайте наши имена, которые мы вам назовем! Мы скажем вам также и имена наших отцов. Мы сами, мы Хун-Ахпу и Шбаланке, - вот наши имена. А имена наших отцов - тех, кого вы убили, - Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Мы - те, кого вы видите здесь, - мстители за пытки и страдания наших отцов. Вот причина, почему мы негодуем за все злое, что вы совершили по отношению к ним. Поэтому мы положим конец всем вам, мы умертвим вас, и ни один из вас не сможет ускользнуть, - сказали они.

Все обитатели Шибальбы сразу же пали на колени, умоляя:

- Пощадите нас, Хун-Ахпу и Шбаланке! Действительно, мы провинились перед вашими отцами, как вы говорите, и они погребены в Пукбаль-Чах, - сказали они.

- Хорошо! Вот наш приговор, который мы возвещаем вам. Слушайте его, вы все обитатели Шибальбы. Поскольку ни ваша великая мощь, ни ваше племя более не существует и поскольку вы не заслуживаете пощады, то вы займете низкое положение, не будут вам оказывать больше почестей. Очень немного достанется вам от крови и черепов, а игра в мяч будет не для вас. Вы будете проводить ваше время в изготовлении глиняных горшков

и сковородок и камней для перемола кукурузы. Только дети чащ и пустынь будут представлены вашему покровительству. Но порождения света, сыновья света не будут иметь общения с вами, и они будут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печалей, изменники, отдающиеся порокам - вот те, кто будет приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно схватывать людей для жертвоприношений; помните, что ваше положение теперь низкое!

Так говорили они всем обитателям Шибальбы.

Так началось разрушение их величия и их печали, хотя их и призывали еще потом. Не велико было их могущество и в былые дни. Им нравилось лишь причинять людям злое в те времена. В

действительности и в те дни они не принадлежали к разряду богов. Кроме того, их страшные лица вызывали у людей ужас и отвращение. Они порождали только распри и несчастья. Они подстрекали к злу, к греху и к разногласиям.

Они были также фальшивы сердцем, черные и белые в одно и то же время, завистливые существа и угнетатели, согласно тому, что говорилось о них. Кроме того, они раскрашивали свои лица и мазали их жиром.

Вот таким образом они потеряли свое величие и свой блеск; так произошло падение их владычества.

И это свершили Хун-Ахпу и Шбаланке.

Между тем бабушка плакала и печалилась перед посаженными и оставленными ими тростниками. У тростников этих сперва появились побеги, и они зазеленели, но затем засохли. Когда же братья бросились в подземную печь, тростники зазеленели снова. Тогда бабушка зажгла огонь и сожигала благовония перед тростниками в память своих внучат. И сердце бабушки исполнилось радости, когда тростники зазеленели вторично. Бабушка оказывала им почести, как богам, и называла их "Центром дома", "Никах" назывались они.

"Зеленые тростники, растущие на равнинах" - вот было их имя. И они назывались "Центром дома" и "Центром", потому что Хун-Ахпу и Шбаланке посадили тростники в самой середине дома. И тростники были названы "зелеными тростниками, растущими на равнинах", потому что братья посадили их в выровненную землю.

Их также называли "зеленые тростники", потому что они зазеленели. Эти имена были даны им Шмукане, даны тем тростникам, которые посадили Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы они напоминали бы о них их бабушке.

Итак, их отцами, умершими давным-давно, были Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Хун-Ахпу и Шбаланке теперь увидели лица своих отцов здесь, в Шибальбе, и их отцы разговаривали со своими потомками, с теми, кто победил владык Шибальбы.

А вот как их отцы были почтены ими. Вукуб-Хун-Ахпу они почтили следующим образом: они отправились почтить его в Пукбаль-Чах.

Прежде всего им хотелось, чтобы возникло его изображение, и поэтому он был спрошен о его голосе и обо всем: о его рту, его носе и его глазах. Они обнаружили его голос, но он мог свершить лишь очень немного. Он мог только что-то произносить; его рот не мог назвать по имени своего брата-близнеца; он только лишь что-то лепетал.

А сердце их отца, которое оставалось лежать там, - которое оставалось лежать там, в Пукбаль-Чах, - почтили они таким образом: "Пусть будут призывать тебя, да будет так! - сказали ему его сыновья, когда они утешали его. - Прежде всего, вы должны стать почитаемыми, и вам первым будут молиться порождения света, сыновья света. Ваши имена не будут никогда забыты! Да будет так! - говорили они своему отцу и этим утешали его сердце. - Мы - отмстители за вашу смерть, за вашу гибель, за страдания и печаль, которая была причиной вам".

Таковы были их слова прощания, когда они уже полностью победили всех обитателей Шибальбы.

Тогда они удалились от них и поднялись наверх, в средоточие света; в одно мгновение они были подняты на небо. Одному было дано Солнце, другому - Луна. Тогда осветился свод небес и лицо земли. Теперь они обитают на небесах.

И вот тогда четыреста мальчиков, убитых Сипакной, также поднялись на небо; они снова стали товарищами братьев и обратились в звезды на небе.

ЧАСТЬ III

Глава

Здесь вот начало рассказа о том, как было решено создать человека и как искали то, что должно было войти в плоть человека.

И Великая мать и Великий отец, Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, как гласят их имена, говорили: "Приближается время зари; так пусть наша работа будет закончена и пусть появятся те, кто должен нас питать и поддерживать, порождения света, сыновья света; пусть появится человек, человечество на лице земли!" - Так говорили они.

Они собрались, сошлись вместе и совещались в темноте и в ночи, и вот они искали и обсуждали, и здесь они размышляли и думали. Таким образом их намерения убедительно подошли к ясному решению; и они искали и открыли, что должно войти в плоть человека.

Это было еще перед тем, как солнце, луна и звезды появились над головами Создательницы и Творца.

Из Пашиля, из Кайала, как именовались эти страны, появились желтые початки кукурузы и белые початки кукурузы.

Вот имена животных, доставивших эту пищу: лисица, койот, попугай и ворона. Эти четыре животных принесли известия о желтых початках кукурузы и о белых початках кукурузы. Они сказали Создательнице и Творцу, что они должны идти в Пашиль, и они показали им дорогу в Пашиль.

И так они нашли пищу, и это было то, что вошло в плоть сотворенного человека, созданного человека, это была его

кровь, из этого была создана кровь человека. Так вошла кукуруза в сотворение человека по желанию Великой матери и Великого отца.

И вот тогда они были исполнены радости, потому что они нашли такую прекрасную страну, полную удовольствий, изобилующую вкусными початками желтой кукурузы и вкусными початками белой кукурузы; изобилующую также прекрасным паташте и семенами какао. Нельзя и перечислить, сколько там было деревьев сапоге, кавузш, хокоте, тапаль, матасано, какое множество меда. Там было изобилие восхитительной пищи, в этих селениях, именованных Пашиль и Кайала. Там была пища всякого рода, малая пища и большая пища, малые растения и большие растения. И дорога к ним была показана животными.

И тогда, размолов початки желтой кукурузы и початки белой кукурузы, Шмукане изготовила девять напитков, и из этой пищи пришла сила и плоть, и из кукурузы были созданы мускулы и сила человека. Вот что сделали Великая мать и Великий отец, Тепеу и Кукумац, как именовались они.

После этого они начали беседовать о сотворении и создании нашей первой матери и отца; только из желтой кукурузы и из белой кукурузы они создали их плоть; из кукурузного теста они создали руки и ноги человека. Только тесто из кукурузной муки пошло на плоть наших первых отцов, четырех людей, которые были созданы.

Глава 2

Вот имена первых людей, которые были сотворены и созданы: первый человек был Балам-Кице, второй - Балам-Акаб, третий - Махукутах, а четвертый был Ики-Балам.

Таковы имена наших первых матерей и отцов.

Было уже сказано, что только лишь они были созданы и сотворены, не имели они матери, не имели они отца. Только лишь они одни могли исключительно называться людьми¹. Они не были рождены женщиной и не были зачаты, как сыновья, Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом. Только чудом, только средствами заклинаний они были сотворены и созданы Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, Тепеу и Кукумацем.

И так как они имели внешность людей, то они были люди; они говорили и вели беседы, они хорошо видели и слышали, они ходили, брали вещи руками; они были хорошими и красивыми людьми, и их фигура была человеческой фигурой.

Они были наделены пронизательностью; они видели, и их взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли.

Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая даже попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились.

Велика была мудрость их, их зрение достигало лесов, скал, озер, морей, гор и долин. Поистине они были изумительными людьми, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам!

Тогда Создательница и Творец спросили их: "Что вы думаете о вашем состоянии? Не видите ли вы? Не слышите ли вы? Не хороша ли ваша речь так же, как ваша походка? Смотрите тогда! Созерцайте все, что находится под небом, посмотрите, как появляются горы и долины! Попытайтесь же это увидеть!" - сказали они первым людям.

¹ В подлиннике слово "ачих" - "благородный, знатный по рождению человек".

И немедленно они увидели полностью все, что существовало в этом мире¹. Тогда они воздали благодарность Создательнице и Творцу: "Поистине воздаем мы вам благодарность тысячу раз. Мы стали людьми, нам даны рот и лицо, мы говорим, мы слышим, мы думаем и ходим, мы совершенны, мы чувствуем, и мы знаем, что находится далеко и что находится близко. Мы видим также большое и малое в небе и на земле. Мы воздаем вам благодарность поэтому за то, что вы сотворили и создали нас, о Создательница и Творец, за то, что вы дали нам существование, о наша Праматерь, о наш Праотец!" - говорили они, воздавая благодарность за сотворение и создание их.

Они были способны познать все, и они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность земли.

Но Создательница и Творец слышали эту благодарность с неудовольствием. "Это нехорошо, что говорят наши создания, наши творения: они знают все: большое и малое!" - сказали они.

И поэтому Великая мать и Великий отец устроили совет снова: "Что же мы будем делать с ними теперь? Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немного на лице земли! Это нехорошо, то, что они говорят. Разве они по своей природе не простые создания нашего

творения? Разве они тоже должны стать божествами? А что, если они не будут рождать и умножаться, когда на- ступит заря, когда поднимется солнце? И что будет, если они не умножатся? - так говорили они.

- Давайте немно-

' В древнейшей версии мифа подобных обращений божеств к первым лю- дям, очевидно, было несколько. С каждым таким обращением люди получали соответствующее чувство или способность (видеть, слышать, ходить, гово- рить и т. д.). В данной версии результатом всех обращении богов является лишь одно - острое зрение.

го сдержим их желания, потому что нехорошо это, что мы видим. Разве они должны быть равными нам, своим твор- цам, кто может видеть далеко, кто знает все и видит все?"

Так говорили друг другу Сердце небес, Хуракан, Чипи-Ка- кулха, Раша-Какулха, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Вели- кий отец, Шпийакок, Шмукане, Создательница и Творец. Так они говорили, и немедленно они изменили природу своих со- зданий, своих творений.

Тогда Сердце небес наваял туман на их глаза, который покрыл облаком их зрение, как на зеркале, покрытом дыха- нием. Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко, только это было ясно видимо для них.

Таким образом была потеряна их мудрость, и все знание четырех людей, происхождение и начало народа киче было разрушено.

Таким образом были сотворены и созданы наши праотцы, наши отцы Сердцем небес, Сердцем земли.

Глава 3

Тогда получили существование их жены и были созданы для них женщины. Еще раз божество осуществило свое на- мерение. И они появились во время их сна. Поистине пре- красными были женщины, находившиеся рядом с Баламом- Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

Их женщины находились там, когда они пробудились, и сердца их мгновенно были наполнены радостью при виде их жен.

Вот имена их жен: Каха-Палуна именовалась жена Бала- ма-Кице, Чомиха была женою Балама- Акаба, Цунуниха именовалась жена Махукутаха, и Какишаха было именем

жены Ики-Балама¹. Таковы были имена их жен, и они были владычицами.

Они зачали людей, людей малых племен и больших пле- мен, и они были началом нас самих, нас - народа киче.

Много было владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, их было не только четыре; но эти четы- ре были нашими праmaterями, праmaterями народа киче.

Различны были имена каждого народа, когда они умно- жились там, на востоке, и имелось много названий народов: тепеу-оломан², кохах, кенеч, ахау, как именовались эти лю- ди там, на востоке, где они умножились.

Известно также начало людей тама и людей илока, кото- рые пришли вместе оттуда, с востока.

Балам-Кице был праотцем и отцом девяти великих домов Кавека; Балам-Акаб был праотцем и отцом девяти великих домов Нимхаиба; Махукутах - праотец и отец четырех ве- лических домов Ахау-Киче.

Существовало три объединения родов, и они никогда не забывали имя своего праотца и отца, тех, кто распростра- нялся и умножался там, на востоке.

Таким же образом пришли и люди тама и илока. С три- надцатью ветвями народов, тринадцатью из Текпана, при- шли они, а также люди Рабиналя, какчикели, люди из Ци- кинаха, а также закаха и ламак, кумац, тухальха, учабаха, люди из Чумилаха, люди из Кибача, из Батенаба, люди акуль, баламиха, канчачель и балам-коль*.

1 Каха-Палуна - "Вода, вертикально падающая сверху, Вода водопада", Чомиха - "Прекрасная, избранная вода", Цунуниха - "Вода колибри", Какишаха - "Вода попугая".

2 "Могущественные из Олимана". В "Летописи какчикелей" это племя упоминается под именем Тапку Оломан. Очевидно, имеется в виду племя оль- мека-шикаланка, жившее в южной части мексиканского штата Вера-Крус.

' Племя киче делилось на три объединения родов (Кавек, Ниха или Ни" хаиб и Ахау-Киче), возводивших себя к трем тольтекским предводителям:

Это только лишь главные племена, ветви народов, кото- рые мы упоминаем; мы будем говорить только об этих глав- ных. Многие другие еще пришли из каждой части главного населения, но мы не будем писать их имена. Они также ум- ножились там, на востоке.

Возникло великое число людей, и в темноте они множи- лись: не были рождены еще ни солнце, ни свет, когда они умножились. Они все жили вместе, существовали и блужда- ли там, на востоке.

И не было у них божества, которому они должны бы были приносить жертвенные дары и у которого искать покровитель- ства; они могли лишь поднимать свои лица к небу. И они не знали, почему они пришли так далеко, как это они сделали.

Там находились тогда в большом количестве черные лю- ди и белые люди, люди с разной внешностью, люди столь многих наречий, что удивительно было слушать их.

Разные люди существуют под небом; имеются люди пус- тынь, лица которых никто никогда не видит, которые не име- ют домов, они только блуждают, как помешанные, по малым горам и большим горам, поросшим лесами. Так рассказыва- ли те, кто презирал этих людей пустынь; так рассказывали те, кто сами были там, на востоке.

Все они имели только одно и то же наречие. Они не взы- вали ни к дереву, ни к камню, но они хранили в памяти сло- во Создательницы и Творца, Сердца небес и Сердца земли.

Баламу-Кице, Баламу-Акабу и Махукутаху. Племена там и илок, очевидно, еще до тольтекского завоевания жили вместе с киче, этим и объясняются их близкие отношения с киче. Племя цикинаха (или цутухили) жило в одноимен- ном поселении, находившемся на западном берегу озера Атитлан. "Тринадцать племен из Текпана" - это племена покомам и покончи. Племя рабиналем жи- ло около современного поселения Рабиналь, оно вошло затем в племенной со- юз какчикелей; племя баламиха - около современного поселения Баламйа в департаменте Чимальтенанго. Сказать что-либо определенное об упоминаю- щихся в этой главе других племенах, к сожалению, невозможно.

Вот таким образом они говорили, когда они хранили в сердцах мысль о наступлении зари. И они слагали свои мо- литвы, наполненные словами любви, полные любви, послу- шания и страха. Они поднимали свои лица к небу, когда про- сили себе дочерей и сыновей.

- О ты, Создательница, о ты, Творец! Посмотри на нас, внемли нам! Не прогоняй нас прочь, не устраивай нам препятствий, о божество, сущее в небесах и на земле, Серд- це небес, Сердце земли! Дай нам наших потомков, наше по- следование, пока будет двигаться солнце и будет свет. Пусть наступит заря, пусть придет день! Дай нам много хороших дорог, ровных дорог! Пусть у людей будет мир, много мира, и да будут они счастливы! Дай нам хорошую жизнь и полез- ное существование! О ты, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша- Какулха, Чипи-Нанауак, Раша-Нанауак, Вок, Хун-Ахпу, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпийакок, Шмукане, Праматерь солнца, Праматерь света, пусть на- ступит заря, пусть придет день.

Так говорили они, когда они высматривали и призывали, полные ожидания, восход солнца, наступление дня. И в то же самое время они выслеживали утреннюю звезду, вели- кую звезду, что движется перед солнцем. А солнце - по- жар, освещающий небеса и землю, - озаряет шаги людей, созданных и сотворенных.

Глава 4

И Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сказали: "Давайте спокойно подождем наступления дня!" Так говорили эти великие умные люди, мудрецы, владыки страха перед богом и строители жертвоприношений. Так было сказано ими.

Наши первые матери и отцы еще не хранили изображений богов ни из дерева, ни из камней, и их сердца устали от ожи- дания солнца. Уже были очень многочисленными все племена и между ними народ йаки, а также владыки страха перед бо- гом и строители жертвоприношений.

- Давайте пойдем, давайте пойдем осмотрим все и по- ищем, нет ли чего, что мы могли бы признать как наших по- кровителей. Не сможем ли мы найти то, что должно гореть перед нами. Ибо так, как мы живем теперь, мы не имеем ни- кого, кто бы бодрствовал для нас, - сказали Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

И, услышав о городе, они отправились туда.

И вот имя того места, куда отправились Балам-Кице, Ба- лам-Акаб, Махукутах, Ики-Балам и люди народов там и илок, было Тулан-Суйва, Вукуб-Пек, Вукуб-Сиван¹. Та- ково было имя города, куда они отправились, чтобы полу- чить своих богов.

Итак, они все прибыли в Тулан. Невозможно было сосчи- тать число людей, которые туда прибыли; туда отправились очень многие, и странствовали они, построившись в ряды.

Тогда было появление богов, и первыми появились боги Ба- лам-Кице, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, а они были исполнены радости: "Наконец-то нашли мы то, чего ис- кали!" - говорили они.

Первым появившимся был бог Тохиль, как именовался этот бог, и Балам-Кице положил его на свою спину, на свою раму. Затем появился бог по имени Авилиш, и Балам-Акаб унес его. Бог по имени Хакавиц был унесен Махукутахом, а Ики-Ба- лам унес бога по имени Никакахтаках.

И таким же образом вместе с народом киче получили свое божество и люди тама. И вот почему Тохиль было имя бога

Вукуб'Пек - "Семь Пещер", Вукуб-Сиван - "Семь Ущелий".

у людей тама, кого получили праотцы и отцы владык тама, которых мы знаем еще и теперь.

На третьем месте были люди илока. Имя бога, которого получили праотцы и отцы этих владык, которых мы знаем еще и теперь, было также Тохиль.

Таким образом, трем группам киче были даны их имена, и они не разделялись, потому что они имели бога с одним и тем же именем: Тохиль у киче, Тохиль у тама и Тохиль у илока; только одно было имя бога, и с тех пор эти три группы киче не разлучались.

Велики, воистину, были бытие и сущность этих трех: То- хилия, Авилиша и Хакавица.

Затем прибыли все другие народы: люди из Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха и народ, который теперь но- сит название йаки. И там изменилась речь народов; их язы- ки стали различными. Они уже не могли больше ясно пони- мать то, что слышали друг от друга, после того как прибыли в Тулан. Там же они и разделились: были такие, кто отпра- вился на восток, но большинство пришло сюда.

И одежаниями их были только лишь шкуры животных; они не имели хороших тканей, чтобы одеться; шкуры животных были их единственной одеждой. Они были бедны, они не вла- дели ничем, но они были людьми, дивными по своей природе.

Когда они прибыли в Тулан-Суйву, Вукуб-Сиван - как говорится в старых сказаниях, - их странствования, пока они добрались до Тулана, были очень продолжительными.

Глава 5

И они не имели еще огня. Только народ Тохилия имел его. Он был богом племен, который первым создал огонь. Неиз- вестно, как он был создан, потому что он уже ярко горел, когда Балам-Кице и Балам-Акаб увидели его.

- Увы! Мы не имеем еще огня! Мы умрем от холо- да! - говорили они.

И тогда Тохиль сказал им: "Не беспокойтесь! Ваш это огонь, о котором вы говорите, что он недоступен для вас", - сказал им Тохиль.

- Это действительно так? О ты, наш бог, ты наша под- держка, ты, кому мы приносим жертвы, ты наш бог! - го- ворили они, благодаря его.

И Тъхиль ответил:

- Хорошо! Конечно, я ваш бог. Да будет так! Я - ваш владыка, да будет так! - так сказал Тохиль владыкам страха перед богом и устроителям жертвоприношений. И таким обра- зом племена получили огонь и были рады по причине этого.

Внезапно начался сильный ливень. Масса града выпала на головы всех племен, и огонь был потушен из-за града; только что приобретенный огонь снова исчез.

Тогда Балам-Кице и Балам-Акаб снова попросили Тохи- ля об огне. "О Тохиль, мы воистину умираем от холода", - сказали они Тохилю.

- Хорошо, не печальтесь, - ответил им Тохиль, и сра- зу же он создал огонь, пробуравив свою сандалию.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сра- зу же стали счастливы и немедленно согрелись.

И вот огонь у других народов тоже погас, и они умирали от холода. Они немедленно пришли еще раз просить огня у Ба- лама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама. Они не могли больше переносить ни холода, ни града; они дрожа- ли, и зубы их стучали; они совершенно оцепенели и были ед- ва живы; их руки и ноги тряслись, и они не могли ничего дер- жать в них, когда они пришли.

- Мы не устыдились прийти к вам и попросить немно- го вашего огня, - сказали они. Но они не получили ничего в ответ. И тогда сердца племен были очень опечалены.

- Речь Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама отлична от нашей. Увы! Мы потеряли нашу речь! Что мы сделали? Мы погибли! Как же мы были обма- нуты? Мы имели только одно наречие, когда мы прибыли туда, в Тулан; в одном и том же месте мы были сотворены и стали людьми. Нехорошо это, что мы сделали, - говори- ли все племена под деревьями, под лианами.

Тогда некий человек появился перед Баламом-Кице, Ба- ламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом, и этот чело- век, который был посланником Шибальбы, сказал им так: "Поистине это ваш бог; он - ваша поддержка, он, кроме того, подобие вашей Создательницы и вашего Творца и дол- жен напоминать вам о них. Не отдавайте вашего огня племе- нам, пока они не представят приношений Тохилю. Но необ- ходимо, чтобы они дали что-нибудь вам сейчас. Вопросите самого Тохилия, что они должны дать, когда они придут, как цену за огонь", - сказал человек из Шибальбы. Он имел крылья, подобные крыльям летучей мыши.

"Я послан теми, кто вас сотворил, теми, кто вас со- здал", - сказал человек из Шибальбы.

Они тогда исполнились веселья, а Тохиль, Авилиш и Хака- виц были очень обрадованы в своих сердцах, когда человек из Шибальбы сказал это. И затем он мгновенно исчез из их глаз.

Но племена не погибли, они пришли, хотя и умирали от холода. Много было града, шел черный дождь, был туман и неописуемый холод.

И они подошли, каждое племя дрожало и ежилось от хо- лода, когда они приблизились туда, где были Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Велика была опус- тошенность их сердец, их рты были крепко сжаты, а взоры потуплены.

Сразу же они, как нищие, появились перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом и сказали:

"Неужели у вас нет сострадания к нам; ведь мы только просим немного от вашего огня? Разве мы не были когда-то вместе и объединенными? Разве мы не имели один и то же дом и одну и ту же страну, когда вы были сотворены, когда вы были созданы? Имейте же тогда к нам милосердие!" - сказали они.

- Что же вы дадите нам за то, чтобы мы над вами сжалились? - было спрошено у них.

- Хорошо! Мы дадим тогда вам серебро, - отвечали племена.

- Мы не хотим серебра! - сказали на это Балам-Кице и Балам-Акаб.

- А что же именно вы хотите? - спросили племена.

- Это мы должны сперва узнать, - сказали Балам-Кице и Балам-Акаб.

- Очень хорошо! - сказали племена.

- Мы спросим у Тохилья и тогда мы ответим вам, - добавили Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

После этого они задали Тохилью вопрос:

- Что должны дать племена, о Тохиль? Те, кто пришел к нам просить твоего огня? - так спросили Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

- Хорошо! Согласны они отдать то, что находится у них под грудью и под мышками? Желает ли их сердце обнять меня, кто семь Тъхиль? Если они не хотят делать этого, то и я не отдам им огня, - отвечал Тохиль. - А вы скажите им, что это произойдет позднее. Совсем не теперь они будут обняты мною тем, что находится у них под грудью и под мышками. Вот что Тохиль приказал передать вам, скажете вы.

Таков был ответ Тохилья Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

Тогда они передали слова Тохилья.

- Очень хорошо, мы принимаем это, и мы обнимем его, - сказали те племена, когда они услышали, и им были сказаны слова Тохилья. И они не медлили с ответом.

- Хорошо, - сказали они, - мы согласны, но пусть это свершится вскоре! - И немедленно они получили огонь. Тогда они согрелись.

Глава 6

Тем не менее оказалось, что одно племя украло огонь из дыма; и были они из дома Цоциль. Бог какчикелей именовался Чамалькан, и он имел вид летучей мыши.

Когда они проходили через дым - а они прокрадывались через него очень тихо, - тогда они подошли и схватили огонь. Нет! Какчикели не просили об огне, потому что они не хотели отдаваться и быть побежденными.

А путь, который избрали другие племена, был путь побежденных, когда они отдали то, что находилось у них под грудью и под мышками, чтобы это расцвело. А это расцветание, о котором говорил Тохиль, означало, чтобы каждое племя было принесено перед ним в жертву, чтобы у них были вырваны сердца из груди, из-под мышек.

Но это еще не началось, когда Тохиль предрекал получение мощи и верховной власти Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

Там, в Тулан-Суйва, откуда они пришли, они привыкли воздерживаться от пищи, они непрерывно постились, пока они ожидали появления зари, и бодрствовали, ожидая восхода солнца.

Летучая мышь была тотемом какчикелей; глава их племени именовался "ах-по-социль" - "Владыка - Летучая Мышь".

Они чередовались, сторожа великую звезду по имени Икоких, которая поднимается первой перед солнцем, когда занимается день, блестящую Икоких. Туда, на место солнечного восхода, постоянно были устремлены их взоры, еще тогда, когда они находились в месте, называемом Тулан-Суйва, откуда пришли их божества.

Не там, однако, они получили свою мощь и верховную власть, но только лишь здесь они подчинили и покорили большие племена и малые племена, когда они принесли их в жертву перед Тохилем и поднесли ему кровь, плоть, груди и подмышки всех людей.

Но уже в Тулане могущество внезапно пришло к ним; велика была свойственная им мудрость, когда они свершали свои деяния во мраке и в ночи.

Тогда они ушли оттуда, они отправились и оставили восток позади себя. "Это не наш дом, отправимся и посмотрим, где мы будем селиться", - сказал им тогда Тохиль.

Поистине, он привык беседовать с Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом.

- Воздайте же благодарность перед отправлением; со- вершите, что необходимо: проколите ваши уши, пронзите ва- ши локти и совершите ваши жертвоприношения; в этом бу- дет ваша благодарность перед божеством, - сказал Тъхиль.

- Очень хорошо! - сказали они и пустили кровь из своих ушей. И они плакали в своих песнях из-за своего от- правления из Тулана; их сердца горевали, когда они уходили оттуда, когда они навсегда оставляли Тулан.

- Увы нам! Мы не увидим здесь зари, когда поднима- ется солнце и озаряет лицо земли - говорили они при ухо- де. Но они оставили нескольких человек по дороге; да, на- ходились люди, которые хотели оставаться там и спать.

Каждое из племен продолжало бодрствовать, чтобы уви- деть звезду, которая есть вестник солнца. Этот знак зари

они несли в своих сердцах, когда они шли с востока, и с той же самой надеждой они покидали то место, которое было на большом отсюда расстоянии. Так говорится об этом теперь.

Глава 7

Наконец они пришли на вершину горы, и там все люди киче и племена объединились. Там все они держали совет, чтобы совершить свои намерения. И теперь эта гора назы- вается Чи-Пишаб, таково имя этой горы.

Там они объединились, и там они получили свои имена: "Я здесь, я - народ киче! А ты, ты из народа там, таково будет твое имя!" - было сказано людям там. А людям из народа илок было сказано: "Ты из илока, таково будет твое имя. И эти три народа киче никогда не исчезнут; наша судь- ба будет одной и той же", - сказали они, когда они давали себе свои имена.

Тогда же они дали имя и какчикелям: "какчекели" было их имя¹, а кроме того - рабиналь - это также было их именем, и оно не потеряно ими до сих пор. К этому же при- соединились и люди из Цикинаха, как они называются еще и теперь. Вот имена, которые они дали друг другу.

И вот они сошлись на совет. Прежде всего они хотели ожидать зарю и сторожить появление звезды, которая вос- ходит как раз перед солнцем, когда оно намеревается под- няться. "Мы пришли оттуда, но мы были разделены", - говорили они друг другу.

И сердца их разрывала великая скорбь; они очень сильно страдали; они не имели пищи; они не имели чего-нибудь по- есть; они только лишь нюхали концы своих посохов и благо -

¹ Какчекели - буквально "Происходящие от Красного Дерева".

даря этому воображали, что они едят; но они ничего не ели с тех пор, как пришли.

Не совсем ясно, однако, как они пересекли море; они пе- ресекли его по этой стороне, как будто бы там и не было мо- ря; они пересекли его по камням, помещенным в ряды на пе- ске. По этой причине, в воспоминание, они были названы "камнями в ряд", "песок под морской водой" - имена, данные той местности, где они, племена, пересекали море; воды разделились, когда они проходили.

И печаль разрывала их сердца, когда они говорили друг с другом, потому что у них не было ничего есть; они имели только глоток воды и пригоршню кукурузы.

Там собрались они тогда на вершине горы, называемой Чи- Пишаб. И они принесли с собой также и Тохилья, Авилиша и Хакавица. Балам-Кице и его жена Каха-Палуна, таково было имя этой женщины, соблюдали строгий пост. То же са- мое делали и Балам-Акаб со своей женой, которая называ- лась Чомиха; и Махукутах и его жена по имени Цунуниха также соблюдали строгий пост, и Ики-Балам со своей женой, которая называлась Какишаха, поступали таким же образом.

Вот кто были те, кто постился в мраке и в ночи. Велика была их печаль, когда они находились на горе, называемой теперь Чи-Пишаб. И их боги говорили с ними снова.

Глава 8

Так сказали Тохиль, Авилиш и Хакавиц Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу:

- Идите поднимите нас, не оставляйте нас здесь. Нам нельзя оставаться здесь. Унесите нас в какое-нибудь пота- енное место! Заря уже приближается. Разве не будет для вас бесчестьем, если мы будем захвачены в плен вашими

врагами внутри этих стен, где мы находимся по вашему же- ланию, о владыки страха перед богом и устроители жертво- приношений! Унесите тогда каждого из нас в безопасное ме- сто! - Таковы были их слова, когда они говорили.

- Очень хорошо! Мы отправимся, мы пойдем искать потаенное место в лесах, - отвечали они все вместе.

Немедленно после этого они взяли богов и взвалили их на свои спины. И каждый взял принадлежащее ему божество. Таким образом они несли Авилиша к ущелью, называемому "Ущелье сокрытия", так они называли его, к большому ущелью в лесу, называемому теперь Павилиш, и там они его оставили. Он был оставлен в этом глубоком ущелье Баламом-Акабом.

После того как был установлен в стороне первый по порядку бог, они перенесли затем и Хакавица. Он был установлен на большой огненной горе. Хакавиц называется теперь эта гора, на ней затем был основан их город. И так, там находилось божество, называемое Хакавицем.

Таким же образом, как и Балам-Акаб, Махукутах остался около своего божества, которое было вторым божеством, спрятанным ими. Но Хакавиц находился не в лесу; на горе, лишенной растительности, был спрятан Хакавиц.

Тогда отправился Балам-Кице; он отправился туда, к огромному лесу: Балам-Кице отправился спрятать Тохилья на горе, которая теперь именуется Па-Тохиль. И они восхваляли укрытие в ущелье, убежище Тохилья. Большое количество змей и огромное число ягуаров, гремучих змей и ехидн жило там, в этом лесу, где был спрятан владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений Тохиль.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам находились вместе; вместе ожидали они зарю там, на горе, называемой Хакавиц.

А на очень недалеком расстоянии находились боги людей тама и людей илока. Амак-Тан называлось место, где нахо-

дился бог людей тама, здесь началась для них заря. Место, где люди илока ожидали зарю, называлось Амак-Укинкат; там находился бог людей илока, он был на небольшом расстоянии от них, на горе.

Там находились также все люди Рабиналя, и какчикели, и люди из Цикинаха, все малые племена и большие племена. Да, они пребывали все вместе, неподвижные, ожидая наступления зари, совместно ожидая подъема большой звезды, называемой Икоких¹, которая поднимается как раз перед солнцем, когда наступает заря, согласно сказанию.

Вместе находились тогда там Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Не было для них сна, не было покоя, и велика была тоска их сердец и их желудков о наступлении зари, о наступлении дня. На их лицах было только уныние; огромная печаль и великая подавленность опустилась на них; они были совершенно подавлены страданиями.

Они зашли так далеко. "О как плохо это, что мы пришли сюда! Если бы только мы могли увидеть восход солнца! Как это мы сделали, зачем отделились от подобных нам в наших горах?" - восклицали они и много беседовали друг с другом, полные печали, исполненные уныния, с громкими возгласами горести.

Так они говорили и никак не могли успокоить свои сердца, тосковавшие о наступлении зари.

"Боги сидят в ущельях и лесах, они находятся среди ползучих растений и мхов; у них нет даже сидения из досок", - говорили они.

Первыми из богов были Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Велики были их слава, их сила и их могущество над богами всех

¹ Буквально - "обгоняющая солнце (звезда)" или "влекущая солнце за своей спиной". Имеется в виду планета Венера.

других племен. Многочисленны были их чудеса и бесчисленны их средства и их пути; и поэтому их существование вызывало страх и ужас в сердцах племен.

Но Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам успокоили их желания. Они не чувствовали в своих сердцах страха перед богами, которых они получили и тащили на своих спинах, когда они шли туда из Тулана-Суйва, туда, где восходит солнце.

И вот находились они, боги, там, в лесу. Сакирибаль-Па-Тохиль, Па-Авилиш, Па-Хакавиц - так называется теперь эта местность.

Там же наши праотцы и наши отцы стали владыками, и там засияла для них ранняя заря.

Теперь мы расскажем о наступлении зари и о появлении солнца, луны и звезд.

Глава 9

Здесь рассказывается о заре и появлении солнца, луны и звезд.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были очень счастливы, когда они увидели утреннюю звезду. Она поднялась первая, с сияющим ликом появилась она перед солнцем, а оно следовало за ней.

Немедленно они развязали свои курения, которые они доставили с востока, надеясь в душе, что они смогут позже пригодиться. Тогда они раскрыли три дара, которые они намеревались преподнести в жертву в знак благодарности своим сердцам.

Курение, которое доставил Балам-Кице, называлось Маштан-Пом, курение, которое доставил Балам-Акаб, называлось Кавистан-Пом, а курение, которое доставил Махукутах, называлось Кабавиль-Пом. Таковы были три благовонные смолы, которые они имели. И они зажгли его, когда начали танцевать, обратясь лицом к востоку.

Они плакали от радости, когда они танцевали и сжигали свои благовония, драгоценные благовония. Потом они горевали, потому что они еще не видели и не созерцали восхода солнца.

И вот тогда взошло солнце.

Малые звери и большие звери были счастливы; они под- нялись с берегов рек, в ущельях и на вершинах гор, и все по- спешно обратили свои глаза туда, где вставало солнце. Тог- да зарычали пума и ягуар. Но первой залилась песней птица, называвшаяся келецу. Воистину все звери были сча- стливы; орел и белогрудый коршун, малые птицы и большие птицы распростирали свои крылья. ~

Они же, владыки страха перед богом и устроители жертво- приношений, опустили на колени; велика была радость вла- дык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха и из Тухальха, Учабаха, Кабаха, людей из Батена и йаки-тепеу, всех этих племен, которые существуют теперь. И сосчитать людей было невозможно. Свет зари упал на все племена в одно и то же время.

Сразу же поверхность земли была высушена солнцем. Солнце было подобно человеку, когда оно показалось, и его лик пылал, когда оно высушивало поверхность земли.

Перед тем как поднялось солнце, поверхность земли бы- ла влажной и илистой, ведь солнце тогда еще не взошло. Но затем солнце поднялось в первый раз и было подобно че- ловеческому существу. И зной его был непереносимым, хо- тя оно только еще показалось в тот момент, когда оно было рождено. То, что осталось в настоящее время, - это толь- ко лишь отражение в зеркале. Конечно, это было не то самое

солнце, которое мы видим теперь; так об этом говорится в их древних сказаниях¹.

Немедленно после появления солнца Тохиль, Авилиш и Хакавиц превратились в камень вместе с божественными существами: пумой, ягуаром², гремучей змеей, ехидной и бе- лыми чудовищами, находящимися среди древесных ветвей. Когда появились солнце, луна и звезды, все подобное пре- вратилось в камень. И может быть, нас теперь не было бы в живых из-за этих хищных животных: пумы, ягуара, гре- мучей змеи, ехидны, а также белого чудовища; может быть, мы не могли бы наслаждаться теперь дневным светом, если бы эти первые животные не были превращены солнцем в ка-мень.

Когда солнце поднялось, сердца Балама-Кице, Балама- Акаба, Махукутаха и Ики-Балама были наполнены радос- тью. Велика была их радость, когда наступила заря. И там, в этом месте, было немного людей; только лишь малое коли- чество их находилось там, на горе Хакавиц.

Там пришла к ним заря, там они сожигали свои благово- ния и танцевали, обращая свои взгляды к востоку, откуда они пришли. Там находились их горы и их долины, откуда пришли Балам-Кице, Балам- Акаб, Махукутах и Ики-Ба- лам, как они именовались.

Здесь, на горе, они умножились, и здесь возник их город; именно здесь находились они, когда появились солнце, луна и звезды, когда наступила заря и когда осветились лицо зем- ли и весь мир. Здесь же они начали свою песнь, которую

1 В этой фразе отражено общее для всех древних народов Центральной Америки представление о том, что мир пережил несколько эпох, каждая из которых имела свое особое солнце.

2 Культ ягуара был очень распространен у индейских народов Централь- ной Америки. При встрече с ягуаром индейцы имели обычай каяться в совер- шенных грехах.

они называли "наш голубь"; они пели ее и выражали в этой песне скорбь своих сердец и свое самое сокровенное.

- Увы нам! Мы были уничтожены в Тулане, мы были разъединены, и там остались наши старшие и младшие бра- тья. Да! Мы видели солнце! Но где теперь они, когда насту- пила заря? - так говорили они, обращаясь к владыкам страха перед богом, устроителям жертвоприношений из пле- мени каки.

- Ведь тот, кто называется Тохилем, является тем же самым богом йаки, и имя его - Иолькуат Кицалькуат.

- Мы получили его в Тулане, в Суйва, с ним оттуда мы вышли, и там был создан км наш род, когда мы вышли, - так говорили они друг другу.

И они живо вспоминали своих старших братьев и своих младших братьев, людей йшш, к которым заря пришла туда, в страну, называемую теперь Мексикой. Кроме того, часть людей осталась там, на востоке; они называются тепеу-оли- ман. "Мы потеряли их навсегда", - говорили они.

Они чувствовали большую печаль в своих сердцах там, в Хакавице; огорчены также были и люди из тама и илока, ко- торые также находились там, в лесу, называемом Амак-Дан, где взошла заря для владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений тама, вместе со своим богом, который так- же звался Тохиль, потому что у трех ветвей народа киче бы- ло одно и то же имя бога. И такое же имя имел и бог людей Рабиналя, потому что мало разницы между именем Тохиль и именем Хун-Тох, как называется бог людей Рабиналя. Из- за этой причины - так говорится - они желали приравнять свое наречие к наречию киче.

Речь же какчикелей, однако, отлична от них, потому что имя их бога звучит по-иному еще с тех пор, как они пришли оттуда, из Тулан-Суйва. Цоциха-Чималькан было имя их бога; и по сей день они говорят на отличном от киче языке.

И от их бога также произошли имена родов Ах-Поцоциль и Ах-Пошахиль, как они называются.

Речь бога также изменилась с тех пор, как они получили своего бога там, в Тулане, около камня; их речь изменилась, когда они ушли из Тулана в темноту.

Они были все вместе, когда наступила для них заря и за- сиял свет над всеми племенами, но имена божеств остались в каждой группе теми же самыми.

Глава 10

А теперь мы расскажем об их пребывании и промедлении там, на горе, где четверо, именуемые Балам-Кице, Балам- Акаб, Махукутах и Ики-Балам, находились вместе. Их серд- ца печалились по Тохилю, Авилишу и Хакавицу, которые по их вине все еще находились среди ползучих растений и мхов.

Мы расскажем теперь, как они решили совершать Тохилю жертвоприношения, когда они появились перед Тохилем и Авилишем. Они отправились посмотреть их, они отправи- лись приветствовать их и воздать пред их лицами благодар- ность за наступление зари. Боги же блистали среди скал там, в лесных зарослях. И благодаря своему магическому искус- ству говорили они, когда владыки страха перед богом и уст- роители жертвоприношений появились перед лицом ТЪхила.

Они не принесли с собою больших даров или необычай- ных благовоний; только сосновую смолу, а также смолу, на- зываемую "рачак-нох", и траву по имени "йиа" сожгли они перед своими богами.

Тогда Тохиль заговорил благодаря чудодейственной силе; он сообщил владыкам страха перед богом и устроителям жертвоприношений предначертания богов. И вот что боги сказали:

- Поистине здесь будут наши горы и наши долины, И мы полностью принадлежим вам! Велика будет наша сла- ва и судьба над всеми многочисленными людьми. Вашими же будут все отдавшиеся в ваши руки племена, потому что мы будем всегда с вами. Заботьтесь о вашем городе, а мы будем давать вам советы.

- Не показывайте нас перед племенами, когда мы бу- дем разгневаны словами, идущими из ртов их, или их по- ступками и поведением. И не давайте нам впасть в какую- нибудь западню. Приносите нам только создания лесов, создания пустынь, только самку оленя и самок птиц. При- ходите и приносите нам немного вашей крови, имейте к нам жалость. Вы можете иметь шкуры оленей и оберегать нас от тех, чьи глаза вводят нас в заблуждение.

- Итак, пусть шкура оленя будет нашим символом, ко- торый вы будете показывать перед племенами. Когда спро- сят у вас: "Где Тохиль?" - покажите оленью шкуру перед их глазами. И не показывайтесь им сами, потому что вы бу- дете иметь другое, что делать. Велико будет ваше положе- ние; вы будете главенствовать над всеми племенами; вы при- несете их кровь и их сущность пред наши лица. Они должны прийти к нам, принадлежать полностью нам, обнять нас! - Так говорили Тохиль, Авилиш и Хакавиц.

Они, боги, имели внешность юношей, когда те, кто явил- ся возжечь пред их лицами курения, увидели их. Тогда нача- лось преследование птенцов всех птиц и молодых оленей, и владыки страха перед богом и устроители жертвоприно- шений устроили поиски. И когда они находили птенцов и молодых оленей, они сразу же отправлялись намазать оле- ньей и птичьей кровью рты камней, Тохила и Авилиша.

И как только кровь была выпита богами, камни начинали говорить, когда приближались владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, когда они приближались, чтобы поднести свои воскурения. То же самое они делали и перед их, богов, символами, сожигая травы "йиа" и "хо- лом-окош".

Символы¹ каждого из божеств находились там, где они были помещены, на вершине горы.

Но они сами, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, не жили днем в своих домах, а бродили по горам и питались только лишь личинками слепней, личинками ос и личинками пчел, за которыми они охотились. Не было у них ни хорошей еды, ни хорошего питья. Не были известны доро- ги к их домам, и никто не знал, где находятся их жены.

¹ Имеются в виду те оленьи шкуры, которые Балам-Кице и его братья должны были показывать при вопросе "Где же Тохиль?".

ЧАСТЬ IV

Глава

И вот уже основывались поселения, одно за другим, и различные ветви племен общались друг с другом; они хо- дили и путешествовали по дорогам, и их дороги были отчет- ливо видны.

Что же до Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, то совершенно не было известно, где они на- ходятся. Но когда они видели племена, проходившие по доро- гам, они сразу же начинали кричать на вершинах гор. Они то завывали, подобно койоту, визжали, подобно горной кошке, то подражали рычанию пумы и ягуара. Вот что они делали.

И племена слышали это, проходя то туда, то оттуда, и гово- рили: "Их вопли подобны воплям койота, горной кошки, пумы и ягуара. Они хотят появиться перед племенами, как будто бы они не люди,

и делают они это только лишь для того, чтобы обмануть нас, людей. Их сердца втайне жаждут чего-то. Ко- нечно, они не пугают нас тем, что они делают. Они преследуют какую-то цель этим рычаньем пумы, этим криком ягуара, который они издают, когда видят одного или двух человек, идущих по дороге. Покончить с нами - вот что хотят они",

День за днем предводители народа киче возвращались к своим домам и своим женщинам, но они приносили только личинки шмелей, личинки ос и личинки пчел, чтобы отдать их своим женам.

День за днем также они появлялись перед лицами Тохилия, Авилиша и Хакавица и говорили в своих сердцах: "Вот здесь находятся Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Мы можем принести

им только лишь кровь оленей и птиц; мы берем кровь только из наших ушей и наших локтей. Попросим же у Тохилия, Авилиша, Хакавица силы и мощи. Кто сможет проследить что-нибудь, когда начнут умирать племена, когда мы начнем убивать людей, одного за другим?" - говорили они один другому, когда появлялись перед лицами Тохилия, Авилиша и Хакавица.

И затем они пронзали свои уши и свои локти перед боже- ствами; они собирали свою кровь, наполняли ею сосуд и прикладывали его к устам камней.

Но в действительности они были уже не камни; каждый из них выглядел подобно юноше, когда появлялся перед предводителями киче.

И вот владыки страха перед богом и устроители жертво- приношений радовались по причине жертвенной крови. И тогда им был дан знак: как они должны действовать.

"Пусть иссякнут их жертв слезы! Ничего другого не ос- тается вам делать. Оттуда, из Тулана, пришло это¹, когда вы взяли нас с собой!" - так было сказано им.

И одновременно с этим была вручена им кожа, называе- мая Пасилисиб, вместе с кровью, которой они должны бы- ли себя окропить. Да, появившаяся кровь была подарком от Тохилия, Авилиша и Хакавица.

Глава 2

Вот как было это осуществлено и как Балам-Кице, Ба- лам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам начали похищать людей из племен вук-амак. Вот как они умерщвляли этих людей.

' Эти слова божеств указывают в туманной форме на человеческие жерт- воприношения. По содержанию следующих глав "Пополь-Вух" можно пред- полагать, что до появления тольтекских предводителей человеческие жертво- приношения божествам в этой части Гватемалы не практиковались.

Они схватывали человека, когда он шел один, или двух, когда они шли вместе, и никогда не было известно, когда они похищены. И тогда предводители киче отправлялись и при- носили их в жертву перед Тохилем и Авилишем. После это- го они кропили на дороге кровью и разбрасывали головы убитых по отдельности на дороге. И люди из племен вук- амак говорили: "Ягуар пожрал их!" И они говорили так пото- му, что Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам оставляли следы, похожие на отпечатки лап ягуара, а сами они не показывались.

Уже много было людей, утащенных таким образом, но племена поняли все это только очень поздно. "Как? Мо- жет быть, это Тохиль и Авилиш, которые находятся здесь, среди нас? Это должны быть те, о ком заботятся владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Где же находятся их дома? Давайте выследим их по их следам!" - говорили люди всех племен.

Тогда они устроили между собою совет. Тогда они начали выслеживать отпечатки ног владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, но они были неясны. Там бы- ли только следы оленей, только следы ягуаров, вот что они видели, но следы были неотчетливые. Первые следы были неясны из-за того, что они были обращены в разные сторо- ны, так, как бывает, когда люди ходят заблудившись, и путь их был неясен. Образовался туман, выпал черный дождь, и образовалось много грязи. Начало моросить. Вот что лю- ди увидели перед собою. И их сердца стали усталыми от по- исков и преследования тех на дорогах, потому что велики были существа Тохилия, Авилиша и Хакавица. А предводи- тели киче удалились туда, на вершины гор, и расположились поблизости от тех племен, людей которых они убили.

Так началось похищение тех, кто служил жертвами, ког- да устроители жертвоприношений ловили на всех дорогах

людей из племен и приносили их в жертву перед Тохилем, Авилишем и Хакавицем; но своих собственных сыновей они поместили на вершине горы, в безопасном месте.

И вот Тохиль, Авилиш и Хакавиц имели внешность трех юношей и ходили благодаря чудодейственным свойствам кам- ня. Была там река, в которой они купались у берега воды, и только там можно было видеть их. Из-за этой причины это место было названо "В купальном месте Тохилия" и таким же было название реки. Люди из племен много раз видели их, но боги немедленно исчезали, как только были увидены людьми.

И тогда распространилась весть о том, где находятся Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И сразу же племена устроили совет относительно того, каким образом предводители киче могут быть убиты.

Прежде всего племена хотели обсудить, каким образом подчинить себе Тохилья, Авилиша и Хакавица. И все владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, стоявшие во главе племен, сказали народу:

- Поднимитесь все вы, призовите каждого, пусть не будет ни одной семьи, ни двух семей среди нас, которые бы остались позади других.

Все собрались, они собрались все в большом числе и совещались друг с другом. И они говорили, спрашивая один другого:

- Что должны мы сделать, чтобы победить киче из дома Кавека? Потому что все наши знатные и сыновья умерщвляются, совершенно неизвестно, каким образом из-за них, предводителей киче, исчезают люди. Если мы должны погибнуть по причине этих похищений, то да будет так! Если же могущество Тъхилья, Авилиша и Хакавица так велико, тогда пусть нашим богом будет этот Тохиль, овладейте им! Невозможно, чтобы они победили нас. Разве не доста-

точно еще людей среди нас? А ведь люди Кавека не многочисленны, - так говорили они, когда собрались все вместе.

И тогда часть людей сказала, обратившись к племенам: "Кто видел тех, кто купается в реке каждый день? Если они - Тохиль, Авилиш и Хакавиц, тогда сперва мы должны подчинить своей власти их, а затем мы начнем уничтожать владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений".

Тогда часть людей заговорила снова и спросила:

- Но чем же мы сможем подчинить этих богов своей власти?

- Вот каков будет наш способ действий, чтобы стать их владыками. Так как они имеют внешность юношей, когда они появляются и когда их можно видеть в воде, пусть тогда две девушки, самые прекрасные и пленительные, пойдут туда и возбудят в них желание овладеть ими!, - сказали они.

- Очень хорошо! Пойдемте же и отыщем двух прекрасных девушек! - воскликнули они и отправились отыскивать таковых среди своих дочерей. И поистине ослепительными были выбранные девушки.

Затем они начали давать девушкам наставления: "Идите, наши дочери, поспешно идите стирать одежды у реки, и если вы увидите трех юношей, то предстаньте перед ними обнаженными. А если их сердца пожелают вас, то пусть они овладеют вами. Если же они скажут вам: "Можем ли мы подойти к вам поближе?" - тогда отвечайте им: "Да будет так!" И когда вас спросят: "Откуда вы пришли, чьи вы дочери?" - если они это спросят, то отвечайте им: "Мы доче-

1 В этом месте "Пополь-Вух" ясно выражено древнее представление, что божество имеет силу, только оставаясь девственным. При нарушении целомудрия бог теряет свою мощь и способность сопротивляться. Здесь племена надеются, что после того, как боги овладеют девушками, они потеряют свою силу и их удастся легко пленить.

ри владык". И затем вы скажите им: "Дайте нам что-нибудь, как знак любви от вас". И после того как они дадут вам что-нибудь, если они захотят поцеловать ваши лица, тогда по-настоящему отдайтесь им. А если вы не отдадитесь им, мы вас убьем. Сердца наши будут удовлетворены лишь тогда, если вы получите от них знак любви и принесете его сюда. Это и будет доказательством для нас, что они действительно соединились с вами".

Так говорили владыки, когда они отдавали свои приказания двум девушкам. Вот имена этих девушек: Штах было имя одной из девушек, а другой - было Шпуч. И две девушки, Штах и Шпуч, так они именовались, были посланы к реке, к месту купания Тохилья, Авилиша и Хакавица. Вот что было решено всеми племенами.

Они отправились сразу же украшать себя, чтобы выглядеть действительно пленительными. И они были поистине крайне прелестны, когда они пошли туда, где имел обыкновение купаться Тохиль. И когда они отправились, владыки были счастливы, потому что они послали двух своих дочерей.

И они подошли к реке и начали купаться. Эти две уже сняли прочь свои одежды и трудились со своей работой над камнями¹, когда пришли Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Они подошли туда, к речному берегу, и остановились на мгновение, удивленные тем, что видят двух купающихся молодых девушек. А девушки смутились в то мгновение, когда появился Тохиль. Но не случилось так, чтобы у Тохилья появилось бы желание к двум девушкам. И тогда он спросил их:

- Откуда вы пришли?

Так спросил он обеих девушек и добавил:

- Что вы хотите, раз вы пришли сюда, к краю нашей воды?

¹ Девушки делали вид, что они собираются стирать свою одежду.

А они ответили:

- Владыки послали нас, чтобы прийти сюда. "Пойдите посмотрите на лица Тохилия, Авилиша и Хакавица и заговорите с ними, - сказали нам владыки, - и соответственно принесите доказательство, что вы действительно видели их лица", - говорили они нам. - Так сказали девушки, выдавая цель их прихода.

Итак, племена хотели, чтобы эти две девушки занялись бы распутством и уничтожили волшебную силу Тохиль. Но Тохиль, Авилеш и Хакавиц сказали, обращаясь снова к Штах и Шпуч, как звали девушек:

- Очень хорошо, мы дадим вам доказательство нашего разговора с вами. Подождите немного, и вы отдадите тогда его владыкам, - так было сказано им.

Затем боги призвали на совет владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений и сказали Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу: "Раскрасьте хорошенько три покрывала, нарисуйте на них символ вашего существа, чтобы племена могли узнать их, когда эти девушки, пришедшие мыться, отнесут их назад. Дайте им эти плащи". - Так было приказано Баламу-Кице, Баламу-Акабу и Махукутаху.

Сразу же эти трое начали рисовать. Сперва Балам-Кице нарисовал ягуара; фигура зверя была сделана и изображена на поверхности покрывала. Затем Балам-Акаб нарисовал фигуры орлов на поверхности другого покрывала, а Махукутаху, наконец, изобразил шмелей и ос на всех сторонах третьей ткани; фигуры и рисунки их он изобразил на поверхности покрывала. И трое кончили свои рисунки; три куска складчатой ткани были зарисованы.

Тогда они отправились отдать покрывала Штах и Шпуч, как эти девушки именовались. И Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутаху сказали им: "Вот вам доказательство вашего

разговора с Тъхилем, покажите их перед лицом владык. Скажите им: "Воистину Тохиль говорил с нами; вот здесь мы принесли доказательство". Так скажите им, и пусть они заботливо хранят те одеяния, которые вы дадите им". Так говорили они девушкам, когда прощались с ними. Девушки же сразу отправились, неся с собой те раскрашенные плащи, о которых говорилось выше, и вернулись домой.

Когда они прибыли, владыки исполнились радости, увидев их лица и их руки, с которых свисали те вещи, за которыми девушки были посланы.

- Вы видели лицо Тохилия? - спросили они их.

- Да, конечно, мы видели его, - ответили Штах и Шпуч.

- Очень хорошо! А это вы принесли как доказательство, не так ли? - спросили владыки, думая, что эти вещи были доказательством их прегрешения.

Тогда девушки развернули расписанные покрывала, все покрытые яркими изображениями орлов и ягуаров, покрытые шмелями и осами, нарисованными на поверхности ткани; и покрывала сверкали перед ними. Сразу же владыки почувствовали желание надеть на себя покрывала, набросить их на свои плечи.

Ягуар не сделал ничего, когда владыка набросил первое изображение на свои плечи. Затем владыка надел на себя второе покрывало с изображением орла. Владыка, закутанный в него, чувствовал себя очень хорошо. И он повертываясь во все стороны перед взглядами всех собравшихся. Тогда он разделся перед глазами всех догола и надел третье зарисованное покрывало. И как только он надел на свои плечи шмелей и ос, которые были нарисованы на третьем покрывале, то мгновенно шмели и осы начали жалить его тело. И не будучи в состоянии сдержаться, переносить жала этих насекомых, он начал вопить из-за насекомых. А только

лишь их фигуры были изображены на ткани, только рисунок Махукутаху, третьего рисовавшего.

Так они были побеждены. Тогда владыки стали упрекать двух девушек по имени Штах и Шпуч.

- Что же это за ткани, которые вы принесли нам? Откуда вы их принесли, вы, злодейки? - говорили они девушкам и ругали их. Так все племена были посрамлены Тохилем.

Итак, они желали, чтобы Тохиль отправился бы за Штах и Шпуч, чтобы его желание было удовлетворено и чтобы девушки стали блудницами. Племена думали, что они послужат к соблазнению их, богов. Но победить этих богов было невозможно благодаря чудодейственным людям: Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

Глава 3

После этого племена снова устроили совет.

- Что же мы будем делать с ними? Поистине, их могущество очень велико, - сказали они, когда собрались снова на совет.

- Хорошо, тогда мы просто устроим для них засаду, мы убьем их, мы вооружимся стрелами и щитами. Разве мы не многочисленны? Пусть среди нас не будет ни одного, ни двух, кто остался бы позади! - Так говорили они, когда они устроили совет. И каждое племя без промедления вооружилось. Много было воинов, когда собрались вместе все воины от каждого племени.

А между тем Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были там, они находились на вершине горы Хакавиц, на горе, носившей это имя. Они находились там и поместили в безопасности своих сыновей, которые были на горе.

И они не имели при себе много людей; у них не было тако- го множества, как у племен. Вершина горы, где они помести- лись, была малой, и поэтому, когда племена собрались вмес- те, устроили совет и созвали всех, они решили убить всех находившихся на вершине.

И вот тогда собрались все племена, все вооруженные сво- ими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно бы- ло описать богатство их украшений; поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов; и все они неукоснительно пови- новались приказаниям.

- Нет сомнения, что они будут разгромлены! - гово- рили они друг другу. - Что же касается Тохилия, этого бо- жества, то он будет нашим богом, и мы будем почитать его, если захватим его в плен.

Но Тохиль знал все, и все знали Балам-Кице, Балам- Акаб и Махукутах. Они слышали все, что было решено вра- гами, потому что они не спали и не отдыхали с того времени, как были вооружены все стрелки из лука.

Тогда все воины поднялись и отправились в путь, наме- реваясь проникнуть в горную крепость ночью. Но они не прибыли туда, потому что они провели всю ночь в пути и были одурачены Баламом-Кице, Баламом-Акабом и Ма- хукутах.

Они провели всю ночь в пути, но не заметили сами ничего, и наконец все заснули. Тогда Балам-Кице, Балам-Акаб и Ма- хукутах начали срезать у них брови и бороды; они сняли сереб- ряные украшения с их шей, их диадемы и ожерелья. И они со- драли серебряную обкладку с концов их начальнических жезлов. Они сделали так, чтобы наказать их и унижить их, что- бы дать им пример могущества народа киче.

Когда воины пробудились, они тотчас пожелали взять свои диадемы и свои жезлы, но не было более ни серебра на их шеях, ни их диадем.

- Кто же это ограбил нас? Кто отстриг у нас бороды? Откуда пришли те, кто ограбил нас и унес все серебро? - восклицали все воины. - Может быть, это те чудовища, которые похищают людей? Но им не удастся устроить нас! Мы войдем в их город силой, только таким образом мы смо- жем снова увидеть лик нашего серебра, мы это так и сдела- ем! - говорили все племена, и они воистину собирались вы- полнить свое слово.

Но спокойны были сердца владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, находившихся на верши- не горы, поистине глубоко обдумали и обсудили все Балам- Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И после того как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам по- говорили друг с другом, они построили стену вокруг своего поселения и окружили поселение срубленными деревьями и колючим кустарником. Затем они изготовили фигуры, вы- глядевшие как люди благодаря их искусству, и поместили их рядами по стенам крепости, они вооружили их щитами и стрелами и украсили их, поместив на их головы серебряные диадемы. Они поместили эти венцы на простые деревянные фигуры, они украсили их серебряными украшениями, отня- тыми у племен на дороге; при помощи этих вещей они укра- сили фигуры.

Они вырыли ров вокруг города и затем спросили Тохи- ля, намереваясь получить от него совет:

- Убьют ли они нас? Победят ли они нас? - так спро- сили их сердца пред лицом Тохилия.

- Не печальтесь! Я здесь! И от этого вам будет поль- за. Не будьте испуганы! - сказал Тохиль Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

И им были предоставлены шмели и осы. Вот за чем они отправились и принесли их туда. И когда они пришли, они поместили их в четыре большие тыквы, которые разместили на стенах поселения. Они закрыли шмелей и ос внутри тыкв, чтобы поражать с их помощью людей.

Разведчики племен внимательно осмотрели поселение из- далека, изучили и расследовали его. "Они вовсе не так мно- гочисленны", - сказали они. Но разведчики видели лишь деревянные фигуры, слегка двигавшие своими стрелами и щи- тами. Поистине у них была человеческая внешность, поисти- не у них была внешность воинов, когда племена смотрели на них. И все племена были счастливы, потому что они видели их немногочисленность.

Там сошлось много племен; невозможно было сосчитать людей, воинов и приносящих смерть, приготовившихся убить Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутах. А эти находились на вершине горы Хакавиц - имя той местнос- ти, где они жили. Теперь мы расскажем, как это происходи- ло, об их прибытии туда.

Глава 4

Итак, они были там, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были все вместе на горе, со своими женами и их детьми, когда пришли все воины и приносящие смерть. И чис- ло их не

измерялось ни дважды восемью тысячами, ни трижды восемью тысячами человек, а значительно больше!

Они окружили стены поселения, громко крича, вооруженные стрелами и щитами. И они били в барабаны, издавали боевые кличи, свистели, кричали, их стрелы свистели, и они вопили раскрытыми ртами, побуждая осажденных сражаться, когда они подошли к поселению.

Употребленное в тексте слово "чуй" значит буквально "мешок, в котором хранились бобы какао": обычно он вмещал ровно восемь тысяч бобов; отсюда и употребление этого слова как счетной единицы.

Но владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений не были испуганы; они лишь внимательно смотрели на них с верхнего края стены, где они находились вместе со своими женами и детьми. Их сердца были совершенно спокойны. Они не думали о силе и криках племен, когда те поднимались по склону горы.

И только они намеревались броситься к входу в поселение, как четыре тыквы, помещенные на стенах города, были открыты. Шмели и осы вылетели оттуда; подобно большому облаку дыма было то, что появилось из тыкв. И воины тотчас же погибали, потому что насекомые жалили зрачки их глаз и прилипали к их носам и их ртам, к их ногам и их рукам. "Где они, - восклицали ужаленные, - те, кто взял и собрал вместе всех шмелей и ос, находящихся здесь?"

Они летели и жалили зрачки их глаз, эти взбешенные насекомые, жужжавшие роями над каждым из этих людей; и они были все ошеломлены шмелями и осами и не могли уже больше удерживать свои стрелы и свои щиты. И оружие лежало поломанным на земле.

Когда воины падали, они распростирались по горному склону и уже не чувствовали, что их поражают стрелами, что их убивают топорами. Балам-Кице и Балам-Акаб били их потом просто палками. И жены их также приняли участие в этом избиении. Только часть из побежденных людей возвратилась назад, и все племена начали бегство. Но первых пойманных подвергали смерти; и в действительности умерло немало людей. И те, кто умер, умерли не потому, что сердца предводителей киче жаждали убийства, а потому, что они были ужалены насекомыми. И не было это делом доблести, потому что воины были убиты не стрелами или щитами.

И тогда все племена подчинились. Люди смирились перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом и Махукутахом. "Сжальтесь над нами, не убивайте нас!" - восклицали они.

- Хорошо! Хотя вы и заслуживаете смерти, вы не умрете, вы станете нашими данниками и будете ими, пока движется солнце, пока есть свет! - так было сказано им.

Вот таким способом все племена были побеждены нашими матерями и отцами. И это случилось там, на вершине горы Хакавиц, как она называется еще и теперь. Это было там, где они впервые поселились, где они умножились и возросли в численности, где они породили своих дочерей и дали жизнь своим сыновьям, на горе Хакавиц.

И тогда они были очень счастливы, когда победили все племена, которых они истребили там, на горной вершине. Так они довели до конца подчинение племен, покорение всех племен. И после этого их сердца успокоились. И они сказали своим сыновьям, что, когда племена собирались убить их, час их собственной смерти уже приближался.

А теперь мы расскажем о смерти Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, как они назывались.

Глава 5

И когда у них появилось предчувствие своей смерти, своего ухода, они поучали своих детей. Они вовсе не были больны, они не испытывали ни страдания, ни предсмертных мук, когда давали свои наставления своим детям.

Вот имена их сыновей: Балам-Кице имел двух сыновей, Кокаиб было имя первого и Кокавиб было имя второго сына Балама-Кице, предка и праотца людей Кавека.

А вот имена двух сыновей, которых породил Балам-Акаб, здесь их имена: Коакуль звался первый из его сыновей, и Коакутек было имя второго сына Балама-Акаба, пра-родителя людей Нихаиба.

Махукутах же имел только одного сына, который назывался Коахау.

Эти трое имели сыновей, но Ики-Балам не имел детей. Они в действительности были владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений, и таковы были имена их сыновей.

И вот как они попрощались со своими сыновьями. Эти четверо сошлись вместе и начали петь, чувствуя горечь в своих сердцах. И их сердца плакали, когда они пели "Ка-муку", как называется та песнь, которую они пели, прощаясь со своими сыновьями.

- О наши сыны! Мы уходим отсюда, мы уходим далеко, здоровое поучение и мудрый последний совет оставляем мы вам. И вы, кто пришел с нами из нашей далекой страны, о супруги наши! - говорили они своим женам и прощались с каждой. - Мы отправляемся назад к нашему народу, уже находится на месте Владыка оленей, он виден там, в небе. Мы начинаем наше

возвращение, мы выполнили свою задачу, кон- чаются наши дни. Думайте же о нас, не стирайте нас из своей памяти и не забывайте нас! Вы увидите еще свои дома и свои горы. Поселитесь там. Да будет так! Идите своим путем; вы увидите снова ту страну, откуда мы пришли!

Вот какие слова говорили они, когда прощались. И тогда Балам-Кице оставил символ своего существа: "Вот воспоми- нание обо мне, которое я оставляю здесь для вас. Это будет вашей мощью. Я прощаюсь, исполненный печали", - доба- вил он. И он оставил как символ своего существа "Писом-Какаль", как он был назван¹. Нельзя было различить, что он

¹ Буквально "закутанная сила, закутанное величие". Можно полагать, что эти таинственные символы представляли собой мумифицированные трупы прародителей, завернутые в ткани. Мумии прежних правителей обладали, по индейским представлениям, могучей магической силой. Их выносили, на- пример, перед сражением, чтобы они сокрушили силу врага.

представляет собой, потому что он был полностью закутан и не мог быть раскрыт. У него не было видно швов, потому что никто не видел, как они закутывали этот символ.

Вот так они прощались и немедленно после этого исчез- ли там, на вершине горы Хакавиц.

Они не были похоронены их женами или их детьми, пото- му что не было видно, когда они исчезли. Было ясно видно лишь их прощание, и поэтому "Писом" был очень дорог их сыновьям. Это было напоминание об их отцах, и они тотчас же зажгли курения перед этим напоминанием об их отцах.

И тогда владыки, последовавшие за Баламом-Кице, по- родили новые поколения людей, после того как он положил начало как предок и праотец людей Кавека. И никогда его не забывали его сыновья, те, кто звались Кокаиб и Кокавиб.

Вот как умерли четверо, наши первые предки и праотцы; вот как они исчезли, оставив своих детей на горе Хакавиц, там, на вершине, где они находились.

Племена были уже подчинены, и их величие кончилось. Никто из них не имел уже более могущества, и все они уже привыкли служить каждый день.

Те же, владыки киче, помнили почитательно своих отцов, и велика для них была слава "Писома". Никогда они не мог- ли раскутать его, он всегда был плотно закутан и всегда оста- вался с ними. "Узел величия" - называли они его, когда они восхваляли и именовали то, что их отцы оставили для их бла- годенствия как действительный символ своего существа.

Таковы были исчезновение и конец Балама-Кице, Бала- ма-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама. Они были первыми людьми, пришедшими туда с другой стороны моря, где под- нимается солнце. Они пробыли здесь долгое время; когда они умерли, они были уже очень старыми, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, как они на- зывались.

Глава 6

Тогда преемники Балама-Кице, Балама-Акаба и Махуку- таха решили идти на восток, думая таким образом исполнить приказание своих отцов, они не забыли его. Прошло уже мно- го времени с тех пор, как отцы их умерли, и племена дали им жен, а потому они приобрели вторых отцов и братьев - от- цов и братьев их жен, - когда они все трое взяли себе жен.

И, отправляясь в это странствование, они говорили: "Мы идем на восток, туда, откуда пришли наши отцы". Так ска- зали трое, рожденные как сыновья, когда они отправились в путешествие. Один носил имя Кокаиб, и он был сыном Балама-Кице, прародителя людей Кавека. Другой, имено- вавшийся Коакутек, был сыном Балама-Акаба, прародите- ля людей Нихаиб. И Коахау было именем третьего, единст- венного сына Махукутаха, прародителя людей Ахау-Киче.

Итак, вот имена тех, кто ушли туда, на ту сторону моря; трое их отправилось в путь, и они были наделены разумом и опытностью, но их сущность не была сущностью обычных людей. Они простились со всеми своими братьями и родст- венниками и, исполненные радости, отправились. "Мы не ум- рем, мы возвратимся", - сказали трое, отправляясь в путь.

И вот действительно пересекли они море и пришли туда, на восток, куда они отправились, чтобы получить знаки прав- ления. И вот каково было название у владыки, к которому они пришли: "Повелитель мужей Востока". И когда они появи- лись перед лицом владыки Накшита¹ - такое имя было у ве-

¹ Накшит - сокращенное имя, которым у киче и. какчикелей обозначался легендарный тольтекский предводитель Топильцин Акшитль Кецалькоатль, возглавивший в конце X в. тольтекское вторжение в прибрежные области со- временных мексиканских штатов Табаско, Кампече и Юкатан. В древних ин- дейских книгах "Чилам-Балам" этот полумифический персонаж фигурирует под именем Накшит-Шучит. В этом месте "Пополь-Вух" сохранились отголоски

ликого владыки, единственного высшего судьи среди всех пра- вителей, - он дал им знаки правления и все отличительные символы. Тогда появились знаки достоинства ах-попа и ах-по- па-камха, и тогда пришли знаки величия и власти ах-попа и ах- попа-камха. Полностью Накшит дал им знаки отличия вла- дык, и вот все они, перечисленные по их названиям: балдахин, трон, флейты, сделанные из костей, барабаны, желтые бусы, когти ягуара, когти пумы, голова ягуара, ноги оленей, помост, ожерелья

из раковин, табак, маленькие тыквы, перья попугая, перья белой цапли для головных уборов, браслеты из раковин и браслеты с камнями. Все перечисленное они принесли в свой город, - те, кто после пребывания на той стороне моря полу- чил знание картин Тулана, картин - так они назывались, - которыми они писали все то, что содержалось в их истории¹.

Тогда, после того как они прибыли в свой город, называв- шийся Хакавиц, все люди там и илока собрались там; все племена собрались сюда и были преисполнены радости, ког- да Кокаиб, Коакутек и Коахау прибыли и снова взяли на се- бя управление племенами.

Родовались люди Рабиналя, какчикели и люди из Цикина- ха. Перед их взорами возвратившиеся показали знаки отли- чия владык. Великими были эти племена, хотя и не проявили они тогда еще полностью своей мощи. И они находились в Хакавице; они были все с теми, кто пришел с востока. Здесь они провели много времени, очень много было их на вершине горы.

Здесь также умерли жены Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха.

воспоминании о действительном историческом факте, что в период расцвета тольтекской державы в областях, занимаемых майя, киче были подчинены ей.

¹ Испанский хронист де СааиуН сообщает, что тольтекские жрецы, от- правляясь на восток, взяли с собой "все свои картины (т.е. рукописи), в кото- рых они имели все вещи древних времен, искусств и ремесла".

Позже они покинули, оставили навсегда эту местность и искали других мест для поселения, чтобы поселиться там. Неисчислимыми были те местности, в которых они сели- лись, где они пребывали и которым они давали наименова- ния. Там соединялись и возрастали первые матери наши и первые отцы наши. Так говорили древние люди, когда они рассказывали, как они оставили навсегда свое первое посе- ление Хакавиц и отправились основывать новое поселение, названное Чи-Киш.

Они пробыли долгое время в этом другом городе, где они породили дочерей и породили сыновей. Много их было там; имелось четыре горы, и все они были заняты одним и тем же городом. Их дочери и сыновья вступали в брак; они просто отдавали их на сторону замуж, а подарки и приношения, ко- торые получали за них, они считали ценой своих дочерей. Таким образом, они жили счастливо.

Впоследствии они прошли каждую из четырех частей го- рода; вот различные имена этих частей: Чи-Киш, Чи-Чак, Хуметаха, Кульба и Кавиналь. И они осматривали холмы и свои поселения и искали необитаемых мест, потому что все вместе они были теперь очень многочисленны.

Те, кто отправлялся на восток, чтобы получить знаки владык, были теперь мертвы. Они были уже старыми, когда прибыли в каждый из этих городов. Киче не при- выкли к различным местам, через которые они проходи- ли; они терпели много трудностей и печалей, и только после долгого времени предки и праотцы прибыли в свой город.

Вот имя поселения, в которое они пришли.

Глава 7

Чи-Исмачи - имя места их города, где они впоследст- вии поселились и где они обосновались. Там при четвертом поколении правителей они увеличили свою мощь и мололи свою известь и белую землю¹.

Правили Коначе, Белехеб-Кех и Калель-ахау. Затем влады- чествовали повелитель Котуха и Истайуль, так звались они; это они были ах-попом и ах-попом-камха, правившими там, в Ис- мачи. Это был прекрасный город, который они там построили.

В Исмачи имелось только три великих дома. Тогда еще не было двадцати четырех великих домов; только три великих дома имелось у них: только великий дом Кавека, только ве- ликий дом во главе Нихаиба и, наконец, лишь великий дом Ахау-Киче. Только лишь двое из этих родов имели великие дома, украшенные изображениями змей; две ветви родов.

И жили они там, в Исмачи, с одной только мыслью², без раздоров или недоверия; мирным было правление, они не имели ни ссор, ни раздоров, в сердцах их были только мир и счастье. Они не были ни завистливы, ни подозрительны в своих поступках. Могущество их было еще ограниченным; они не думали ни о своем возвеличении, ни о расширении сво- их владений. Когда они попытались сделать это, то они при- крепили в Исмачи щит, но только чтобы дать малый знак сво- его владычества, как малый символ своего могущества и символ своего величия. Видя это, люди илока начали войну; они хотели прийти и убить правителя Котуха, желая иметь вождя только из своего собственного племени. А относитель- но владыки Истайуля - они хотели наказать его, чтобы он был наказан и убит людьми илока. Но их злые намерения про-

¹ То есть строили каменные здания при помощи извести.

² То есть жили без разногласий, имели единое общее мнение.

тив правителя Котуха не имели успеха, потому что он напал на них прежде, чем люди илока были в состоянии убить его.

Таково тогда было начало восстания и разногласий вой- ны. Сначала они атаковали город и пришли убивать. Они хотели уничтожить народ киче, они хотели править одни, в этом было их

намерение. Но они пришли только для того, чтобы умереть, они были схвачены и попали в плен, и было мало среди них, кто спасся бегством.

Немедленно после этого начались жертвоприношения; люди илока были принесены в жертву перед богом. Таково было наказание за их грехи по приказанию правителя Котуха. Многие из них попали также в рабство и зависимость, были сделаны рабами. Они пришли только для того, чтобы отдаться побежденными, потому что они подняли предательскую войну против владык и против города ущелей. Разрушить город и уничтожить народ киче и их повелителя - вот чего они желали в своих сердцах, - но не удалось им осуществить этот замысел.

Таким образом начались человеческие жертвоприношения перед богами, когда разразилась война щитов. Эта война была причиной того, что они начали строить укрепления вокруг города Исмачи.

С этой поры началось и зародилось их могущество, потому что владения повелителя киче были действительно большими. Правители были во всех отношениях изумительными повелителями; не было никого, кто мог бы властвовать над ними; не было никого, кто смог бы унижить их. И в то же самое время они были строителями величия царства, которое они основали там, в Исмачи.

Там увеличился почтительный страх перед богом, они были воодушевлены благоговением, а все племена, большие племена и племена малые, были исполнены страха, потому что они видели прибытие пленных, которых приносили

в жертву и убивали из-за мощи и величия повелителя Котуха, повелителя Истайуля и людей Нихаиба и Ахау-Киче.

Имелось только три ветви родов киче там, в Исмачи, как назывался этот город. Там же они начали устраивать пиры и неистовства из-за своих дочерей, когда женихи приходили просить их в брак. Там собирались эти три великих дома, как они себя называли, там они пили свои напитки, и там они пожирали свои кукурузные лепешки, которые были ценой их сестер, ценой их дочерей, и сердца их были исполнены радости, когда они делали это. И они ели и пили из разрисованных тыквенных сосудов в своих больших домах.

- Таким образом мы показываем нашу благодарность, и этим мы открываем дорогу нашему потомству и нашим преемникам, это знак нашего согласия на то, чтобы они стали мужьями и женами, - говорили они.

Там же они уговаривались, и там они получили свои имена; там они разделились на роды, на семь главных родов, и на части города.

- Давайте объединимся - мы, люди Кавека, мы, люди Нихаиба, и мы, люди Ахау-Киче, - сказали три рода и три великих дома.

И долгое время находились они там, в Исмачи, пока не нашли и не увидели другой город и не оставили тогда город Исмачи.

Глава 8

После того как они поднялись и оставили ту местность, они пришли сюда, в город по имени Кумаркаах¹, как киче называли его, когда пришли повелители Котуха и Кукумац

¹ Этот город киче более широко известен под своим ацтекским названием Утатлан - "Место тростниковых полей". К моменту испанского завоевания Кумаркаах¹ Утатлан был столицей государства киче и наиболее важным городом, ским центром на территории Гватемалы.

и все владыки. Тогда началось пятое поколение людей с начала света, с начала существования народа, с начала жизни и человечества. Они построили там много домов, и там же выстроили они храм бога; они поместили его в середине самой возвышенной части города, когда прибыли и поселились там.

Тогда вновь разрослось их царство. Они были очень многочисленны, их было очень много. И тогда великие роды снова сошлись на совет, они снова сошлись вместе и предприняли новое разделение, потому что среди них уже возникла зависть и поднялись разногласия из-за цены их сестер и ценой их дочерей. Поэтому они больше никогда не пили вместе.

Вот это и было основной причиной, почему они разделились, почему они полностью обратились друг на друга, и бросали черепа и кости мертвых, и швыряли их вокруг и один в другого¹. Вот в какой ярости они находились.

Тогда они разделились на девять родовых групп. Кончив раздор из-за сестер и дочерей, они выполнили то, что решили, и разделили царство на двадцать четыре великих дома². Так это и произошло. Прошло уже много времени с тех пор, как они все пришли сюда, в свой расположенный в горах город, и закончили создание двадцати четырех великих домов там, в городе Кумаркаах, который был потом благословлен епископом³. Позже город был навсегда оставлен.

Там же они достигли величия, там поместили они свои блестящие троны и царские сидения, и там они распределили полагающиеся почести среди всех владык. Девять владык Кавека образовали девять родов, владыки Нихаиба образо-

1 В драме киче "Рабиналь-ачи" говорится, что черепа умерших использо- вались в качестве кубков, а кости рук и ног, оправленные в металл, служили жезлами и колотушками для ритуальных барабанов.

2 "Великий Дом"; первоначально обозначало общий дом для собраний то- го или иного рода, впоследствии стало термином для знатного рода.

3 Речь идет о переименовании этого города первым епископом Гватемалы Маррокином в 1539 г. Кумаркаах был назван Санта-Круодель-Киче.

вали девять других, владыки Ахау-Киче образовали четыре других рода, и владыки Сакик образовали два других рода.

Они стали очень многочисленны, и много людей следова- ло за каждым из владык; эти были первыми среди их под- данных; каждый из владык имел в своем подчинении мно- гих, много родов.

Мы назовем теперь звания владык каждого из великих домов.

Вот звания владык, которые правили у людей Кавека. Пер- вый из владык был ах-поп¹, затем ах-поп-камха², затем ах-то- хиль³, ах-кукумац⁴, ним-чокох-кавек, пополь-винак-читуй, лольмет-кехнай, пополь-винак-па-хом-цалац и учуч-камха.

Таковы были правящие владыки Кавека, девять владык, каждый из которых имел свой собственный великий дом; впоследствии они будут приведены снова.

А вот звания владык, которые правили у людей Нихаиба. Первым владыкой был ахау-калель, затем ахау-ах-цик-ви- нак, кале-камха, нима-камха, учуч-камха, ним-чокох-ниха- иб, авилиш, йаколатам-уцам-поп-саклатоль и нима-лоль- мет-йеолтуш, вот девять владык Нихаиба.

А для таковых у Ахау-Киче - вот звание их владык: ах- цик-винак, ахау-лольмет, ахау-ним-чокох-ахау-киче и ахау- хакавиц, четыре владыки имелись во главе Ахау-Киче, по порядку их великих домов.

А дом Сакик имел две группы родов: звания их владык были цутуха и калель-сакик. с[^]ги два владыки имели только один великий дом.

1 Правитель, царь; буквально "владеющий циновкой", т. с. имеющий пра- во сидеть на совете старейшин.

1 Второе по значимости лицо в государстве, предназначенное наследовать

3 Жрец Тохнля. 1 Жрец Кукумаца.

Глава 9

Вот таким образом образовалось число двадцати четырех владык, и соответственным образом появилось двадцать че- тыре великих дома. Тогда росло величие и могущество сы- нов киче, возрастало и крепло величие и значение державы киче. И они построили из камня и извести города, окружен- ные ущельями.

Тогда малые племена и великие племена сходились туда, привлекаемые именем повелителя. Киче возрастали, тогда увеличивалась их слава и величие, тогда они воздвигли жили- ща для своего божества и дома для своих владык. Но они са- ми, впрочем, не утруждали себя никакой работой, не они это делали, не они сооружали свои дома или работали над воз- движением дома для божества; все это было сооружено их сыновьями и подданными, которые постоянно росли в числе.

И они вовсе не обманывали их, не грабили их, не схваты- вали их силой, потому что каждый из них принадлежал вла- дыке по праву, и много было их старших и младших братьев. Они жили вместе, и они собирались вместе, чтобы слушать приказания каждого из владык.

Владыки были поистине почитаемы, и поистине велико было их могущество. И сыновья и подданные соблюдали дни рождения владык с большим почтением, а жители уще- лий¹ и города увеличивались в числе.

Но это случилось не потому, что все племена подчини- лись, и не потому, что жители ущелий и поселений пали в битве, нет, наоборот, они возрастали из-за чудесной силы владык, повелителя Кукумаца и повелителя Котуха. Куку- мац был поистине чудодейственным повелителем. За семь дней он поднимался на небеса, и за семь дней он спускался

1 То есть местностей, окружающих город.

вниз, в Шибальбу. Семь дней он пребывал в личине змеи, в действительности становился пресмыкающимся; на семь других дней он превращался в орла, на семь других дней он становился ягуаром; и его вид был действительно видом ор- ла и ягуара. В другие семь дней он превращался в свернув- шуюся кровь и был лишь застывшей кровью.

Природа и дела этого повелителя были поистине чудес- ны, и все владыки других племен были исполнены перед ним страха. Слухи о чудесной природе повелителя распростра- нились всюду, и все владыки поселений слышали их. И это было началом величия киче, когда повелитель Кукумац про- явил эти знаки своей мощи. Его сыновья и его внуки никог- да не забывали о нем в своем сердце. А он совершал это не для того, чтобы проявить себя необычайным повелителем, он сделал это, чтобы

господствовать над всеми поселениями, чтобы показать, что только он единственный призван быть вождем народа.

Поколение чудодейственного правителя по имени Кукумац было четвертым поколением правителей, а Кукумац был неоспоримым ах-попом и ах-попом-камха.

Они оставили преемников и потомков, которые управляли и возвеличивались и тоже порождали детей; и эти их сыновья свершили многие дела. Были порождены Тёпепуль и Истайуль, правление которых было пятым поколением повелителей. Таким образом, каждое из поколений этих владык имело свое продолжение в сыновьях.

Глава 10

Здесь следуют имена шестого поколения повелителей. Было два великих повелителя, первый звался Как-Кикаб, а другой - Кависимах. Кикаб и Кависимах совершили великие дела и возвеличили имя киче, потому что они были воистину чудодейственной природы.

И вот они опустошали равнины и города малых племен и больших племен; они рассеивали повсюду жителей поблизости и вдали от городов, которые некогда стояли здесь. Это была страна какчикелей, теперешняя Чувила, и страна людей Рабиналя, Памака, страна людей каоке, Сакабаха, и город людей Сакулеу, города Чуви-Микина, затем Шелахух, Чува-Цак и, наконец, Цолохче¹.

Эти народы ненавидели Кикаба. Он начал против них войну и действительно завоевал и разрушил поля и поселения людей Рабиналя, какчикелей и людей Сакулеу. Он пришел и завоевал все эти племена, и воины Кикаба пронесли свое оружие в различные части страны. Если то или другое племя не приносило дани, то воины киче нападали на их поселения и они были принуждаемы приносить свою дань Кикабу и Кависимаху.

Они, эти народы, стали рабами, они были ранены копьями, и они были убиты стрелами, привязанные к деревьям², не было для них уже более славы; они не имели более мощи.

¹ Чувила ("Среди зарослей крапивы") - современный город Чичикастенанго. Памака - современная Сакуальпа, около горной цепи Хойабах. Племя каоке, очевидно, находилось где-то неподалеку от современных поселений Санта-Мария-Каоке и Сант-Яго-Каоке. Сакулеу ("Белая земля") - крепость индейцев племени мам, расположенная около древнего города Чинабухуль, современного Уэуэтенанго. Чуви-Микина ("Над горячей водой") - город племени мам на горе южнее современного Тотоникапана; у подножия этой горы действительно бьют горячие источники. Шелахух-Киех ("Под копытами десяти оленей") - большой город племени мам; завоеванный киче, он получил название Шелахух-Киех, а позже, при испанском завоевании - ацтекское имя Кесальтенанго, которое носит и теперь. Чува-Цак ("Перед крепостью") - современный город Момостенанго. Цолохче ("Ива") - поселение около современной Чикимулы, неподалеку от Сайта-Крус-дель-Киче.

² Человеческое жертвоприношение, при котором пленного привязывали к дереву, а затем убивали выстрелами из лука, было широко распространено у древних народов Мексики и Гватемалы. На стенах одного из храмов Тикаля (древний период майя) имеется рисунок, изображающий подобную казнь.

Рассказывают, что разрушение этих поселений произошло так внезапно, как будто бы раскрылись уста земли. Подобно вспышке молнии, которая ударяет и разбивает вдребезги скалу, так мгновенно завоеванные народы исполнились ужаса перед народом киче и принесли свою покорность.

Перед Колче, как свидетельство о городе, разрушенном Кикабом, находится теперь каменная скала, которая выглядит почти как вырубленная острием топора; она вся вдоль и поперек изрублена. Она находится там, на побережье, называемом Петатайуб, и теперь люди, проходящие мимо, могут ясно ее видеть - доказательство могучей силы Кикаба.

Они не могли ни убить его, ни победить его, потому что он поистине был мужественным человеком, и каждый народ приносил ему полагающуюся дань.

И все владыки собрались на совет и затем отправились укреплять ущелья и стены поселений, после того как были завоеваны поселения всех племен. Тогда дозорные отправились наблюдать за врагом, и они оставили памятные знаки в завоеванных местностях. "Только на случай, если вдруг племена вернутся, чтобы занять поселение", - говорили владыки, когда собрались снова на совет.

Затем они вышли, чтобы занять предназначенные им места. "Это будет как наши укрепления и наши поселения, как наши стены и защитные сооружения, здесь будет доказана наша боевая сила и наше мужество", - говорили все владыки, когда они отправились занять места, предназначенные каждому роду, чтобы бороться с противником.

И, получив свои приказания, они отправились к поселениям, которые были основаны в стране племен. Они должны были отправиться в эти местности.

- Не страшитесь, если там еще имеются враги и они снова придут, чтобы убить вас. Быстро возвращайтесь и дайте мне знать, а я пойду и сам убью их! - говорил

Кикаб, когда он прощался со всеми ними в присутствии каляля и ах-цик-винака.

Тогда отправились стрелки из лука и пращники, как их следует называть. Тогда распространились деда и отцы все- го народа киче. Они находились на каждой из горных вер- шин, и они были как стражи гор, они сторожили со своими луками и пращами, они были тогда стражами войны. Они не имели никаких увеселений и не имели ни одной статуи боже- ства, когда они отправились. Они отправились только, что- бы укрепить стены своих поселений.

Тогда вышли все: владыки из Увилы, владыки из Чулима- ля, Сакийя, Шахбакиех, Чи-Темах, Вахшалахуха, а также и владыки из Кабракана, Кабикак-Чи-Хун-Ахпу и еще вла- дыки из Мака, владыки из Шайабаха, владыки из Саккабаха, владыки из Сийаха, владыки из Микина, владыки из Шела- хуха, а также владыки с побережья. Они отправились как во- енная стража, как защитники земли; они отправились по при- казанию Кикаба и Кависимаха - ах-попа и ах-попа-камха, а также по приказанию калеля и ах-цик-винака, - тех, кто был четырьмя повелителями.

Они были посланы, чтобы сторожить врагов Кикаба и Ка- висимаха - имена правителей, оба из дома Кавека, чтобы сторожить врагов Кеема - имя владыки людей Нихаиба, и Ачак-Ибой'а - имя владыки людей Ахау-Киче. Вот тако- вы были имена владык, пославших их и назначивших их раз- ведчиками. И они, как их сыновья и данники, отправились к горам, к каждой из гор. Они отправились сразу же первы- ми, и они захватили пленных, они доставили своих пленников пред лицо Кикаба и Кависимаха, калеля и ах-цик-винака. Лучники и пращники воевали и брали все больше пленников и заложников. Некоторые из защищавших укрепления были храбреца- ми. И в их словах и требованиях росла их самостоятельность от повелителей, когда они приходили отдавать всех своих пленных и заложников.

После этого властители собрались на совет - ах-поп, ах-поп-камха, калель и ах-цик-винак, - и вот что они ре- шили:

- Давайте предоставим почетные звания первым из тех, кто находится там и несет знаки родов; пусть они будут допущены к этому! Я все же остаюсь ах-попом! А я - ах- попом-камха! Достоинство ах- попа, которое я имею сам, должны иметь и они. И твои, о ахау-калель: достоинство ка- леля должно быть и для них! - так говорили все правите- ли, когда они совещались на совете.

Люди тама и илока поступили точно таким же образом; равными по положению были три ветви киче, когда они впервые назвали своих сыновей и данников предводителями и сделали их знатными. Вот что было исходом этого совета. Но они не были сделаны предводителями здесь, среди киче. Гора, где Сыновья и данники были сделаны впервые предво- дителями, имела свое имя; после того как они были все по- сланы каждый к своей местности, они все затем сошлись в одном и том же месте. Шебалаш и Шекамаш - вот на- звания гор, где они были сделаны предводителями и где они получили свои почетные звания. Это случилось в Чулимале.

Вот таким-то образом произошло наименование, возвы- шение и отличие двенадцати калелей, двенадцати ах-попов, какие получили эти почетные звания, благодаря пожеланию прежних ах-попа и ах- попа-камха, калеля и ах-цик-винака. Все новые капели и ах-попы получили знаки своего досто- инства, а также и одиннадцать ним-чокохов, калель-ахау, калель-сакик, калель-ачих, ах-поп-ачих, ахцалам-ачих¹,

¹ Ахцалам, "Мастер доски, постройки" - почетное звание у киче; воз- можно, лицо, наблюдавшее за постройкой храмов и общественных зданий.

цам-ачих, - вот почетные звания, которые получили вои- ны, когда достоинства и отличия были распределены среди них, когда они находились на своих тронах и на своих сиде- ньях, будучи первыми сынами и данниками народа киче, их лазутчиками, их разведчиками, лучниками, пращниками, стенами, дверями, укреплениями и крепостями киче.

Совершенно таким же образом поступили и люди тама и илока; они наименовали и сделали знатными первых сыно- вей и данников, которые находились в различных местностях.

Вот таковым было происхождение калелей и ах-попов, тех званий, которые сохраняются и теперь в каждой из этих местностей. Вот каким образом были созданы их звания; ах- попом и ах-попом-камха, калелем и ах-цик-винаком были они созданы, наподобие их званий.

Глава

11Теперь мы расскажем о жилище бога. Этому жилищу было дано то же самое имя, что и богу. "Великое здание Тохилия" было именем храма ТЪхилия, принадлежавшего людям Кавека, в котором жилТохиль. "Авилиш" было имя храма Авилиша, принадлежавшего людям Нихаиба, в котором жил Авилиш, и "Хакавиц" было имя храма бога людей Ахау-Киче.

"Цутуха", здание, которое можно было увидеть в Кахба- ха¹, было именем другого большого здания, в котором нахо- дился камень, почитавшийся всеми владыками киче; он по- читался также и всеми завоеванными племенами.

Люди приносили сперва свои жертвоприношения Тохи- лю, а затем шли отдать почести ах-попу и ах-попу-камха.

¹ Кахбаха - поселение около реки Лакандон, современный поселок Сак- кабаха-Сан-Андрес.

Тогда они отправлялись принести свои драгоценные перья и свою дань перед повелителем. А повелителями, о которых они заботились и за которыми они ухаживали, были ах-поп и ах-поп'Камха, основавшие их поселения.

Великими владыками и чудодейственными людьми были изумительные повелители Кукумац и Котуха, а также изумительные повелители Кикаб и Кависимах. Они знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры. Они поистине хорошо знали, где можно все это увидеть, где была книга, которую они называли "Пополь-Вух".

Но не этим только, не таким только образом было велико положение владык; великое значение имели также и их посты. И это совершалось в признание того, что они были созданы, в признание того, что им были даны их дворцы и царствование. Они постились долгое время и совершали жертвоприношения пред лицом своего божества.

Вот как они постились: постилось девять человек, а девять других совершали жертвоприношения и сожигали благовония. Тринадцать человек еще постились, а еще другие тринадцать совершали приношения и сожигали благовония перед лицом Тохилия, И пока они находились пред своим богом, они питались только фруктами, только плодами тулуль, ахаче и кином. И они не могли съесть ни одной кукурузной лепешки. Поистине, будь то семнадцать человек, совершавших жертвоприношения, или десять, которые постились, они не ели. Они выполняли свои великие предписания и этим показывали свое положение как владык.

И не имели они женщин, с которыми могли бы спать, нет, они оставались одни и были воздержанными: они постились. Они находились в доме бога, где они день за днем молились, возжигали благовония и совершали жертвоприношения. Так они оставались с сумерек до зари, печалась в своем сердце

и в своей груди, прося счастья и жизни для их сыновей и данников, для их царства и поднимая свои лица к небу.

Вот их моления к их богу, когда они молились, вот что было мольбою их сердец:

- О ты, красота дня! Ты, Хуракан, ты, Сердце неба и земли! Ты, податель изобилия и богатств, податель дочерей и сынов! Обрати к нам свое могущество, излей на нас свое изобилие и свои богатства. Дай жизнь и рост моим сыновьям и данникам, да умножатся и возрастут в численности те, кто должен поддерживать и кормить тебя, те, кто призывает тебя на дорогах, в полях, на берегах рек, в ущельях, под деревьями, под лианами!

- Дай им дочерей и сынов! Да не встретятся они ни с бесчестьем, ни с несчастьем, ни с глупостью, ни с обманом. Да не появится чудовище ни впереди, ни позади их. Да не будут они грешить, да не будут они ранены, да не будут они ни прелюбодеями, ни осужденными правосудием! Да не падают они ни на поднимающейся, ни на спускающейся вниз дороге! Да не будет кровавых ударов ни позади их, ни впереди их, ничего, что может повредить им! Дай им хорошие дороги, прекрасные, ровные дороги! Да не будет у них ни несчастья, ни позора по причине твоей слюны, по причине твоего волшебства!

- Дай хорошую жизнь и деяния тем, кто должен давать тебе пропитание и помещать пищу в твой рот, перед твоим лицом, тебе, Сердце небес, Сердце земли, тебе, "Писом-Какаль"! И ты, Тохиль, ты, Авилиш, ты, Хакавиц, свод небес, поверхность земли, четыре угла, четыре основные точки. Да будет только мир и спокойствие в твоём жилище, в твоём присутствии, о ты, бог!

Так молились владыки, в то время как внутри постились девять человек, тринадцать человек и семнадцать человек. Они постились в продолжении дней, и их сердца печалились

о их сыновьях и данниках, о всех их женах и их детях, когда каждый из владык совершал свое жертвоприношение.

Это было ценой за счастливую жизнь, ценой за могущество, ценой за власть ах-попа, ах-попакамха, калеля и ах-циквинака. Пара за парой они правили, каждые двое следуя за другими, чтобы нести бремя управления покоренными племенами, а также всем народом киче.

Одно лишь было начало преданий их, одно лишь начало обычая поддерживать и питать богов и одно лишь также начало преданий и обычаев людей тама и илока, людей Рабиная, какчикелей, людей из Цикинаха, людей тухалаха и людей из Учабаха. Имелось всего лишь одно-единственное, что их уши должны были слушать там, в Киче, что все они должны были делать.

Но не только в одном этом было их правление. Не с неохотой доставляли им безвозмездно свои дары те, что поддерживали их и питали; те, кто приготавливал для них их кушанья и напитки. С полным правом получали они все это; с полным правом получили и схватили они свои владения, свое могущество и свою власть.

И не малой ценой достигали они этого: они завоевали поля и поселения; малые племена и большие племена платили большие подати, они приносили драгоценные камни и серебро, они приносили муку и пчелиный мед, браслеты из раковин, браслеты из изумрудов и других камней; они

приносили головные уборы, сделанные из голубых перьев, дань всех поселений. Они появлялись перед чудодейственными повелителями Ку- кумацем и Котуха и перед Кикабом и Кависимахом, ах-по- пом, ах-попом-камха, перед калелем и ах-цикы-винаком.

Немалое совершили они, и не малочисленны были племена, которые они покорили. Многие ветви племен приходили платить дань киче; полные печали, приходили они, чтобы от- дать ее. Но могущество киче росло не быстро. Кукумац был

тем, кто начал расширение владычества. Вот что было началом могущества и расширения владычества народа киче.

А теперь мы поименуем поколения владык и дадим их звания; мы снова поименуем всех владык.

Глава 12

Вот поколения и порядок последования всех правителей, которые начались с наших первых праотцев и наших первых отцов, Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, когда появилось солнце и стали видны луна и звезды.

И вот теперь мы дадим начало поколений, порядок царствований, с начала их родословной, как владыки приобрели мощь, с их вступлений до их смертей, мы дадим каждое поколение владык и предков, а также и владык поселений, всех и каждого из владык. Здесь будет показано лицо каждого из владык киче.

Балам-Кице - корень людей Кавека.

Кокавиб - второе поколение рода Балама-Кице.

Балам-Коначе, с которым началось звание ах-попа, - он был третьим поколением.

Котуха I и Стайуб - четвертое поколение.

Кукумац и Котуха II, первые из чудодейственных правителей, они были пятым поколением.

Тепепуль и Стайуль - шестые по порядку.

Кикаб и Кависимах - седьмые по порядку в наследовании царством; они тоже были чудодейственными.

Тепепуль и Штайуб - восьмое поколение.

Текум и Тепепуль - девятое поколение.

Вахшаки-Каам и Кикаб - десятое поколение повелителей.

Вукуб-Нох и Кууатепеч - одиннадцатые по порядку повелители.

Ошиб-Кех и Белехеб-Ци - двенадцатое поколение повелителей. Они были те, кто правил, когда пришел Дона-диу¹, и кто был замучен испанцами.

Текум и Тепепуль, которые платили дань испанцам; они оставили сыновей, а прежде они были тринадцатым поколением повелителей.

Дон Хулио де Рохас и дон Хулио Кортес, четырнадцатое поколение повелителей, они были сыновьями Текума и Тепепуля.

Вот таковы поколения и последовательность царствования владык ах-попов и ах-попов-камха у киче Кавека.

А теперь мы снова назовем роды. Вот великие дома каждого из владык, следовавших за ах-попом и ах-попом-камха. Здесь перечисляются названные раньше девять родов людей Кавека и их девять великих домов, а вот звания владык каждого из великих домов:

повелитель ах-поп, один великий дом; Куха было именем этого великого дома;

повелитель ах-поп-камха, великий дом которого назывался Цикинаха;

ним-чокох-кавек, один великий дом;

повелитель ах-тохиль, один великий дом;

повелитель ах-кукумац, один великий дом;

пополь-винак-читуй, один великий дом;

лольмет-кехнай, один великий дом;

пополь-винак-па-хом-цалац шкушеба, один великий дом;

тепеу-йаки, один великий дом.

Вот таковы девять родов Кавека. Очень многочисленными были сыновья и данники, следовавшие за этими девятью великими домами.

¹ Донадиу - "Солнце", имя, данное ацтеками испанскому конкистадору Педро де Альварадо.

А здесь вот девять великих домов людей Нихаиба. Но сперва мы дадим родословную правителей царства. Все они происходили только из одного корня, когда начало сиять солнце, когда начался для людей свет.

Балам-Акаб - первый предок и праотец.

Коакуль и Коакутек - второе поколение.

Кочахух и Коцибаха - третье поколение.

Белехеб-Кех I - четвертое поколение.

Котуха I - пятое поколение правителей.

Затем дальше Баца - шестое поколение.

Стайуль - седьмое поколение повелителей.

Котуха II, восьмой по порядку царствования.

Белехеб-Кех II, девятый по порядку.

Кема - так назывался - десятое поколение.

Повелитель Котуха - одиннадцатое поколение.

Дон Кривоваль - так он назывался, - который правил во времена прихода испанцев.

Дон Педро де Роблес, тот, кто повелитель калель в настоящее время.

Вот таковы все повелители, которые происходят от повелителя калель. Теперь мы назовем звания владык каждого из великих домов:

повелитель калель, первый владыка Нихаиба, глава одного великого дома;

повелитель ах-цик-винак, один великий дом;

повелитель калель-камха, один великий дом;

нима-камха, один великий дом;

учуч-камха, один великий дом;

нима-камха, один великий дом;

ним-чокох-нихаиб, один великий дом;

повелитель авилищ, один великий дом; йаколатам, один великий дом; нима-лольмет-йеолтуш, один великий дом.

Вот таковы великие дома Нихаиба, таковы были названные раньше имена девяти родов людей Нихаиба, как они назывались. Многочисленными были роды каждого из владык, имена которых мы дали сперва.

Здесь вот родословная людей Ахау-Киче, кто был их праотец и отец.

Махукутах, первый человек.

Коахау - имя повелителя второго поколения.

Каклакан.

Кокосом.

Комахкун.

Вукуб-Ах.

Кокамель.

Койабакох.

Винак-Бам.

Вот таковы имена повелителей людей Ахау-Киче; такова последовательность и порядок их поколений.

А здесь вот звания владык, которые составляли великие дома; всего было только четыре великих дома:

ах-цик-винак-ахау - звание первого владыки, один великий дом;

лольмет-ахау, второй владыка, один великий дом;

ним-чокох-ахау, третий владыка, один великий дом;

хакавиц, четвертый владыка, один великий дом.

Итак, было четыре великих дома у Ахау-Киче.

Имелись, итак, три ним-чокоха¹, которые были подобны почетным отцам для всех владык киче. Единодушно советовать имели обычай три чокоха. Велико было их положение: они были матерями слова, отцами слова; они действовали в великих и малых событиях, три чокоха.

Буквально - "великий избранник" или "великий советник" - лицо, на обязанности которого было объявлять решение правителей и наблюдать за его исполнением.

Имелись тогда ним-чокох людей Кавека, ним-чокох людей Нихаиба - он был вторым, и ним-чокох-ахау людей Ахау-Киче, он был третьим. Каждый из трех чокохов представлял свой род¹.

¹ В неизданной рукописи XVI в. "Описание областей Сапотитлана и Сучитепека, сделанное Хуаном де Эстрада в 1572 году", хранящейся в настоящее время в Латино-американской библиотеке Техасского университета, находится несколько иная генеалогия правителей киче:

"Первый король, который был у этих людей Утатлана, назывался Балам-Кисе. Этот король пришел с восточной стороны, с ним пришли и два других брата, один по имени Балам-Акап, другой - по имени Маху-Кутах. Эти трое были равными по значению, и они были первыми, заселившими страну Рабинанья. Балам-Кисе, старший брат, имел двух сыновей, один из них именовался Кокоха, а другой - Корохон-Амак. Эти два сына Балама-Кисе были первыми, кто открыл провинцию Утаталан, исследовал, населил и подчинил ее. Кокоха породил Э. Этот царствовал вместо своего отца, который назывался Кокоха, и он был тот, кто завоевал страну Рабинанья и окружающие области. Корохон-Амак, второй сын

Балама-Кисе, брат Кокоха, породил Цикина. Этот Цикин и Э были равными по значению; они сражались по ночам. И они отправлялись ночью, чтобы убивать врагов, которых они находили рассыпанными и беззаботными. Чтобы люди пугались их, они появлялись перед ними как ягуары и пумы, благодаря делам дьявола. Они летали ночью по воздуху, изрыгая огонь из своих ртов, и причиняли таким образом большой вред, потому что их страшно боялись, и вся земля Рабиналь подчинилась им. И они убедили людей, что они сыновья Цаколь Питоль, т. е. что они были сыновьями Творца всех вещей.

Действительным королем был Э, так как он был старшим братом, и он породил Аха. Этот также был волшебником и поступал, как поступали и его предки. Цикин породил Акана, они были равны по значению, так как были двоюродными братьями. Они были большими волшебниками.

Ах, законный владыка, породил Кокайба и Кокайбима. Кокайб был наследником королевства по своему отцу, и он был первый, кто создал государство в своей стране. Этот Кокайб подчинил одиннадцать владык, оставшихся не завоеванными его предками, и он был первый, кто основал город. Он построил и соорудил свой королевский дворец и крепость в Рабинале. Он был первым, разделившим земли и создавшим вожда, правителей и вождей, он разделил их на главы общин. Он был первым, создавшим законы и установившим законные права; он был первым, заставившим их платить дань, каждый согласно тому, что он имел и чем владел. А тот, кто не имел ничего,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Больше о существовании народа киче сказать нечего, потому что нельзя уже больше видеть светильника - книгу "Пополь-Вух", которую повелители имели в древние времена, она совершенно исчезла.

Вот таким образом тогда все люди киче, люди из местности, которая называется теперь Санта-Крус, пришли к теперешнему состоянию.

чтобы заплатить дань, должен был служить сам или другими соответствующими вещами.

Этот Кокайб сделал своего брата Кокайбима славным в своей стране, каковая должность называется ах-поп; этим он сделал его равным себе, хотя и не признавал права брата на старшинство. Этот последний учредил и назвал должности девяти вождей, или правителей, которые управляли городом и по-могали ему. И ни один из них, кто был еще юным, не мог управлять, пока он не достигал необходимого возраста и пока его не сочли и не нашли подходящим. А если он не имел необходимого возраста, то правил один из ближайших ему по семье и родству, пока он не достигал возраста.

Этот Кокайбим, второй брат, из-за отсутствия своего брата, который путешествовал вдали от своего дома, имел сына от своей невестки. А когда его брат Кокайб должен был вернуться из своих странствий, то из-за наказаний, которые были установлены его, т. е. Кокайба законом, перед тем как он отпраздновал, а именно повешением, бабушка ребенка держала его спрятанным. А когда он вырос, его дядя и отчим дали ему должность его отца, назначили его одним из ах-попов. Таким образом королевство было поручено этому Кокайбу, и никто больше не был допущен править или быть королем.

Этот Кокайб породил Кехнай'а и пять других сыновей, которые были назначены правителями этим королем. И с того времени и до прихода испанцев короли носили это имя Кехнай, потому что оно почиталось среди туземцев как Цезарь.

От второго брата, который назывался Кокайбим, последовали все те, кто назывался ах-попом, пока не появился преемник, называвшийся Коначе, дед дона Хуана Кортеса, живущего теперь. Этот Коначе умер в сражении, которое было дано главнокомандующим доном Педро де Альварадо на равнине около Кесальтснаиго, принадлежащего королевской короне".

РАБИНАЛЬ-АЧИ

(Воин из Рабиналя)

ВСТУПЛЕНИЕ БАРТОЛО СИСА

На двадцать девятый день октября месяца 1850 года я переписал оригинал танца тун¹, который был собственно селения Сан-Пабло-Рабиналь, для того, чтобы обо мне помнили мои дети и чтобы он остался впрямь навсегда с нами. Да будет так!

¹ Тун - на языке киче длинный горизонтальный барабан, шаохтун - танцевально-драматическое представление, происходящее под аккомпанемент барабанов.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Перед крепостью.

Воин Рабиналя и его приближенные танцуют, образуя круг. Неожиданно появляется воин киче и начинает танцевать в центре круга, замахиваясь своим коротким копьем, как будто он собирается поразить им воина Рабиналя в голову. С каждым поворотом движение цепи танцующих становится все более стремительным.

В первый раз говорит воин киче:

Иди сюда, владыка ненавистный, владыка, омерзительный своим пороком! Неужто будешь первым ты, чьи корни, чей ствол² я не смогу навечно истребить? Ты - вождь людей Чакача и Самана³. Каук⁴ из Рабиналя! Вот даю я клятву

1 "Ачи", "ачих", "ачий" на языке киче означает взрослого мужчину, обычно знатного рода, уже отличившегося в военных действиях. В русском языке наиболее близким эквивалентом этому слову было бы "витязь".

2 "Корни и ствол" - обычный синоним в киче для понятия "род".

5 Брассёр де Бурбур считает слова Чакач и Саман обозначениями селений, расположенных на склоне горы Шой-Абах, неподалеку от Рабиналя. Другие исследователи рассматривают их как профессиональные термины - "люди богов дождя" и "люди Ицамны", что менее вероятно.

* Каук - непонятное слово, большинство исследователей считают его испорченным при переписке словом "Кавек" - названием одного из трех праящих родов в государстве киче. Но это невозможно, так как сам воин киче из рода Кавека, а слово относится к воину Рабиналя. Вероятно, ближе всего к истине стоят исследователи, считающие это слово исковерканным обозначением племени "каокиб", жившим в древности в селении Сан-Андреа Сахабаха, которое Брассёр ошибочно принял за титул. Тогда данная строчка должна читаться: "вождь... каоков, Рабиналя!"

пред небесами, пред землей! И больше я не скажу ни слова! Небо и земля с тобой да будут, самый-самый храбрый из всех могучих, воин Рабиналя!

В первый раз говорит воин Рабиналя:

Эй, эй, ты гордый, воин, вождь людей Кавека! Вот что сказал ты пред землей и небом: "Иди сюда, владыка ненавистный, владыка омерзительный своим пороком. Неужто будешь ты единственным, чьи корни, чей ствол я не смогу навечно истребить? Ты вождь людей Чакача и Самана, Каук из Рабиналя". Иль не сказал ты это? Да! Да! Сказал ты это безусловно! Свидетелями будут небо и земля! Сдавайся же скорей моей стреле могучей, сдавайся силе моего щита и палице моей, и топору-яки¹, и сети - моему оружию, моей земле для жертвы и моей траве могучей, склонись перед моей магической травой -

"табачным корнем²", Перед моею мощью, пред моей отвагой! Так будет или нет, но пред землей и небом клянусь, что я свяжу тебя моим арканом! С тобой да будут небо и земля, отважный воин, пленник мой, моя добыча!

1 Яки - "мексиканцы", "пришельцы". Воин Рабиналя постоянно называет свое оружие тольтекским, тем самым подчеркивая, что его род восходит к мексиканским завоевателям, покорившим народы горной Гватемалы в X веке.

1 Пленника перед принесением в жертву обмазывали "белой землей" - толченой известью; "табачный корень" - какая-то трава, употреблявшаяся при колдовстве.

Он ловит его арканом и тянет, чтобы подтащить к себе пленника.

Музыка останавливается, танец прерывается. Продолжительное молчание, во время которого оба воина, изображая гнев, глядят в лицо противника, без музыкального аккомпанеента и танца.

Во второй раз говорит воин Рабиналя:

Теперь, могучий воин, ты мой пленник и моя добыча!

Хвала богам и неба и земли!

По справедливости и небо и земля

тебя склонили пред моей стрелой могучей,

пред силой моего щита и топора-яки,

пред палицей моей тольтекской,

перед моею сетью и моим оружием,

перед моей землей для жертвы и моей травой могучей,

перед моей магической травой - "табачным корнем"!

Теперь заговори! Открой расположение

твоих долин и гор твоих родных!

Где ты рожден: на склоне ли горы

иль в глубине долины? Кто ты - сын ли

облаков или тумана сын¹? Бежал ли ты

перед копьем иль просто от войны?

Вот что вещает голос мой пред небом, пред землею!

И потому скажу тебе я только кратко:

мой пленник и моя добыча,

с тобой да будут небо и земля!

Во второй раз говорит воин киче:

Услышь меня, о небо и земля! Неужто правда то, что ты сказал мне? Те дикие слова, что бросил ты в лицо мне

"Сын облаков" - уроженец гор, "сын туманов" - долины.

пред ликом неба, пред лицом земли?

Не говорил ли раньше ты, что я отважен,
что я решительный, могучий воин?

Вот что тогда сказал твой голос!

Ну что ж, испробуй! Буду я отважным?

Так испытай меня! Могучий ли я воин
иль трус, бежавший от копья в сраженьи?

Сказал ты и другое: "Открой расположенье
твоих долин и гор твоих родных!"

Вот что изрек ты. Что ж, теперь попробуй:
отважный ли я воин? Пробуй, пробуй!

Воитель я! И должен вам открыть
название гор, долин моих родимых?

Да разве же, как день, тебе не ясно,
что я рожден на склоне гор и в глубине долины,
что я - сын туч, что я - дитя тумана?

И ты надеешься, что я тебе открою
название гор, долин моих родимых?

Нет! Нет! Скорей исчезнут
и небо и земля!

Вот что скажу пред небом и землею,
вот почему я говорю так кратко!

С тобой да будут небо и земля,
могучий муж, герой из Рабиналя!

В третий раз говорит воин Рабиналя:

Стой, смелый воин, пленник и моя добыча!

Вот что сказал ты пред землей и небом:

"Я храбр, я воин и вдруг тебе открою
название гор, долин моих родимых?"

Да разве же, как день, тебе не ясно,
что я рожден на склоне гор и в глубине долины,

что я - сын туч, что я - дитя тумана?" Не так ли ты сказал? Ну что ж, как хочешь! Но если ты сейчас же не откроешь название гор твоих, долин твоих родимых, тогда - да будет воля неба и земли! - предстанешь ты, иль мертвым, иль живым, закованным в цепях, перед моим владыкой, перед правителем моим в могучих стенах моей огромной крепости! Вот что скажу я пред ликом неба, пред лицом земли. Да будут они с тобой, мой пленник и моя добыча!

В третий раз говорит воин киче:

О! Небо и земля, прислушайтесь ко мне!

Вот что сказал твой голос только что пред ними:

"Ты можешь изменить слова и выраженья,
что говорил я пред небом, пред землею.

Но есть, есть средство, что тебя заставит
родить слова, что нужны мне, заставит
их произнести! И если не откроешь
ты название гор твоих, долин твоих родимых,
то - да будет воля неба и земли! -

предстанешь ты, иль мертвым иль живым,
закованным в цепях, пред моим владыкой,
перед правителем моим!" Вот что сказал твой голос
пред ликом неба, пред лицом земли.

О небо и земля, воззрите на меня!

Кому же должен я сказать, кому открою
название гор моих, долин моих родимых?

Быть может вам, о птицы с желтым опереньем?

Иль вам, орлы? Я доблестный и храбрый воин,
оплот вождя тольтеков из Кунена,

оплот вождя тольтеков из Чахуля¹, я, сын правителя Балама², вождя киче, правителя Балама, я десять раз спускался по тропинке из края туч и облачных туманов, из гор, долин моих родимых, чтобы напасть на вас! Где, где найдешь ты средство, чтоб я заговорил, изрек слова, тебе желанные, пред ликом неба и лицом земли? О самый храбрый воин Рабиналя, с тобой да будут небо и земля!

В четвертый раз говорит воин Рабиналя:

Кавек-киче, отважный воин, ты что - любимец мой? Иль старший брат или брат мой младший? Чудесно! Только как же я сумею заставить сердце позабыть то, что я видел? Здесь, перед мощною стеною огромной нашей крепости? Ведь разве не ты выл, как койот, и тьякал, как лисица, не ты пищал, как белка, подражал успешно рычанию пумы и ягуара здесь, перед мощною стеною огромной нашей крепости? Не ты ли все это делал, чтобы вызвать нас из-за могучих стен

1 Кунен и Чахуль - древние поселения в департаменте Эль-Киче, Гватемала.

2 Балам - "ягуар", частое имя среди правителей киче и какчикелей.

огромной нашей крепости?

Не ты ль хотел попотчевать нас медом, нас, верных сыновей¹, меня не вызвал ты, чтоб накормить нас диким желтым медом, тем свежим медом, который служит пищей владыки нашего, правителя Хоб-Тоха?

Тогда к чему такая похвальба, такая дерзость? Нет, совсем напрасно стараешься поколебать мою решимость, доблесть! Разве эти вопли, что издавал ты, не толкнули нас, двенадцать молодых владык, чтоб выйти, двенадцать молодых вождей покинуть все укрепления свои?[...]²

[...] Не ты ль нам говорил:

"Сюда идите, молодые люди, двенадцать молодых вождей, сюда идите, герои, слушайте, что должно делать вам! Ведь пища ваша и питье исчезли, они поглощены, разрушены, впитались, как камень-пемза поглощает воду.

Теперь на стенах ваших крепостей кузнечик и сверчок свои заводят песни. Вот все, что нарушает тишину в постройках этих верных сыновей, примерных подданных... Осталось очень мало всего лишь девять или десять их домов, их крепостей. Мы кончили кормиться за счет примерных подданных и верных сыновей³.

1 "Верные сыновья" - синоним подчиненных верховному правителю племен или воинов.

2 Многоточие здесь и далее обозначает какие-то пропуски в тексте.

3 Возможный намек на ритуальное поедание принесенных в жертву пленников.

Теперь едим мы вяленое мясо, бобы большие, крабов, попугаев и смеси разные!" Не этот ли совет давал вождям и воинам ты нашим? Не преступил ли ты в своем желанье дозволенных границ и храбрости и гнева? Не приучили ль их в Белех-Мокох, в Белех-Чумае проститься с этой храбростью и гневом? Не погребен ли этот гнев и эта смелость в Котоме¹, в Тикираме² нашими вождями и нашим воинством? Теперь ты должен нам заплатить за это беспокойство здесь вот под небом, на лице земли! Итак, скажи теперь последнее "прощай" твоим горам, твоим долинам!

Здесь срубим мы твой ствол и корень твой
под небом, на земле! Уж больше никогда
ни днем, ни ночью ты не сможешь
спускаться с гор твоих в свои долины!
Ты должен умереть, ты должен здесь исчезнуть,
закончить жизнь свою между землей и небом!
Вот что я объявлю перед лицом владыки
моего, правителя, среди стен могучих
обширной крепости. Так говорит мой голос
пред ликом неба, пред лицом земли!
Вот почему я говорю так кратко.
Пусть небо и земля с тобою будут,
Киче могучий, воин, сын Кавека!
1 Современное поселение Хойабах в департаменте Эль-Киче.
2 Горная цепь к северу от долины, в которой расположен Рабиналь.
В четвертый раз говорит воин киче:
Эй ты, могучий воин, самый храбрый
из храбрецов, воитель Рабиналя!
Не твой ли голос произнес вот это
пред ликом неба, пред лицом земли:
"Зачем же так хвалиться смелостью своею,
своею храбростью?" Вот что сказал ты!
Но ведь в действительности это вы,
вы оскорбили моего владыку,
великого правителя киче.
Лишь в том причина моего прихода
сюда, моей отлучки из гор, долин моих родимых.
Отсюда вышла весть, между землей и небом,
от этой главной крепости Какйук -
Силик - Какокаоник - Тепеканик¹,
вот таковы названья рта и глаза²,
и этой крепости, и этого дворца!
Не здесь ли спрятан груз из десяти мешков какао
и пяти мешков прекрасного какао,
что предназначались моему владыке,
правителю киче, Балам-Ахау,
Баламу-воину, ибо таковы
названия и рта и глаза,
и крепости моей, и моего дворца. [...]
[...] Услышав эту весть, мой повелитель
Балам-Ахау, вождь киче отважных,
смерть пожелал владыке людей
Чакача и Самана, кауку Рабиналя.
пред лицами владык народов

1 Название крепости рабинальцев, где находилась резиденция отца воина Рабиналя, правителя ХобЛоха.

1 "Рот и глаза" - синоним резиденции правителя.
ушаб и покомамов'. Пусть же скажут
они, что вы желаете увидеть
и храбрость и отважность вождя киче могучих,
вождя гор и долин киче! "Придите и возьмите
хоть часть моих холмов прекрасных,
моих долин прекрасных! Пусть же
мой брат и старший надо мной² придет сюда,
чтоб взять здесь часть свою, меж небом и землей,
от этих гор прекрасных, от смеющихся долин!
Пусть он придет, чтоб сеять здесь,
чтоб урожай собирать там,
где всюду побеги наших тыкв теснятся,

среди отростков наших тыкв-горлянок,
фасоли белой". Так гласил ваш вызов,
ваш клич войны перед моим владыкой,
правителем моим. [...]

[...] И вот тогда в ответ был брошен вызов
и клич военный моего владыки,
властителя киче: "Эй! Мой отважный,
мой доблестный, иди поднять тревогу
и возвращайся сразу, ибо
послание вызова пришло, оно явилось
под сводом неба, на земле!
Возьми же в свою ты руку храбрость, силу молодую,
мощь своего щита, стрелы своей могучей,
скорее возвращайся к склонам гор родимых,
к долинам нашим!" [...]

1 Ушаб и покопаны - племена, принадлежащие к языковой семье майя. Первоначально населяли, по-видимому, весь департамент Баха-Верапас, а затем были отодвинуты киче к северу. Ушабы и покопамы часто упоминаются в тексте эпоса киче "Пополь-Вух".

1 Здесь слова "мой брат" и "старший надо мной" употребляются в ироническом смысле.

[...] Вот что гласил приказ и вызов
владыки моего, правителя киче.

А я отсутствовал, я ставил межевые камни,
там, где заходит солнце, где входит ночь,
где холод мучает и воды замерзают.

Пан-Цахашак¹ - зовется эта местность.

Тогда схватил я мощь моей стрелы могучей,
мощь моего щита. Я спешно возвратился
к подножью гор, к моим родным долинам.

И там, пред Чолочиком горным, пред
Чолочиком, покрытым соснами, я бросил вызов,
свой первый вызов, свой военный клич...

Уйдя оттуда, снова бросил вызов,
свой клич военный в месте, что зовется
Нимче-Паравено, и в Кабракане²!

Ушел оттуда я, и в третий раз
я бросил вызов, свой военный клич
в том месте, что зовется Панчалибом³!

Затем из Панчалиба я ушел спокойно,
чтоб бросить вызов, свой военный клич,
в четвертый раз, в Шоль-Чакаче, ибо
такое носит имя эта местность!

И там, спустя немного, я услышал звуки
лоцо-туна, лоцо-кохома⁴, который танцевали
двенадцать ярых воинов-орлов,

1 Современное селение Санто-Антонио-Илотенанго в крайней западной части департамента Эль-Киче.

1 Нимче-Паравено - современное селение Санто-Томас-Чичикастенанго в департаменте Эль-Киче; Кабракан - современный Сан-Себастьян-Лема в том же департаменте.

3 Местность около современного поселения Хойабах в департаменте Эль-Киче.

4 Лоцо-тун, лоцо-кохом - военный танец, исполняемый под большой (тун) и малый (кохом) барабаны.

двенадцать ярых ягуаров. Дрожали небеса, земля гудела от шума страшного, от воодушевления двенадцати ярых воинов-орлов, двенадцати ярых ягуаров с рабами и рабынями. [...] [...] Там начал я петь песню свою пред ликом неба, пред лицом земли. Вот как прозвучало мое слово пред ликом неба, пред лицом земли: "Так выходи ж, владыка ненавистный, владыка омерзительный своим пороком, неужто будешь первым ты, чьи корни, чей ствол я не смогу навечно истребить? Тебя - вождя людей Чакача и Самана, каука Рабиналя?" Вот что сказал тогда я. Что ж будешь делать ты, владыка, если не смог я истребить тебя и уничтожить? Раз я могу лишь мыслями своими звучать, петь пред землей и небом, о

самый-самый храбрый из всех могучих, великий воин Рабиналя? Говори же, теперь уж твой черед! Земля и небо с тобой да будут, самый-самый храбрый из всех могучих, воин Рабиналя!

В пятый раз говорит воин Рабиналя:

Могучий воин, вождь людей Кавека, вот что сказал сейчас твой голос пред ликом неба, пред лицом земли. Ведь это ты сказал правдиво, не колеблясь, и изменять не нужно их. "Отсюда,

поистине отсюда, вышла весть, что нас позвали

в долины и нагорья ваши". Нет, конечно,

ни преступленья, ни злодейства в том,

что мы хотели слышать, как Балам, правитель,

киче владыка, смерти возжелал

вождя Чакача и Самана, каука Рабиналя,

от рук вождей ушаб и покомамов, здесь,

пред ликом неба, пред лицом земли!

"Да будем действовать мы вместе! Пусть правитель

гор и долин киче пошлет свою он доблесть

и мужество свое!; пускай придет он

и власть возьмет над этими горами,

прекрасными, богатыми долинами!

Пускай придет он сеять здесь и урожай собирать!

Тогда и мы здесь будем сеять

и урожай собирать на этих вот полях,

где со всех сторон побегу тыква теснятся,

отростки тыкв-горлянок наших и фасоли

белой нашей!" Так говорил твой голос

пред лицом неба, пред лицом земли!

Вот почему пришел нас вызывать ты,

вот почему ты угрожал нам тщетно

здесь, пред землей и небом! Слава, слава

и небу и земле! Ты сам сюда явился

пред стенами обширной нашей крепости!

Вот почему мы вызов принимаем,

мы принимаем битву, будем мы стремиться

к войне и разобьем ушаб и покомамов!

Поэтому даю тебе возможность: выполняй

свой вызов! Что ж, иди! Спешу скорее,

беги туда, наверх, к Большой дороге, где

1 Т. е. пусть владыка киче Балам пошлет своего сына Киче-ачи.

пьет воду птица, к месту, что зовется

Чолочик-Сакчун! [...]

[...] Не поддавайтесь только тем,

кто поведет вас пред лицо вождей

ушаб и покомамов! Не позволяйте им

вернуться в горы их и их долины!

Уничтожайте их! На части разорвите!

Здесь, между небом и землей!"

Вот что сказал тогда мой голос. Но

в действительности вовсе и не надо было,

чтоб ты смотрел, чтоб видел ты

вождей ушаб и покомамов, ибо

они уж превратились в мух и мушек,

в толпу больших и малых муравьев.

И вереницы их нестройными рядами

ползли по склонам той горы,

что Экемpek-Канаханаль¹ зовется.

И вот тогда направил я глаза свои

и взгляд свой к небу и земле, и чрез мгновенье

увидел я вождей ушаб и покомамов.

И сердце у меня наполнилось тоской,

душа моя скорбела, ибо

тебя увидел я, я наблюдал,
как ты исполнил то, что так желало сердце
вождей ушаб и покомамов. Вот тогда-то
я бросил вызов свой и свой военный клич
тебе: "Эй, эй! могучий воин,
оплот киче и сын людей Кавека!
Зачем ты движешься так безвозбранно
среди вождей ушаб и покомамов,

1 Вероятно, гора около современного селения СаН'Мартин-Хилотепеке в департаменте Чимальтенанго.

среди гор их и долин? Пусть небо и земля
меня услышат!" Да, конечно, ждали
их в горах и долинах наших, ждали: бросишь вызов
ты, свой военный клич вождям ушаб и покомамов,
когда они кричали свой военный клич и вызов,
направленный тебе. "Эй, эй, вожди
ушаб и покомамов, возвращайтесь-ка быстрее,
услышите то, что должен я сказать
здесь, меж землей и небом!"

Так говорил твой голос. И вот тогда они,
вожди ушаб и покомамов, тебе сказали:
"Киче могучий воин, сын людей Кавека,
оставь-ка эти схватки здесь, в горах,
в долинах наших! Разве мы
и наши дети, наши сыновья
не рождены здесь, в этих местностях,
где тучи черные и белые туманы
спускаются, где мучит холод,
где льдом становится вода,
где нечему завидовать? Там, далеко,
с детьми моими, моими сыновьями,
колышятся деревья зелеными ветвями,
там все есть: и какао чудное, паташте¹,
прекрасное какао, и золотые копи,
и копи серебра, и вышивки цветные,
и золотые драгоценности! Здесь наши дети,
здесь наши сыновья, а там живущим
не надо и работать, нет у них нужды,
без всякого труда им достается
мешок паташте иль мешок какао.

Они ведь и ткачи, и скульпторы, и златокузнецы,
1 Паташге - сорт какао.

такими и останутся, и навсегда!

А посмотри-ка на своих детей,
на сыновей героя Рабиналя,
отважнейшего воина из всех
могучих воинов! Трудом тяжелым,
мучительной работой еле-еле
они себе питанье доставляют.

И это будет навсегда у них! Одна нога
у них идет вперед, другая же - назад, хромыми
и калеками всегда рождаются будут
племянники, потомки Рабиналя,
отважнейшего воина из всех
могучих воинов! И это будет навсегда,
от утренней зари и до зари вечерней!"
Вот что гласил военный клич и вызов
вождей ушаб и покомамов потому,
что ярость сердца их пожирала. [...]

[...] И ты ответил им: "Эй вы, вожди ушаб, владыки покомамов! Значит, вот что ваш голос говорит пред ликом неба, перед лицом земли? Нет, не заботьтесь о детях, сыновьях героя Рабиналя, отважнейшего воина из всех могучих воинов! Не надо им краснеть за средства их существования, их жизни здесь, под широким небом, в четырех границах земли, от горных пиков и до склонов гор! Они ведь обладают и храбростью и силой! Смелы они и храбры! Ваши ж дети, все ваши сыновья, совсем иные, они потеряны, разобщены! Когда они приходят иль уходят, движась длинной вереницей, возвращаясь в свои нагорья и свои долины, то лишь один иль, может, двое их возвращается к своим дворцам и стенам. На них ведь нападают, убивают их во время поисков еды и пропитания... А дети, сыновья героя Рабиналя, могущественного воина, если один иль двое выйдут на добычу, то возвратятся, и один и двое, к стенам своим и крепости своей". Так говорил твой голос пред лицом вождей ушаб и покомамов. [...]

[...] Но вот что сказал тогда мой голос: "Эй! Могучий воин, оплот киче, могучий сын Кавека! Услышан вызов и военный клич, что бросили вожди ушаб и покомамов! Прислушайтесь ко мне, о небо и земля! Конечно, яростью кипели их сердца, когда они, меж небом и землею, свои места здесь оставляли нашим детям и нашим сыновьям. Да, слишком верно, что не смогли они оставить во владенье своем здесь ни одной частицы прекрасных гор, смеющихся долин! Но вот что удивительно: сюда пришел ты, чтоб провести так много дней и столько же ночей меж небом и землею! Пришел сюда, чтоб острие своей стрелы могучей сломать, разрушить силу своего щита! Пришел сюда испортить силу рук твоих, орудие твоего могущества! Напрасно! Ты ничего не получил меж небом и землею! Ты знаешь, где находятся границы твоей земли, где сходятся они у склонов гор, в долин твоих начале. И верно то, что я, могучий воин, великий воин, самый храбрый из храбрейших, воитель Рабиналя, правлю здесь спокойно, постоянно, с детьми моими, сыновьями моими, здесь, меж небом и землей!" Так говорит мой голос пред лицом земли, пред ликом неба! Пусть земля и небо

с тобою будут, о могучий воин,
оплот киче и сын людей Кавека!
В пятый раз говорит воин киче:
Увы! Услышь меня, о небо и земля!
Итак, все верно. Я не смог
взять часть свою, свое владенье,
здесь, между небом и землею,
от этих гор прекрасных и смеющихся долин!
Да, бесполезно, тщетно я пришел
сюда, чтоб провести так много дней
и столько же ночей меж небом и землей!
Так, значит, было все напрасно:
и мужество мое и храбрость?
Услышь меня, о небо, о земля!
Ну что ж! Уйдем туда, назад,
в мои нагорья и мои долины!
Так говорит мой голос
пред ликом неба, пред лицом земли!
Я шел вдоль горных склонов до начала
долины; там поставил я
свой камень межевой на месте,
что называется Камба¹.
И вот что голос мой там произнес
пред ликом неба, пред лицом земли:
"Неужто не смогу я вызвать
Камба владыку, чтобы сокрушить
его, чтоб раздавить его
моей сандалей, чтобы мог поставить ноги
я на головы детей и сыновей
храбрейшего из храбрых, самого
могучего воителя, героя Рабиналя?"
Так говорило сердце, жалуясь, мое!
Но если даже небо и земля меня бы наказали,
то голос мой добавил бы: "Уйду отсюда,
чтоб снова ставить межевые камни
и на вершинах гор, и у долины Сактихель².
Я снова брошу вызов мой и мой военный клич!"
Услышь меня, о небо и земля!
Да, верно, что не смог я взять ни малой части
здесь, между землей и небом!
Оттуда быстро я спустился
к реке, что извивается змеей.
Смотрел я, любовался только что
засеянной землей, полями,
где зреют уж початки кукурузы,
полями с белой и коричневой фасолью
и овощами разными [...].
И голос мой сказал тогда
пред ликом неба, пред лицом земли:
"Неужто не могу я хоть маленькую часть
с собой унести засеянной земли,
¹ Местность около селения Рабиналь. ² Долина к востоку от селения Рабиналь.
земли, обильной полновесным урожаем,
при помощи моей стрелы могучей
и мощи моего щита?" [...]
Оставил там тогда я отпечаток
моей сандали¹ на земле,
засеянной недавно, и на поле
с богатым урожаем. И оттуда сразу

пошел я ставить межевые знаки
на пике Штинкурун², напротив Шимбальха³,
Так называется та местность. А оттуда
ушел я и направился поставить
свой пограничный знак на пике Кесентун⁴.
И там я пел из-за печали в сердце
моем тринадцать раз по двадцать дней⁵,
тринадцать раз по двадцать ночей,
раз я не смог взять здесь ни малой части
от этих гор прекрасных, от смеющихся долин.

И так сказал тогда мой голос
пред ликом неба, пред лицом земли:
"Увы, услышь меня, о небо и земля!
Так, значит, правда, что не смог я
здесь захватить ни самой малой части
под ликом неба, на лице земли.

Пришел сюда я бесполезно, тщетно,
истратить попусту так много дней,

1 По-видимому, символический знак вступления во владение данной землей.

2 Гора около селения Рабиналь в горной цепи Чуакус. 'Местность около Рабиналя.

4 Небольшое плато в двух километрах от Рабиналя, покрытое развалина¹ ми; с ними связана легенда, бытующая среди киче.

5 Священный период времени распался на 13 месяцев по 20 дней в каждом.

ночей!" И вот тогда сказал мой голос пред ликом неба, пред лицом земли: "Сюда пришел напрасно я, здесь будет конец могуществу моей руки и моих стремлений, не помогут мне уж больше ни мужество мое, ни смелость". [...] [...] И вот тогда сказал мне голос пред ликом неба, пред лицом земли: "Уйдем отсюда в наши горы, в долины наши!" Так сказал мой голос. И я преодолел и горы и долины моей страны! Так говорил мой голос! С тобой да будут небо и земля, могучий муж, герой из Рабиналя!

В шестой раз говорит воин Рабиналя:

"Эй, эй! Могучий воин, сын людей Кавека!

[...] детей моих! Куда увел ты
моих детей, моих сынов? [...]

Они тебе не нужны, так верни их

в долины, горы наши. Ибо если

ты не вернешь их, то, клянусь землей и небом,

я мир переверну!" Так говорил мой вызов.

Я ведь отсутствовал тогда, был занят

тем, что ставил межевые знаки

на пике, что зовется Мукуцуун,

когда похитил ты моих детей прекрасных,

прекрасных сыновей своей стрелой могучей

и силой своего щита. А сердце

твое не пожелало слышать

мой вызов, мой военный клич!

Тогда преодолел я склоны гор, долин изгибы,

свои поставил знаки я в Панахачеле¹,

так называется то место. И оттуда

тебе я бросил вызов свой, свой военный клич!

И только лишь тогда ты соизволил

на волю отпустить моих детей прекрасных,

прекрасных сыновей в большом лесу,

что носит имя Кабракан-Паравено,

неподалеку от долин и гор киче. Оттуда,

именно оттуда они вернулись, и они бежали

по склонам гор, по плоскости долин.

Голодными они вернулись, с жаждой в горле.

И возвратились не к своим жилищам,

не к стенам крепостей своих! Обосновались

они неподалеку от местечка,

что именуется Панамака[...].

[...] Тогда ты вознамерился похитить
владыку моего, правителя Хоб-Тоха,
у теплого источника, что носит имя
"Там, где купается Тохиль"². И разве
я не отсутствовал в то время? Я был занят,
я снова ставил межевые знаки
в Цамха напротив места,
что Кулавач-Абах зовется. И оттуда
я снова обратил мои глаза и взоры
и к небу и к земле. Обширно было небо,
и по нему бежали тучи и туманы
пред стенами высокими обширной крепости.
И там я выкликнул свой вызов,
военный клич мой, как обычно,
пред ликом неба, пред лицом земли.

1 Современное селение Панахачель в департаменте Солола, около озера Атитлан.

2 Тохиль - верховный бог-громовник у древних киче

И вот тогда сказал мой голос:

"Эй, эй! Киче могучий воин, сын Кавека!

[...] Отец мой! Мой правитель! [...]

Зачем проник ты за ограду
высоких стен обширной крепости? Зачем ты
похитил моего отца и моего владыку?
Тебе ведь он не нужен... Разрешит же
ему домой вернуться, за ограду
высоких стен обширной крепости своей!"
Так говорил тогда мой голос. Сердце
твое, однако, не откликнулось на вызов
мой, на мой военный клич! Мой голос
сказал еще: "Коль ты не разрешишь
домой вернуться моему владыке
и моему правителю, да разрешит мне небо,
да разрешит земля, я их переверну,
я возмущу и небеса и землю! Обегу я
и небеса и землю!" Вот что
сказал тогда мой голос. Сердце
твое, однако, не откликнулось на вызов
мой, на мой военный клич. Тогда я
преодолею - то вверх, то вниз -
все склоны гор, отправился в долины,
чтоб снова ставить межевые знаки
среди крепких стен, среди крепости обширной.
Но видел я лишь только окоем,
покрытый тучами, лишь только окоем,
закрытый набегающей волной
клубов тумана, который поднимался
на стены крепкие дворца большого. Там
лишь кузнечик и цикада стрекотали,
одни они лишь нарушали тишину,
молчанье в этих стенах опустевших зданий.
Печалилась моя душа, скорбело сердце,
И снова я отправился по горным склонам
странствовать и по долинам. Так
достиг я гор, достиг долин киче, и там
нашел я место, где правитель и владыка
мой заточен был между стен из камня
и извести. Я двинулся на крепость
и острием стрелы моей и силой своего щита,

тольтекской палицей, тольтекским топором,
своею доблестью и мужеством достиг ее.
Лишь только так, один, увидел я владыку,
увидел моего правителя, который
был заключен, совсем один,
в четырех стенах из извести и камня.
И только так унес его оттуда
в своих руках при помощи щита
и острия стрелы моей могучей!
Поистине, коль не был бы я там,
то вы срубили бы и ствол и корень
владыки моего, правителя Хоб-Тоха,
среди гор и среди долин киче. Вот как
мне удалось его увидеть снова и доставить
при помощи щита и острия стрелы моей могучей
владыку моего, правителя, внутрь стен
его дворца, его жилища. [...]

[...] Разве не сам ты разорил
два или три селенья: Баламвак,
где почва из песка стенает под ногами,
Калькарашах, Куну, Чи-Косибаль -
Таках-Тулуль, вот их названья?

1 Древнее селение на границе современных департаментов Эль-Киче и Баха-Верапас.

Когда же сердце у тебя стремиться перестанет
и к дерзости такой и смелым устремленьям?

Так вот, тебя заставят заплатить за это
пред ликом неба, пред лицом земли!

Я возвещу владыке моему, правителю Хоб-Тоху,
что ты находишься внутри высоких стен
обширной крепости! Вот почему считай,
что ты уже сказал последнее "прощай"
своим вершинам горным и долинам!

Здесь будет срублен ствол твой, истреблен твой корень,
здесь, между небом и землей. Воистину так будет!

Вот почему не нужно лишних слов меж нами!

Могучий воин, сын людей Кавека,
с тобой да будут небо и земля!

В шестой раз говорит воин киче:

Эй, муж могучий, воин Рабиналя!

Так вот что мне сейчас сказал твой голос
пред ликом неба, пред лицом земли.

Не изменю ни слова я в той речи,
что произнес сейчас ты перед ликом неба,

перед лицом земли, пред ртом моим,
моим лицом! Конечно, без сомненья

я совершил проступок, повинуюсь сразу
приказу нашего правителя и моего владыки.

"Нас вызвали они, они нас оскорбили!" -

сказал мне голос моего владыки,
правителя, вождя из Текен-Тоха,
вождя Текен-Тихаша, Тактасиба,
Кумармачи¹, Тактасимаха,

1 Кумарчи - вероятно, Кумарисмачи - столица киче, згггем Утатлан в департаменте Эль-Киче.

Кушума-Ах, Кушума-Чо, Кушум-Сивана,
Кушума-Каб, Кушум-Цикина.

Вот имена, уста, глаза
правителя киче и моего владыки!

"Идите ж, вы, двенадцать смелых,
двенадцать воинов, отправьтесь,

идите, слушайте приказы!"
Таков был голос, что сказал им,
вначале им, потом же и тебе!
Поистине, вот в чем причина
несчастья, разрушенья, беспорядка
и в погребях и в комнатах внутри
высоких стен обширной крепости!
Вот почему теперь лишь девять или десять
детей прекрасных, верных сыновей,
осталось там, внутри высоких стен
обширной крепости! Таков был голос,
что им сказал, потом же и тебе!
Вот почему не смог я захватить
здесь ничего, меж небом и землей, и зависть,
глодавшая мне сердце, принудила
меня прогнать назад прекрасных сыновей!
Заставил я пойти со мной детей прекрасных,
вернуться их заставил. А они в то время
спокойно развлекались в Ишимче¹,
разыскивая ульи с медом,
свежим желтым медом. Их я увидел,
и голос мой вскричал между землей и небом:
"Неужто я не буду в силах
похитить этих благородных
детей, блестящих сыновей, и увести их

¹ Ишимче, затем Тёкпан Гватемала - древняя столица какчикелей в департаменте Чимальтенанго.

в мои родные горы и мои долины?"
И голос мой добавил; "Я должен привести их
к владыке моему, правителю вселенной,
к горам киче, к моим долинам!"
И голос мой сказал: "Вот этим я возьму
кой-что от свежескопанной земли
и от земли, уже плоды принесшей,
из зрелых початков блестящей кукурузы,
фасоли желтой и фасоли белой!"
Оттуда я вернулся в Пан-Какиль¹,
так называется та местность, потому что
мое стремилось сердце к вашим детям,
прекрасным сыновьям. [...]
[...] Вот почему ты бросил вызов,
свой военный клич, и сердце мое сжалось
и застонало, клич и вызов твой услышав!
А ты пришел в Панахачель и снова
там бросил свой военный клич и вызов!
И сразу я их отпустил, я дал возможность
бежать им всем, прекрасным детям,
прекрасным сыновьям, в большом лесу,
что носит имя Кабракан-Пан-Аравено.
Прекрасным детям, верным сыновьям,
совсем немного оставалось, чтоб дойти
до гор моих, моих долин, до гор киче,
долин киче. Вот так вернулись
прекрасные сыны, прекраснейшие дети,
с сухими ртами, впалым животом.
Они отправились назад по склонам гор,
по плоскости долин к своей родной стране.
И все же не смогли они достигнуть
¹ Местность около Хойабаха на юго-востоке департамента Эль-Киче.

ни стен своих, ни крепостей своих.
Вот почему они остановились
в Панамака, как место то зовется.
Я также виноват и в том, что
твоего владыку я похитил,
правителя Хоб-Тоха там, на месте,
что зовется "Купальнею Тохилиа", где
он купался. Я его увел
своей стрелы могучей силой
и силой моего щита! Доставил я его
через горы и долины в долины,
в горы киче отважных! Это сделал я
из зависти, что грызла мое сердце,
раз я не смог взять во владенье
хоть что-нибудь меж небом и землей!
Вот почему я заключил его тогда
меж стен из извести и камня, вот почему
я замуровал его и запечатал
среди четырех стен. [...]
[...] И несомненно я содеял и другое,
как сам сказал ты вот сейчас, своими же словами:
"Ведь ты разрушил два или три селенья,
и город Баламвак, где почва из песка
стенает под ногами, и Калькарашах,
Куну и Косибаль-Таках-Тулуль, -
вот их названья". Да, я сделал это
все из-за той же зависти, что грызла сердце.
И здесь я расплачусь теперь за это,
меж небом и землей! [...]
[...] Нет больше слов у уст моих и сердца
моего! Лишь только белка,
лишь только птица, что вокруг мелькают,
тебе доставить смогут что-нибудь, могучий воин!
И разве не сказал еще твой голос:
"Я возведу владыке моему, правителю Хоб-Тоху,
что ты находишься внутри высоких стен
обширной крепости! Вот почему считай,
что ты уже сказал последнее "прощай"
своим вершинам горным и долинам!
Ведь здесь мы срубим ствол твой,
корень твой мы истребим меж небом и землей!"
Вот что сказал сейчас твой голос!
Но разве мы не можем действовать как братья?
В согласии и честно? Я украшу
тебя и золотом и серебром своим,
стрелой моей могучей, щитом своим всесильным,
своей тольтекской палицей, топориком-яки,
всем, чем я обладаю - до своих сандалий!
Я буду здесь работать, служить тебе я буду
и сыновьям твоим, как сын твой, здесь,
меж небом и землей! И это будет высшим знаком,
что ты меня отпустишь в мои родные горы,
в мои долины! Вот что говорит теперь
мой голос. Небо и земля
с тобой да будут, самый-самый храбрый
из всех храбрейших, воин Рабиналя!
В седьмой раз говорит воин Рабиналя:
Эй! Смелый воин, сын людей Кавека!
Вот что сейчас сказал твой голос

пред ликом неба, пред лицом земли:
"Что ж, разве невозможно, чтобы я украсил
тебя и золотом и серебром моим,
стрелой моей могучей, силой моего щита, -
всем, чем я обладаю - до своих сандалии,
чтоб здесь работать, рабствовать тебе
меж ликом неба и лицом земли?"

Не это ли сказал сейчас твой голос? [...]

[...] Но что же я скажу тогда
перед лицом владыки моего, правителя Хоб-Тоха?

Что был могучий воин, был герой,
с которым мы сражались средь высоких стен
обширной крепости тринадцать раз
по двадцать дней, тринадцать раз
по двадцати ночей, и сын ваш не имел покоя
и отдыха? А после я скажу вдруг,
что был украшен я и был одарен
и золотом и серебром его, и палицей тольтекской
и топором-яки, - всем тем, чем он владеет,
вплоть до его сандалий. А затем
я сообщу владыке моему, правителю Хоб-Тъху,
что разрешил ему, закончив битву,
уйти свободно, возвратиться в горы
его родные и его долины!

Могу ли я сказать все это пред лицом
владыки моего, правителя Хоб-Тоха?

Ведь я осыпан им богатствами, дарами!

Есть у меня и золото и серебро, есть сила
стрелы моей могучей, мощь щита,
и палица тольтекская и топор-яки.

Владыка мой, правитель, осыпает
меня богатствами в высоких стенах
обширной этой крепости! Вот почему
я сообщу ему такую новость, сообщу
о том, что появился ты в стенах высоких
его обширной крепости пред ликом
владыки моего, правителя Хоб-Тоха.

И если мой владыка и правитель

прикажет мне вернуть тебя в долины твои и горы, если он так скажет, то я действительно
возможность дам тебе уйти в твои долины и нагорья, я отпущу тебя. Но если мой владыка и правитель
скажет: "Доставь его сюда пред мои глаза и губы, чтоб я увидел бы его лицо, лицо такого смельчака и
воина", если так он скажет, тогда заставлю я тебя пред ним явиться! Так говорит мой голос перед ликом
неба и пред лицом земли! С тобой да будет небо и земля, могучий воин, сын людей Кавека!

В седьмой раз говорит воин киче:

Что ж, хорошо, пусть будет так,
могучий муж, герой из Рабиналя!

Иди и сообщи пред ликом твоего владыки,
правителя, новость о моем явленье
внутри высоких стен его обширной
крепости, теперь же сообщи!

Пусть небо и земля с тобой да будут,
о самый храбрый изо всех могучих, воин Рабиналя!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Рабиналь-ачи появляется перед правителем Хоб-Тохом. Прави- тель Хоб-Тох сидит в низком
кресле, спинка которого украшена древней резьбой. Около него сидит его жена; они окружены рабами,
слугами, воинами-орлами и воинами-ягуарами.

В восьмой раз говорит воин Рабиналя:

Привет тебе, владыка! Привет тебе, владычица! Я благодарен небу, земле я благодарен, что вы
здесь сидите, распространяя тень защиты вашей, величия вашего, под балдахином из зеленых перьев

внутри высоких стен обширной крепости. А я - могущество и доблесть ваша - сюда я прибыл пред ваши губы, лицо пред ваше, внутрь высоких стен обширной крепости. С собою я доставил храбреца, того героя, с кем сражался тринадцать раз по двадцать дней, тринадцать раз по двадцати ночей за стенами высокими обширной крепости, когда мой сон не знал покоя или отдыха! Мне небо отдало его, земля вручила

связанного, низвергнутого силой
стрелы моей могучей, силой моего щита!
Мной бьи он связан, скручен крепкою веревкой,
моим арканом крепким, палицей моею -
яки и топором тольтекским,
моею сетью и браслетами моими
резными из блестящей кости,
моими травами волшебными. И я
его заставил говорить без спора и протеста,
его, воителя могучего и смелого!

Он тотчас же мне объявил
название гор, долин своих родных,
мне, пред моим лицом, пред ртом моим,
мне мужественному, мне герою!
Ведь это он - тот мощный воин,
что подражал койота жалобному крику,
кто подражал и тьяканию лисицы,
и зову ласки за высокими стенами
обширной крепости. Все это делал он,
чтоб вызвать, чтоб заставить выйти
детей прекрасных, верных сыновей.

Ведь только он, тот мощный, тот герой,
кто уничтожил девять или десять
детей прекрасных, верных сыновей.
И этим мощным был похищен ты, владыка,
в том месте, что "Купальнею Тохилия"
называется. И он же - могучий воин -
опустошил два или три селенья близ Баламвака,
как он зовется, где песчаная земля
звенит и плачет от шагов. Доколе
ему твое позволит сердце нас позорить
и смелостью и дерзостью? И разве
не получили мы вестей от наших

правителей, владык, который каждый владеет своими стенами и крепостью своею. И все они
сказали: "Должен он за злодеяния свои понести расплату!" Так сказал: владыка Тёкен-Тоха, владыка
Текен-Тихаша, Кумармачи, Тактасиб и Тактасимаха, Кушума-Аха, Кушума-Чо, Кушума-Сивана, Кушум-
Акаба, Кушума-Цикина. Вот их имена, вот что обозначают их рты и лица! А теперь сюда пришел он,
чтобы расплатиться за все пред ликом неба, пред лицом земли! И здесь мы срубим ствол его и корни,
здесь, между небом и землей, о мой правитель, о Хоб-Тох, владыка!

В первый раз говорит владыка Хоб-Тох:

О доблесть, мужество мое! Благодарю тебя! Хвала и небу и земле, что прибыл ты сюда, к стенам
высоким крепости обширной, пред рот мой, пред мое лицо, ко мне, к владыке твоему Хоб-Тоху! Небо я
благодарю и землю, что небо отдало, земля представила тебе героя этого могучего, за то, что был он
брошен на острие стрелы твоей могучей, на силу твоего щита, что бьи он связан, что бьи он побежден,
могучий и герой! Теперь его сюда введите, пред мои уста, перед мое лицо, чтоб смог бы я увидеть по рту
его и по лицу его увидеть,

как храбр он и бесстрашен. [...]

[...] Так ты объявил

об этом храбреце и воине. И пусть
он звука не издаст, пусть он не дрогнет,
когда пройдет через ворота
великой крепости, великого дворца.
Тогда ему почтенье воздадут и уваженье
здесь, среди стен высоких
обширной крепости! Ведь здесь

находятся его двенадцать братьев,
его двенадцать родственников, что хранят
сокровища, хранители камней прекрасных.
Их рты, их лица не заполнены еще,
кого-то не хватает¹. Может быть,
пришел сюда он, чтобы их число дополнить
среди стен высоких крепости обширной?
Здесь также есть двенадцать сильных
орлов, двенадцать сильных ягуаров.
Число их тоже неполно. Может быть
храбрец и воин этот
пришел сюда, чтоб их число дополнить?
Здесь есть скамьи большие из металлов
драгоценных, троны есть
из серебра; на одних из них уже сидели,
а на других - еще никто. Быть может
храбрец и воин этот появился здесь,
чтобы на них усесться? Здесь также есть
двенадцать видов опьяняющих напитков,
двенадцать вин, иштацунун они зовутся.
Они и сладкие и освежающие, сердце

¹ Подразумеваются воины-орлы и воины-ягуары. Храброму пленнику по- бедители предлагали
вступить (после церемонии усыновления) в ряды воинов
своего племени.

они развеселят и привлекут любого.
Их пьют здесь перед сном в стенах высоких
обширной крепости, владык напитки.
Быть может храбрец и воин этот
пришел, чтоб их испробовать? Здесь есть
и ткани замечательной работы,
работы тонкой, блеск которых ослепляет,
изделия матери моей, моей жены. Быть может
за эту работу матери моей, моей жены
пришел сюда храбрец и воин этот,
чтоб первым быть, кто носит их?
Находится здесь и Учуч-Кук,
Учуч-Рашон¹, владычица прекрасных украшений,
что прибыла из Цам-Кам-Карчака².
Возможно, что храбрец и воин этот
сюда пришел, чтоб первым увидеть
ее лицо и губы; чтоб с ней потанцевать
среди стен высоких крепости обширной?
Возможно, что храбрец и воин этот
сюда пришел, чтоб стать приемным сыном
рода нашего, свойственником по браку
нашего народа, здесь, среди стен
высоких крепости обширной. Так посмотрим,
послушен ли он будет и покорен.
Опустит ли он голову при входе,
склонит ли он ее, сюда вступая?
Так говорит мой голос перед ликом неба,
перед лицом земли! С тобой да будут
и небо и земля, о самый храбрый
из всех могучих, воин Рабиналя!

¹ Этимология имени царевны должна быть: "Меть кецаля, мать голубя", что напоминает имя
ацтекской богини Шочикецаль.

* Вероятно, современное селение Сан-Педро-Картах-Кобан в департа- менте Баха-Верапас.
В девятый раз говорит воин Рабиналя:
Хоб-Тох, владыка, дай свое благословенье

пред ликом неба, пред лицом земли!
Вот что гласит мой голос пред тобой, владыкой,
здесь моя сила, мужество мое,
что ты мне даровал, что мне доверил ты,
моим устам и моему лицу. Я оставляю
здесь мою стрелу, мой щит, храни же их!
Их помести в твой крытый дом, в твой арсенал,
пусть отдохнут они! Я тоже успокоюсь,
я буду отдыхать, раз из-за него
покоя не было для нас давно¹. Итак,
я оставляю здесь свое оружие,
среди стен высоких крепости обширной.
Пусть небо и земля с тобой да будут,
правитель мой, Хоб-Тох, владыка!
Во второй раз говорит владыка Хоб-Тох:
О мужество мое и доблесть! Разве
не сказал твой голос здесь пред ликом неба,
пред лицом земли: "Вот сила
моя, вот мужество мое, что мне доверил
моим устам и моему лицу. Я оставляю
здесь их, чтоб ты их сохранил!
Пусть поместят их среди стен
высоких крепости обширной, в твоём
закрытом доме, в арсенале". Разве
не так сказал твой голос? [...]

¹ Воин Рабиналя, услышав о намерении Хоб-Тоха принять воина киче в число воинов-рабинальцев, отказывается от своих обязанностей.

[...] Но как я сохраню их, как я спрячу
в моем закрытом доме, в арсенале?
Что ж за оружие будет у тебя в руках,
чтоб защитить нас против тех,
кто вдруг придет, появится у наших гор
и их подножий? И каким оружием ты
защиту дашь и нашим сыновьям и нашим детям,
когда они пойдут из этих стран
искать себе питание в четырех углах¹,
во всех краях вселенной? Ибо
еще хоть раз, один лишь раз последний
ты должен взять, схватить свое оружие:
свое могущество и доблесть, стрелы, щит!
Вот что даю тебе, о мужество мое и доблесть,
мой самый храбрый воин Рабиналя!
С тобой да будут небо и земля!
В десятый раз говорит воин Рабиналя:

Что ж, хорошо! Итак, беру я снова свою я силу, доблесть, что ты дал мне, что вверил мне пред
ртом моим, лицом моим! Итак, беру я снова их в последний раз, еще хоть раз! Вот что сказал мой голос
пред ликом неба, пред лицом земли! Теперь я оставляю вас совсем недолго среди стен высоких крепости
обширной! Пусть небо и земля с тобой да будут, владыка, повелитель мой, Хоб-Тох могучий!

¹ Четыре угла, или четыре края вселенной - обычное у майя название четырех сторон света.

В третий раз говорит владыка Хоб-Тох:

Прекрасно, мой могучий верный воин! Будь осторожен, чтобы не попасть в засаду иль рану
получить, мой самый-самый храбрый из всех могучих, воин Рабиналя! С тобой да будут небо и земля!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В одиннадцатый раз говорит воин Рабиналя (он приходит в лес, где привязан к дереву воин киче):

Привет! Могучий воин, вождь людей Кавека!

Сюда пришел я, возвестив о том,
что ты пленен, владыке моему
среди стен высоких крепости обширной.
И вот что он сказал, владыка и правитель

мой, о храбрый воин: "Пусть
он звука не издаст, пусть не дрогнет,
когда пройдет через ворота
великой крепости, великого дворца,
здесь, меж землей и небом.
Тогда ему почтенье воздадут и уваженье
там, среди стен высоких
обширной крепости. Ведь там,
внутри высоких стен обширной
крепости, все помещенья
уже заполнены людьми. И там
находятся его двенадцать братьев,
его двенадцать родственников, что хранят
сокровища, хранители камней прекрасных.
Их рты, их лица не заполнены еще¹,
кого-то не хватает. Может быть,
¹ То есть число избранных воинов не полно.
герой тот и храбрец пришел сюда,
чтоб их число дополнить?
Здесь также есть двенадцать сильных
орлов, двенадцать сильных ягуаров,
число их тоже не полно. Может быть,
храбрец и воин этот
пришел сюда, чтоб их число дополнить?
Здесь есть скамьи большие из металлов
драгоценных, троны есть
из серебра. Быть может,
храбрец и воин этот сюда явился,
чтобы на них усесться? Здесь есть
и Учуч-Кук, Учуч-Рашон, нефрит прекрасный,
что прибыла из Цам-Кам-Карчака.
Ее рот еще девственен, не тронута
никем еще ее лицо. Быть может,
храбрец и воин этот и пришел сюда,
чтоб первым взять вкус губ ее, лица
коснуться? Здесь также-есть
двенадцать видов опьяняющих напитков,
двенадцать сладких ядов, холодных
и сверкающих, питье владыки,
что правит здесь, среди стен
обширной крепости. Может быть,
храбрец и воин этот и пришел сюда,
чтоб их попробовать, испить их? Здесь
есть также ткани замечательной работы,
работы тонкой, блеск которых ослепляет,
изделия матери моей, моей жены. Возможно,
что храбрец, отважный воин этот,
сюда пришел, чтоб первым любоваться
их красотой, носить их первым?
Да, несомненно, что храбрец и воин этот
сюда пришел, чтоб стать приемным сыном
народа нашего иль свойственником по браку
нашего народа здесь, среди стен
высоких крепости обширной!"
Вот что сказал правитель и владыка мой.
И я сюда пришел тебя предупредить,
чтоб шума ты не делал никакого
иль смуты, когда ты подойдешь
ко входу среди стен высоких

крепости обширной. Предупреждаю
тебя я: склонись и преклони колена,
когда предстанешь пред владыкой,
пред повелителем моим Хоб-Тъхом,
старцем. Так говорит мой голос
пред ликом неба, пред лицом земли!
Итак, не нужно нам речей излишних
более! Пусть небо и земля
с тобой да будут, вождь людей Кавека,
киче могучий воин!

В восьмой раз говорит воин киче:

Эй! Смелый воин, Рабиналя муж! Не так ли говорит твой голос здесь пред ликом неба, пред лицом земли: "Принес я весть о том, чтоб ты пришел пред лицо владыки моего, пред лицо правителя, среди стен высоких обширного дворца". Так говорил твой голос. Поэтому вернулся, чтобы предупредить тебя, отважного и храброго; сказал он: "Введи его сюда пред мои уста, пред мое лицо среди стен высоких

крепости обширной, чтоб смог бы я увидеть
по рту его, увидеть по лицу

его: насколько он храбр, насколько он герой?

Предупреди его, чтоб он не сделал шума
никакого или смуты, представляя
пред уста мои, пред лицо мое.

Пусть голову он склонит, пусть смирится, ибо
коль он храбрец, коль он герой, то должен
быть здесь послушным и покорным.

За это будет он почтен и уважаем
в стенах высоких этой крепости обширной".

Так говорил владыка твой и повелитель.

Не это ли сейчас сказал твой голос?

Ну что ж! Но буду ли я героем,
буду ль храбрецом, когда унижусь,
когда склоню я голову смиренно?

Смотри! Вот с чем склоняюсь я: здесь
стрела моя, мой щит, палица моя
тольтекская, топор тольтекский.

Вот с чем склонюсь, вот с чем согнусь я,
когда войду в ворота крепости обширной,
перед воротами огромного дворца!

И если небо и земля мне разрешат,

[то этим] я разрушу

величье и могущество владыки,
твоего правителя! Да, если разрешат
мне небо и земля, то я ударю

вот этим кулаком его лицо и губы
внутри его обширной крепости, его
огромного дворца! И первым ты
испробуешь все это, ты, о самый
храбрый из могучих, воин Рабиналя!

Говоря эти слова, он приближается и угрожает воину Рабиналя.

Женщина-рабыня говорит, становясь между ними:

Киче могучий воин, сын людей Кавека! Остановись! Не убивай мою ты доблесть и мужество мое,
храбрейшего из храбрых воителя из Рабиналя!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутри крепости

В девятый раз говорит воин киче (он предстает перед правителем Хоб-Тохом):

Привет тебе, о воин! Вот я прибыл
ко входу крепости обширной, к воротам
огромного дворца, где ты распространяешь
тень свою и мощь на все вокруг.

Я - тот, о ком перед твоим лицом

и ртом твоим моя известность возвестила.
Я - воин, я - храбрец! И мне
могучий муж, герой из Рабиналя,
тот, кто является твоею доблестью и силой,
пришел, чтоб бросить вызов свой и клич
военный пред ртом моим, перед моим лицом.
Сказал он мне: "Я возвестил твое присутствие
перед лицом, перед устами владыки
моего, моего отца, среди стен
высоких обширной крепости". И вот
что голос моего отца, правителя, сказал:
"Введи же храбреца и воина сюда
пред рот мой и мое лицо, чтоб смог я
по лицу его, губам его увидеть
сколь храбр он, сколь великий воин.
И посоветуй этому герою
и храбрецу, чтоб он не сделал шума
никакого иль смятенья, пусть склонится,
лицо свое опустит он, когда вступать
он будет в крепость нашу,
в ворота дворца большого". Так
сказал мне твой великий воин
пред ртом моим, моим лицом.

Ну что ж, вот здесь я, храбрец и воин этот!
И если должен я перед тобой склониться,
лицо свое склонить смиренно и колени,
то я склонюсь лишь так:

вот здесь моя стрела, вот здесь мой щит!
Вот чем твою я славу и величие разрушу!
Вот чем по твоему лицу, устам ударю!
Вот чем, владыка мощный, ты испытан будешь мною!

Произнося эти слова, он замахивается своей палицей на правителя Хоб-Тоха.

Женщина-рабыня говорит во второй раз:

Киче могучий воин, сын людей Кавека! Оставь попытку ты свою убить владыку моего и повелителя Хоб-Тоха среди стен высоких крепости его обширной, где мы находимся!

В десятый раз говорит воин киче.:

Тогда вели мне трон мой приготовить, сиденье для меня! Ведь только так в горах моих, моих долинах мне оказывают почести, которых

моя судьба, мое рождение требуют!

Там у меня есть и сидение и трон! Разве я буду предоставлен ветру, холоду оставлен?

Так говорит мой голос здесь
пред ликом неба, пред лицом земли!

Пусть небо, пусть земля с тобой да будут,
о вождь Хоб-Тох, владыка-старец!

В четвертый раз говорит правитель Хоб-Тох:

Киче могучий воин, сын людей Кавека!

Благодарю я небо, землю я благодарю
за то, что прибыл ты сюда, внутрь стен
высоких обширной крепости, где

я распространяю тень мою,

мое величие, я, старец,

Хоб-Тох, владыка! Говори же,
открой нам: почему ты подражал

койота жалобному крику,
лисицы тьяканию и крику ласки

за стенами высокими обширной крепости?

Ты сделал это, чтобы вызвать,
заставить выйти сыновей моих

прекрасных, детей моих прекрасных.
Ты вызвал их за стены
высокие обширной крепости,
там, в Ишимче, откуда
они ходили, чтобы отыскать,
найти мне желтый мед, свежий мед,
что пищею мне служит, старцу,
Хоб-Тоху, здесь, средь стен высоких
обширной крепости. И то был ты,
никто другой, кто попытался
похитить девять или десять
детей прекрасных, верных сыновей,
чтоб увести их в горы и долины
киче. И если бы не доблесть
моя и мужество мое, то были бы они
уведены туда, и ты срубил бы
и ствол и корень этих благородных
детей и сыновей моих! Не ты ль
пришел меня похитить там, у места, что
"Купальнею Тохия" называется?
И ты схватил меня своей стрелой могучей
и силой своего щита, ты заключил меня
средь стен из извести и камня, это ты
меня закрыл меж четырьмя стенами
в долинах и горах киче, и там
срубил бы ты мой корень и мой ствол,
в горах киче, в долинах. Но могучий,
мой верный, самый-самый храбрый
из всех храбрейших, воин Рабиналя,
меня из плена вырвал, освободил
стрелой своей могучей и силой своего щита!
И если б не храбрец мой и отважный воин,
то ты, наверное, срубил бы ствол мой,
мой корень! Вот как он
вернул меня назад, к высоким стенам
обширной крепости. И это также ты
разрушил два иль три селенья, город Баламвак,
где почва из песка стенает под ногами,
Калькарашах, Куну и Косибаль -
Таках-Тулунь, - вот как они зовутся!
[...] Когда ж ты наконец
желанья сердца своего, решительность и дерзость
обуздаешь? Прекратишь свои дерзанья?
Доколь ты будешь позволять им
так управлять собой? И разве эта дерзость
и смелость не были погребены
и похоронены в Котоме, в Тикираме?
Разве твои дерзания и смелость не остались
там, в Белех-Мокохе и Белех-Чумае?
Ведь это мы, правители, владыки крепостей,
похоронили их там и зарыли в землю!
Так вот, теперь заплатишь ты
за все свои злодеяния здесь, меж небом и землею!
Ты должен здесь сказать последнее "прощай"
своим горам, своим долинам! Знай:
ты здесь умрешь, ты здесь погибнешь
под ликом неба, на лице земли!
С тобой да будет небо и земля,
киче могучий воин, сын людей Кавека!

В одиннадцатый раз говорит воин киче:
Хоб-Тох, владыка, перед ликом неба,
пред лицом земли прошу: прости меня!
Твои слова, что ты сказал мне, справедливы!
Пред ликом неба, пред лицом земли
[я говорю]: действительно, я грешен!
Твой голос здесь сказал: "Ведь это ты
заставил выйти, ты, что обманул
детей прекрасных, сыновей моих,
ты заманил в ловушку их, когда они
искали желтый мед и свежий мед, изделие пчел,
что пищею мне служит, старцу,
Хоб-Тоху, здесь, средь стен высоких
обширной крепости". Вот что сказал твой голос.
Да! Правда, это сделал я, я согрешил
из зависти, что пожирала сердце
мое. Ведь я не смог ни самой малой части
здесь захватить от этих гор прекрасных,
смеющихся долин, здесь, меж землей и небом!
Твой голос молвил также: "Это ты
пришел меня похитить там, у места, что
"Купальнею Тохилия" называется, там, высоко,
когда туда я прибыл, чтобы искупаться".
Так говорил твой голос. Что ж, и это верно!
Я согрешил, я сделал это также
из зависти, что раздирала сердце
мое. И голос твой еще добавил:
"Не ты ль разрушил два иль три селенья
с глубокими ущельями и город Баламбак,
где почва из песка стенает под ногами,
Калькарашах, Куну и Косибаль -
Таках-Тулуль", - твое сказало слово.
Да, это сделал я, я согрешил
опять из зависти, что пожирала сердце
мое, раз я не смог ни самой малой части
здесь захватить от этих гор прекрасных,
смеющихся долин, здесь, меж землей и небом.
Твой голос молвил также: "Знай,
ты должен здесь сказать последнее "прощай"
своим горам, своим долинам, - твое сказало слово,
ты здесь умрешь, ты кончишь свою жизнь,
здесь будет срублен ствол и корень твой,
здесь, между небом и землей!"
Вот что сказал твой голос. Да, нарушил я твои законы, признаю,
твои приказы перед ликом неба
и пред лицом земли из зависти,
что сердце пожирала мне! Но если нужно,
чтоб умер здесь я, чтоб судьбу свою здесь встретил,
то вот что голос мой гласит
перед лицом твоим, перед устами
твоими: "Раз вы так богаты,
так хвалитесь своим обильем здесь,
средь стен высоких вашего огромного дворца,
то попрошу я что-то с вашего стола,
от кубка вашего, напитков,
что называются "иштацунун",
двенадцати напитков, двенадцать
видов яда, искрящихся и свежих,
что сердце веселят. Напитки, что вы пьете

пред сном своим среди стен высоких
обширного дворца! Я попрошу
мне дать и чудеса жены твоей,
матери твоей! Я их испробую тотчас же
как высший знак моей кончины, смерти
моей, здесь, между небом и землей!
Пусть небо и земля с тобой да будут,
Хоб-Тох, владыка!

В пятый раз говорит правитель Хоб-Тох:
Киче могучий воин, сын людей Кавека!
Итак, вот что сейчас сказал твой голос
пред ликом неба, пред лицом земли:
"Мне дайте вашу пищу и напитки ваши,
чтоб взял я их и я вкусил их, -
так твое сказало слово, -
как высший знак моей кончины, смерти
моей". Ну что ж, я их даю тебе, я их
преподношу тебе! Рабы, служанки,
пусть сюда доставят еду мою, мои напитки!

Пусть их дадут отважному герою, киче могучих воину, отрасли людей Кавека, как высший знак
его кончины, смерти его, здесь, между небом и землей!

Раб (говорит):

Да, хорошо, владыка и правитель мой, вот я даю их отважному, киче могучих воину, отрасли
людей Кавека!

Два раба приносят низенький столик, уставленный блюдами, и разрисованный кубок.

Ну вот, вкуси попробуй со стола, из кубка этого владыки моего, правителя Хоб-Тоха, старца, что
живет среди стен высоких обширного дворца, правитель мой, владыка! Вкуси, отважный воин!

Воин киче, насмешливо улыбаясь, ест и пьет, затем идет на середину двора танцевать, после чего
возвращается.

В двенадцатый раз говорит воин киче:

Эй, Хоб-Тох, владыка! Разве это - твои питье и пища? Если так,
то ничего хорошего о них сказать нельзя!

Здесь нет того, что нравилось бы мне,
моим губам или моим глазам!

И если вы хотите попробовать чего-то
действительно приятного - придите и вкусите
в моих горах, моих долинах! Там
отведаете вы прекрасные напитки,
сверкающие, сладкие. Вот что
я пробую в моих горах, моих долинах!..

Итак, вот что здесь говорит мой голос
пред ликом неба, пред лицом земли:

так это стол твой и твой кубок? Нет!

Вот кубок, из которого ты пьешь - ведь это череп
моего родителя, череп моего отца! я вижу,
рассматриваю я! Не сделают ли также
и с головой моею, с черепом моим?

Его резьбой² украсят, красками покроют
снаружи и внутри! И вот когда
придут в твои долины, горы
мои сыны, дети мои, чтоб торговать
пятью мешками пека и пятью мешками
какао с твоими сыновьями и детьми твоими,
то скажут сыновья мои и дети:

"Вот голова нашего предка, голова отца
нашего!" Так будут повторять об этом
все сыновья мои и дети в память

обо мне, пока светиться будет солнце! [...]

Вот кость моей руки, она да будет

палочкой, оправленную в серебро,
звучащей, шум производящей в стенах
высоких крепости обширной! вот

1 Киче, как и другие народы древности, часто делали из черепов знамени-
тых воинов, побежденных ими, кубки. Поэтому Кече-ачи выражает желание, чтобы его кости были использованы
таким же образом; это подчеркнуло бы важность его персоны.

1 При раскопках крупного культурного центра горных майя Каминальхуйу (близ современной
столицы страны - Гватемалы) был найден человеческий череп, украшенный великолепной гравировкой.

' То есть колотушкой для малого барабана.
кость моей ноги, что превратится
в колотушку большого барабана-тепонастли
иль в колотушку малого, и дробь их
заставит задрожать и небеса и землю
в стенах высоких крепости обширной. [...]
[...] Вот что мой голос говорит пред небом и землею:

"Я попрошу у "вас сверкающую ткань,
украшенную золотом, с рисунком тонким, матери твоей работу,
жены твоей работу, чтобы
я смог себя украсить ею

здесь, среди стен высоких
обширной крепости, здесь, в четырех углах,
во всех четырех крайних точках,
как высший знак моей кончины,
моей смерти здесь, под небом, на земле!
В шестой раз говорит владыка Хоб-Тох:
Киче могучий воин, сын людей Кавека!
Чего же ты желаешь? Что ты просишь здесь?

Ну, хорошо! Тебе даю я это
как высший знак твоей кончины,
твоей смерти здесь, под небом, на земле!
Рабы, рабыни, принесите
сюда сверкающую ткань,
блистающую золотом, изделие
рук владычицы среди этих стен
высоких обширной крепости! И пусть
ее дадут ему, герою, храбрецу,
как высший знак его кончины, смерти
здесь, между небом и землею!

Говорит раб:

Да! Хорошо, владыка мой, правитель!
Я дам сейчас то, что желает
храбрец и воин этот! Вот, могучий воин,
украшенная золотом ткань,
что ты желаешь, что ты просишь! На!
Тебе даю ее я, но не будь нескромен
и не испортить ее!

Раб передает воину киче кусок сверкающей ткани, которой тот украшает себя.

В тринадцатый раз говорит воин киче:

О барабанщики, о игроки на флейте,
начните песню флейт и барабанов!
Звучи напев, то громкий, то чуть слышный,
сыграйте ж на моей тольтекской флейте
и на моем тольтекском барабане.

Раздайся флейты звонкий голос,
звучи, о барабан киче бесстрашных!

Играйте танец пленника
моих родных долин и гор великий танец!
Играйте ж так, чтоб задрожало небо,
от звуков чтобы сотряслась земля!

Пусть ваши головы склонятся,
когда достигнет солнца топот ног моих,
когда я буду танцевать,
рабынями, рабами окруженный,
размеренным и величавым шагом
пред ликом неба, пред лицом земли!
О барабанщики, о звонкие флейтисты,
да будут с вами небо и земля!

Воин киче танцует один круг посередине двора и подходит к каждому углу, бросая военный клич.

В четырнадцатый раз говорит воин киче:
Ойе! Хоб-Тох, владыка! Я прошу тебя
пред ликом неба, пред лицом земли!
То, что ты дал мне, что ты предложил, -
я все вернул, я оставляю все
у входа в крепость твою обширную,
у входа во дворец твой! Спрячь и сохрани
их в сундуках среди высоких стен дворца большого своего.
Ты согласился удовлетворить мое желанье,
мои просьбы пред ликом неба, пред лицом земли!
Я показал их здесь, среди стен высоких
дворца обширного, в четырех углах,
во всех четырех краях вселенной,
как высший знак моей кончины,
смерти моей, между небом и землей!
Но если верно говорят, что ты богат,
что ты могущественен всем
внутри высоких стен дворца, то я прошу:
дай мне и Учуч-Кук, Учуч-Рашон,
нефрит прекрасный, ту, что прибыла
сюда из Цам-Кам-Карчака. Рот ее
ведь девственен еще, никто не смел
еще коснуться глаз ее. Пусть буду первым
я, кто губ ее коснется, первым, кто
лица ее коснется! Пусть мне разрешат
протанцевать с ней, мне ее представить
здесь, среди стен высоких обширной крепости,
во всех четырех углах, четырех краях вселенной!
И это будет высшим знаком
моей кончины, смерти, здесь,
меж небом и землей! Пусть небо и земля
с тобой да будут, о Хоб-Тох, владыка!
В седьмой раз говорит владыка Хоб-Тох:
Киче могучий, сын людей Кавека!
Так вот, что ты желаешь, что ты просишь?
Ну что ж, пускай! Даю я разрешение
твое желанье, твою мольбу исполнить!
Да, здесь находится та, что зовут
Учуч-Кук, Учуч-Рашон, нефрит прекрасный,
что прибыла сюда из Цам-Кам-Карчака.
Рот девственен ее еще, никто не смел
еще коснуться глаз ее! Но я даю ее тебе, могучий воин,
как высший знак твоей кончины, смерти
здесь, перед ликом неба, пред лицом земли!
Рабы, пусть приведут сюда
Учуч-Кук, Учуч-Рашон, и пусть возьмет
ее храбрец и воин этот
как высший знак его кончины, смерти,
здесь, перед ликом неба, пред лицом земли!

Рабыня (говорит):

Да! Хорошо, владыка и правитель! Я приведу ее сюда для храбреца, героя этого!

Царевну подводят к воину киче.

Киче могучий воин, сын людей Кавека, вот здесь она, тебе даю я предмет твоих желаний. [...]

[...] Но остерегись,

не оскорби, не повреди Учуч-Кук,

Учуч-Рашон, будь доволен тем,

что ты ее покажешь и станцуешь с ней

среди стен высоких обширного дворца!

Воин киче приветствует царевну, которая, танцуя перед ним, удаляется так, чтобы постоянно видеть его лицо; он следует за ней таким же образом, танцуя и покачиваясь перед ней, колебля и подергивая покрывало. Так они делают круг по двору под звуки труб; после возвращаются на место около Хоб-Тоха.

В пятнадцатый раз говорит воин киче:

Хоб-Тох, владыка! Извини меня

перед ликом неба, перед лицом земли!

Вот я возвращаю ту,

что дал ты мне, ту, что сопровождала

меня! Я показал ее, я танцевал с ней,

лицом к лицу, во всех четырех углах,

всех четырех краях вселенной, здесь,

среди зданий дворца огромного. Возьми

ее обратно и храни меж стен высоких

своей обширной крепости! Мой голос

добавляет: разреши мне попросить

двенадцать храбрых твоих орлов, двенадцать

храбрых ягуаров, которых я встречал

и днем и ночью с их оружием, их стрелами в руках!

Мне разреши их попросить,

чтоб мог я позабавиться игрой

с могучими и силой своего щита

и острием моей стрелы здесь, в четырех углах,

во всех четырех краях вселенной, среди стен высоких крепости обширной! Пусть это будет высшим знаком моей кончины, смерти, здесь, меж небом и землей! С тобой да будут небо и земля, Хоб-Тох, владыка!

В восьмой раз говорит правитель Хоб-Тох:

Киче могучий воин, сын людей Кавека!

Итак, вот что сейчас сказал твой голос

перед ликом неба, перед лицом земли:

"Мне разреши, чтоб смог я попросить

двенадцать храбрых твоих орлов, двенадцать

храбрых ягуаров". Что ж, хорошо! Я дам тебе

двенадцать храбрых моих орлов, двенадцать

храбрых ягуаров, как ты желаешь, как ты просишь

перед ртом моим, перед моим лицом.

Ну что ж, тогда вперед идите,

мои орлы, о ягуары мои, и постарайтесь,

чтоб этот славный воин смог

немного позабавиться и острием своей стрелы

и силой своего щита здесь,

в четырех углах, во всех четырех краях

вселенной!

Воин киче выходит с воинами-орлами и воинами-ягуарами и исполняет вместе с ними воинственный танец вокруг двора. Затем они возвращаются к галерее, где сидят правитель и царевны.

В шестнадцатый раз говорит воин киче:

Хоб-Тох, владыка! Разреши мне перед ликом неба, перед лицом земли!

Ты дал мне, что желал я, что просил: орлов могучих, храбрых ягуаров. Я позабавился игрой своей стрелы и мощью моего щита в четырех углах, во всех четырех краях вселенной! Что же, и это - твои

орлы? А это - ягуары твои? Мне нечего сказать о них пред ртом моим, перед моим лицом! Один из них хоть зрячий, а другие совсем не видят, у них нет ни клюва орлиного, ни когтей ягуаров! О, если бы могли вы моих орлов и ягуаров повидать хотя б на миг в моих горах, моих долинах! Какой прекрасный вид у них, как смотрят они! И как прекрасно сражаются они зубами и когтями!

В девятый раз говорит повелитель Хоб-Тох:

Киче могучий воин, сын людей Кавека!

Мы прекрасно знаем когти

орлов и ягуаров, что

находятся в твоих горах, твоих долинах!

Каков же вид, каков же образ

орлов и ягуаров, что находятся

в твоих горах, твоих долинах?

В семнадцатый раз говорит воин киче:

Хоб-Тох, владыка, дай соизволение пред ликом неба, пред лицом земли! Вот что мой голос говорит последний раз

пред ртом твоим и пред твоим лицом: даруй мне, если можно, время: тринадцать раз по двадцать светлых дней, тринадцать раз по двадцать ночей, чтобы сказать последний раз "прощай" моим родным долинам, лику гор моих, где прожил жизнь я, где бродил в тех четырех углах и в четырех краях вселенной, чтобы снова я увидел места моей охоты, все места, где отдых находил себе и пищу...

Никто не отвечает на эти последние слова воина киче. Тогда, танцуя, он на мгновение исчезает, а затем, не возвращаясь к возвышению, на котором сидит правитель, приближается к воинам-орлам и воинам-ягуарам, находящимся в центре двора вокруг своеобразного жертвенника.

Воин киче (продолжает один):

О вы, орлы! И вы, о ягуары! "Он убежал", наверно вы сказали! Нет, я не убежал, ушел лишь на мгновение, чтобы сказать последнее "прощай" моим родным долинам, лику гор моих, где я охотился, где пищу добывал я на четырех углах, во всех четырех углах вселенной! О, услышь меня земля и небо! Не принесли свободы мне и счастья ни воинская доблесть, ни отвага! Искал пути под небом я бескрайним, искал дорогу на земле широкой, топча траву и раздвигая ветви

в лесу... Но ни моя решимость,

ни отвага мне не помогли...

Увы! Услышь меня, о небо и земля!

Неужто здесь я должен умереть,

здесь должен кончить жизнь,

здесь, между небом и землей?..

Куда уйдете вы, сокровища мои:

и золото, и серебро мое, и острие

стрелы моей могучей, и сила моего щита,

и палица тольтекская, и мой топор

тольтекский, и мои гирлянды,

и мои сандали?

Вернитесь вы в мои родные горы,

в мои долины, чтобы сообщить

перед лицом владыки моего,

правителя. И вот что скажет

правитель и владыка мой: "Да, слишком долго

мой храбрец и воин находится вдали, охотясь

за дичью для моего стола!"

Так говорит владыка и правитель,

но пусть он так уже не говорит -

ведь ждут меня лишь смерть и разрушение

здесь, между небом и землей...

Увы! О, помоги мне небо! О, услышь земля!

Коль суждено, что должен умереть я,

что должен кончить жизнь здесь, меж землей и небом,

то почему не стать мне этой белкой,

вот этой птицей - тем, кто умирает

на ветви дерева для них родного,

на милых и родных для них побегах,

там, где они находят пропитанье

свое, меж небом и землей?
О вы, орлы! И вы, о ягуары!
Теперь ко мне спокойно подходите,
вершите то, что должно совершиться!
Пусть зубы ваши и кривые когти
со мной покончат сразу!
Ведь я - великий воин, что пришел сюда
от гор своих, родных моих долин!
Да будут с вами небо и земля,
о вы, орлы! И вы, о ягуары!
Воины-орлы и воины-ягуары окружают воина киче и бросают его на
жертвенный камень, чтобы вырвать сердце. Все остальные образуют
общий круг, пьеса заканчивается танцем.
Конец

Диего де Ланда

СООБЩЕНИЕ О ДЕЛАХ В ЮКАТАНЕ

Текст печатается с сокращениями по изданию: Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане.
М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

ОПИСАНИЕ ЮКАТАНА

Юкатан - не остров и не мыс, выступающий в море, как полагали некоторые, а часть материка. Ошибались из-за мыса Коточ, который образует море, входящее через проход Ассенсьон в бухту Дульсе, и из-за мыса, который образует Ла Десконосида с другой стороны, по направлению к Мек-сике, перед тем как прибыть в Кампече, или из-за обширности лагуны, образуемой морем, входящим через Пуэрто-Реаль и Дос Бокас.

Эта земля очень ровна и лишена гор, поэтому не видна с кораблей, пока они не подойдут очень близко, кроме местности между Кампече и Чампотонем, где показываются несколько холмиков и среди них холм, называемый Лос Дьяблос. Если двигаться от Вера-Крус к мысу Коточ, он находится менее чем в 20 градусах, а устье Пуэрто-Реаль - более чем в 23 градусах, и от одного из этих концов до другого, вероятно, около 130 лиг расстояния по прямой дороге. Берег ее низкий, и поэтому большие корабли ходят несколько удалившись от земли.

Берег усеян скалами и острым сланцем, которые портят много корабельных канатов; на нем много ила, поэтому, если корабли выбрасывает на берег, погибает мало людей.

Морской отлив настолько велик, особенно в заливе Кампече, что в некоторых местах часто оставляет поллиги берега сухим. При таких больших отливах в водорослях, иле и лужах остается много мелкой рыбы, которой питается множество людей.

Небольшая горная цепь пересекает Юкатан от одного угла до другого; она начинается около Чампотона и доходит до города Саламанка, который находится в углу, противоположном Чампотону. Эти горы делят Юкатан на две части: южная часть, к Лакандону и Танце, безлюдна из-за недостатка воды, которой там нет, кроме дождевой. Другая часть, северная, населена.

Эта страна очень жаркая, и солнце сильно жжет, хотя там нет недостатка в прохладных ветрах, как бриз, или солано, который там обычно господствует, и вечерний ветер с моря.

Люди в этой стране живут долго, нашелся человек 140 лет. Зима начинается со дня св. Франсиска и длится до конца марта, потому что в это время дуют северные ветры; они вызывают сильные простуды и лихорадки, так как жители плохо одеты. К концу января и в феврале бывает короткое лето с палящим солнцем; дождь не идет в это время, кроме как в новолуние. Дожди начинаются с апреля и продолжаются до конца сентября; в это время жители делают все свои посевы, которые созревают, несмотря на постоянные дожди; они сеют в день св. Франсиска особый сорт кукурузы, который вскоре собирают.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮКАТАНА

Эта провинция на языке индейцев называется у луумил куц йетел к.ех, что означает "страна индюков и оленей"; они называют ее также Петен, что значит "остров", так как их вводят в заблуждение упомянутые бухты и заливы. Когда Франсиско Эрнандес де Кордова прибыл в эту землю, высадившись на мысе, который он назвал Коточ, он нашел ин-

1 4 октября. Под "зимой" следует понимать сухой сезон.

дейских рыбаков и спросил у них, что это за земля; они ему ответили коточ, что значит "наши дома" и "наша родина", и оттого мысу было дано это имя. Затем он спросил их знаками, какая это страна; они ответили ки у тан, что означает "так они говорят", отсюда испанцы называют ее Юкатан¹. Это рассказывал один из старых завоевателей по имени Блае Эрнандес, который был с аделантадо² в первый раз.

В южной части Юкатана находятся реки Таицы и горы Лакандона; на юго-западе расположена провинция Чиapas; чтобы пройти в нее, нужно пересечь четыре реки, которые спускаются с гор и вместе с другими образуют Сан-Педро и Сан-Пабло, реку, открытую Грихальвой в Табаско; на западе находятся Шикаланго и Табаско, это одна и та же провинция.

Между этой провинцией Табаско и Юкатаном есть два устья, прорытые морем в береге. Большое из них имеет широкую открытую бухту, другое не столь широко. Море устремляется в эти устья с такой яростью, что образуется большая лагуна, изобилующая всякими рыбами. Она так наполнена островками, что индейцы делают значки на деревьях, чтобы найти дорогу, отправляясь и возвращаясь водой из Табаско в Юкатан. Эти острова, их отмели и песчаные берега полны столь разнообразными морскими птицами, что это достойно удивления и прекрасно. Там водятся также бесконечное множество дичи - оленей, кроликов и свиней, тех, что есть в этой стране, и обезьян, которых нет в Юкатане. Поражает множество игуан. На одном из этих островов есть селение, называемое Тишч'ель*.

Прежде, нежели прижилось название "Юкатан", испанцы называли эту область "Островом Святой Марии".

2 Имеется в виду завоеватель Юкатана Франсиско Монтехо.

3 Тишч'ель - "место богини Иш Ч'ель" - селение в 25 км к северо-востоку от восточного окончания бухты Сабанкуй. В развалинах его сохранились три пирамиды и скульптурная стела.

К северу от Юкатана находится остров Куба, в 60 лигах прямо напротив Гавана, немного впереди - островок, принадлежащий Кубе, который называют Сосновым. К востоку расположен Гондурас; между Гондурасом и Юкатаном очень большой морской залив, который Грихальва назвал заливом Вознесения, Он полон островков, и на них погибают корабли, главным образом торговые, идущие из Юкатана в Гондурас. Вот уже 15 лет как погибла барка со многими людьми и товарами. Они потерпели крушение, и все потонуло, кроме некоего Махуэласа и четырех других, которые схватились за большой обломок корабельной мачты. Они плавали таким образом три или четыре дня, но не могли пристать к какому-либо островку; когда у них не хватило сил, они утонули, кроме Махуэласа, который спасся полумертвым и восстановил силы, питаясь улитками и съедобными ракушками. От островка он добрался до материка на плоту, который соорудил из ветвей, как мог лучше. Приплыв на материк и отыскивая пищу на берегу, он наткнулся на рака, который его укусил за первый сустав большого пальца чрезвычайно больно. Тогда он пошел наудачу через густой лес, направляясь в город Саламанку. С наступлением ночи он взобрался на дерево и оттуда увидел большого тигра, который подстерегал лань и затем убил ее. Утром Махуэлас доел то, что от нее осталось.

Несколько ниже мыса Коточ, между Юкатаном и Косумелем, море образует канал в 5 лиг с очень сильным течением. Косумель - остров 15 лиг в длину и 5 в ширину; индейцев там мало; их язык и обычаи те же, что в Юкатане; Косумель находится в 20 градусах по эту сторону от экватора. Остров Женщин расположен в 30 лигах ниже мыса Коточ, в 2 лигах от материка, напротив Эк'аба.

ОТКРЫТИЕ ЮКАТАНА ИСПАНЦАМИ

Первыми испанцами, приставшими к Юкатану, были, как говорят, Херонимо де Агиляр, родом из Эсихи, и его спутники. Во время беспорядков в Дарьене из-за ссоры между Диэго де Никуэса и Васко Нуньес де Балбоа в 1511 г. они сопровождали Вальдивья, отправившегося на каравелле в Санто-Доминго, чтобы дать отчет в том, что происходило, адмиралу и губернатору, а также чтобы отвезти 20 тысяч дукатов пятинны короля. Эта каравелла, приближаясь к Ямайке, села на мель, которую называют "Змеи", где и погибла. Спаслось не более 20 человек, которые с Вальдивья сели в лодку без парусов, с несколькими плохими веслами и без каких-либо припасов; они плавали по морю 13 дней; после того как около половины умерло от голода, они достигли берега Юкатана в провинции, называемой Майя; поэтому язык Юкатана называется майятан, что значит "язык Майя".

Эти бедные люди попали в руки злого касика, который принес в жертву своим идолам Вальдивья и четырех других и затем устроил из их тел пиршество для своих людей; он оставил, чтобы откормить, Агиляра, Герреро и пять или шесть других, но они сломали тюрьму и убежали в леса. Они попали к другому сеньору, врагу первого и более кроткому, который их использовал как рабов. Наследник этого сеньора относился к ним очень милостиво, но они умерли от тоски; остались только двое, Херонимо де Агиляр и Гонсало Герреро;

1 Слово "майя" впервые встречается у Бартоломе Колумба при описании им встречи Христофора Колумба в последнее путешествие с торговым каное "из провинции, называемой Майям". По "Сообщениям из Юкатана", индейцев провинции Купуль и Кочвах прежде презрительно называли "ах-майя", как людей "подлых" и "несообразительных". Это прозвище было дано им индейцами провинции Чик'инчель.

из них Агиляр был добрым христианином и имел молитвенник, по которому знал праздники; он спасся с приходом маркиза Эрнандо Кортеса в 1518 г. Герреро же, понимавший язык индейцев, ушел в Чектемаль, где теперь Саламанка в Юкатане. Там его принял один сеньор, по имени На Чан Кан, который

ему поручил руководство военными делами; в этом он разбирался очень хорошо и много раз побеждал врагов своего сеньора. Он научил индейцев воевать, показав им, как строить крепости и бастионы. Благодаря этому и ве- дя себя подобно индейцу, он приобрел большое уважение; они женили его на очень знатной женщине, от которой он имел детей; поэтому он никогда не пытался спастись, как сделал Агиляр; напротив, он татуировал тело, отрастил во- лосы и проколол уши, чтобы носить серьги, подобно индей- кам, и, вероятно, стал идолопоклонником, как они¹.

В 1517 г. в Великий пост Франсиско Эрнандес де Кордо- ва отправился из Сант-Яго на Кубе с тремя кораблями, что- бы выменять рабов для рудников, ибо население Кубы уже уменьшилось; другие говорят, что он отправился открывать новые земли; лоцманом у него был Аламинос². Он прибыл на Остров Женщин, которому дал это имя из-за найденных им там идолов богинь той земли, как-то Иш Ч'ель, Иш Чебель Яш, Иш Хуние, Иш Хуниета³, у которых была надета вни- зу повязка и закрыты груди, по обычаю индианок. Здание было из камня, что их удивило; они нашли несколько золо- тых вещей и взяли их; затем они пристали к мысу Коточ и от-

¹ Герреро погиб, сражаясь на стороне индейцев против испанских войск.

¹ Антон де Аламинос - пилот ("лоцман") Колумба в последнее путеше- ствие. Пилот исполнял обязанности штурмана.

³ Возможно, Иш Ч'ель и Иш Чебель Яш - одна и та же богиня. Испан- ский хронист Лас Касас писал, что христианизированные индейцы отожде- ствляли Бакаба с Христом и полагали, что он был рожден девой Иш Чебель Яш, дочерью Иш Ч'ель. По другим источникам, Иш Ч'ель была матерью Иш Чебель Яш, жены Ицамны, и бабушкой Бакабов.

туда проплыли до залива Кампече, где высадились в воскре- сенье в день св. Лазаря¹ и поэтому назвали его Лазаревым. Они были хорошо приняты сеньором, а индейцы, поражен- ные видом испанцев, трогали их бороды и тела.

В Кампече испанцы нашли здание в море, недалеко от земли, квадратное и все ступенчатое; на его вершине нахо- дились идол с двумя свирепыми животными из камня, кото- рые пожирали его бока, и длинная и толстая каменная змея, глотающая льва; эти животные были покрыты кровью жертв.

В Кампече они узнали, что поблизости есть большой го- род. Это был Чампотон. Когда они прибыли туда, сеньор по имени Моч Ковох, человек воинственный, призвал своих людей против испанцев. Франсиско Эрнандес с сокрушени- ем видел, что подготавливалось, и, чтобы не показаться менее мужественным, он также построил своих людей в боевой по- рядок и пустил в ход артиллерию кораблей. Хотя звук, дым и огонь выстрелов были новыми для индейцев, они не пере- ставали нападать с громким криком. Испанцы сопротивля- лись, нанося много жестоких ран и убивая многих. Но сень- ор их настолько воодушевил, что они заставили испанцев отступить. Они убили двадцать, ранили пятьдесят, а двух взяли живыми и затем принесли в жертву. Франсиско Эр- нандес отплыл с 33 ранами и печально возвратился на Кубу, где объявил, что новая земля очень хороша и богата, судя по золоту, которое он нашел на Острове Женщин.

Эти новости возбудили Диего Веласкеса, губернатора Кубы, и многих других; он послал своего племянника Хуана де Грихальву с четырьмя кораблями и двумя сотнями людей; с ним был Франсиско де Монтехо, которому принадлежал один корабль. Они отправились 1 мая 1518 г. Они взяли

¹ 23 февраля 1517 г.

с собой того же лоцмана Аламиноса. Прибыв на остров Ко- сумель, лоцман увидел оттуда Юкатан. Но в первый раз, с Франсиско Эрнандесом, он поплыл направо, а на этот раз по- вернул налево, чтобы узнать, остров ли это. Они поплыли по заливу, названному ими заливом Вознесения, потому что в этот день они вошли в него. Затем они вернулись обратно вдоль бе- рега, пока не прибыли второй раз в Чампотон. Когда они запа- сались пресной водой, у них убили одного человека и пятьдесят ранили, среди них двумя стрелами ранили Грихальву и выбили ему полтора зуба. Поэтому они удалились и назвали этот порт портом Злой Битвы. В эту поездку они открыли Новую Испа- нию, Пануко и Табаско и потратили на это пять месяцев. Ког- да они хотели высадиться на берег в Чампотоне, индейцы им препятствовали с такой смелостью, что на своих лодках подь- езжали к самым каравеллам, чтобы пускать в них стрелы. По- этому они подняли паруса и удалились.

Когда Грихальва возвратился после своих открытий и ме- новой торговли в Табаско и У\уа, великий капитан Эрнандо Кортес находился на Кубе; услышав новости о такой стране и таких богатствах, он пожелал ее увидеть и приобрести для Бога, для короля, для себя и для своих друзей.

ЭКСПЕДИЦИЯ КОРТЕСА

Эрнандо Кортес отправился с Кубы с И кораблями, из которых наибольший был в 100 бочонков, и назначил на них И капитанов, будучи сам одним из них. Он увез 500 че- ловек, несколько лошадей и мелочной товар для обмена. Франсиско де Монтехо был у него капитаном, а упомянутый Аламинос - главным лоцманом эскадры. На флагманском корабле он водрузил знамя белого и голубого цветов в честь нашей владычицы, изображение которой вместе с крестом он

помещал всегда в местах, откуда выбрасывал идолов. На знамени изображен был красный крест, окруженный надписью, гласящей: *Amici, sequamur crucem, si nos habuerimus fidem in hoc signo vincemus* ("Братья, последуем кресту; имея веру, сим знаком победим")¹. С этим флотом, без другого снаряжения, он отправился и прибыл на Косумель с десятью кораблями, так как один отделился от него в бурю; позже он нашел его на побережье. Он пристал к северной части Косумеля и нашел красивые каменные здания для идолов и большое селение. Жители, увидев столько кораблей и высаживающихся на берег солдат, все убежали в леса. Испанцы вошли в селение, разграбили его и расположились в нем. Разыскивая в лесах жителей, они наткнулись на жену сеньора с детьми. С помощью индейца-переводчика Мельчиора, который приезжал вместе с Франсиско Эрнандесом и Грихальвой, они узнали, что это была жена сеньора. Кортес обладал ее и ее детей и побудил их позвать сеньора; когда тот явился, он обращался с ним очень хорошо, подарил ему несколько безделушек, возвратил ему жену и детей и все имущество, взятое в селении. Он просил его вернуть индейцев в их дома и отдавал каждому из возвратившихся то, что ему принадлежало. Упокоив их, он возвестил им суетность их идолов и убедил их поклоняться кресту, который поместил в их храмах вместе с изображением нашей владычицы, и этим прекратил публичное идолопоклонство.

Там Кортес узнал, что какие-то бородатые люди находятся в шести днях пути во власти одного сеньора; он пытался уговорить индейцев пойти позвать их и нашел одного, который согласился пойти, хотя с трудом, ибо они боялись сеньора бородатых. Он написал им следующее письмо:

¹ Изречение взято со знамени императора Константина.

"Благородные сеньоры, я отправился с Кубы с эскадрой в 11 кораблей и 500 испанцев; я прибыл сюда, на Косумель, откуда пишу вам это письмо. Жители этого острова меня уверили, что в этой стране есть пять или шесть бородатых людей, во всем похожих на нас; они не могли мне дать или описать другие приметы, но по этим я догадываюсь и считаю несомненным, что вы испанцы. Я и эти идальго, которые пришли со мной населить и открыть эти страны, мы вас очень просим в течение шести дней после получения этого письма прийти к нам, без отсрочек и оправданий. Если вы придете, мы все будем признательны и вознаградим вас за большую помощь, которую от вас получит эта эскадра. Я отправляю бригантину, чтобы вы в нее сели, и два корабля в помощь".

Индейцы отнесли это письмо, спрятав в волосах, и отдали его Агиляру. Так как индейцы задержались более назначенного времени, их сочли мертвыми, и корабли вернулись в порт Косумеля. Кортес, видя, что ни индейцы, ни бородатые люди не возвращаются, поднял паруса на следующий день. Но в этот день один из кораблей дал течь, и они принуждены были вернуться в порт, чтобы починить его. Агиляр, получив письмо, переплыл на лодке канал между Юкатаном и Косумелем. Бывшие на эскадре, заметив его, пошли посмотреть, кто это был. Агиляр их спросил, христиане ли они. Они ему ответили, что да и что они испанцы. Он заплакал от радости, преклонив колена, воздал хвалу Богу и спросил у испанцев, среда ли был этот день. Испанцы привели его голого, как он пришел, к Кортесу, который одел его и проявил много дружбы. Агиляр рассказал ему о своем кораблекрушении, тягостях, смерти своих спутников и невозможности уведомить в столь короткое время Герреро, который находился более чем в 80 лигах оттуда¹.

¹ По словам Бернала Диаса, Агиляр видел Герреро, но последний отказался вернуться к испанцам.

Так рассказал Агиляр; он был очень хорошим переводчиком, и Кортес снова начал проповедовать поклонение кресту и выбрасывать идолов из храмов. Говорят, что проповедь Кортеса произвела такое впечатление на жителей Косумеля, что они выходили на берег, говоря испанцам, которые там проходили: "Мария, Мария, Кортес, Кортес".

Кортес уехал оттуда, зайдя мимоходом в Кампече, и не остановился до Табаско, где, среди других вещей и индианок, подаренных ему жителями Табаско, они ему дали одну индианку, которая впоследствии называлась Марина. Она была из Шалиско, дочь знатных родителей, похищенная маленькой и проданная в Табаско, откуда ее перепродали затем в Шикаланго и Чампотон, где она выучилась языку Юкатана, на котором разговаривала с Агиляром.

Таким образом Бог снабдил Кортеса хорошими и верными переводчиками, от которых он получил сведения и узнал о делах в Мексике. Из бесед с индейскими торговцами и благородными людьми Марина была хорошо осведомлена о них, так как они говорили об этом каждый день.

ПРОВИНЦИИ ЮКАТАНА. ДРЕВНИЕ ПОСТРОЙКИ

Некоторые юкатанские старики говорят, слышав от своих предков, что эта страна была заселена неким народом, пришедшим с востока¹, который был спасен Богом, открывшим

¹ Очевидно, имеется в виду период, когда были основаны города на восточном побережье Юкатана - Цибанче, Ичпаатун, Тулум и Коба. Найденные здесь стелы датированы концом VI - началом VII в. Хроника "Чилам Балам из Мани" также сообщает, что в "к'атуне 6 Ахау" (435~455 гг.) майя населяли провинцию Сийян-кан и находились там 60 лет, после чего был основан город Чичен-Ица.

ему двенадцать дорог через море. Если бы это было истинно, тогда пришлось бы считать, что все жители Индий происходят от евреев, а для того, чтобы пересечь пролив Магеллана, они должны были идти, распространившись более чем на две тысячи лиг по стране, где сейчас управляет Испания.

В этой стране только один язык, что очень удобно для сношений, хотя на побережьях есть некоторые различия в словах и в манере говорить. Жители берегов также более изящны в обращении и языке, женщины покрывают грудь, чего не делают остальные женщины внутри страны.

Эта страна разделена на провинции, подчиненные ближайшим испанским поселениям. Провинция Чектемаль и Бак'халаль подчинена Саламанке. Провинции Эж'аб, Кочвах и Купуль подчинены Вальядолиду. Провинции Ах К'ин Чель и Исамаль, Сотута, Хокаба и Хомун, Тутуль Шиу, Кех Печ и Чак'ан подчинены городу Мерила. Провинции Ах Кануль, Кампече, Чампотон и Тишч'ель управляются из Сан-Франсиско в Кампече.

В Юкатане много зданий большой красоты; это наиболее замечательная вещь из открытых в Индиях. Все они из очень хорошо вытесанного камня, хотя в этой стране нет никакого металла, которым можно было бы тесать. Эти здания очень похожи одно на другое и являются храмами. Их было столько потому, что жители много раз переселялись, и в каждом поселении они строили храм, пользуясь изобилием камня, извести и белой земли, превосходной для построек.

Все эти постройки сделаны не другими народами, а индейцами, что видно по каменным обнаженным людям, прикрытым длинными полосами, которые называются на их языке эш, и с другими отличительными знаками, которые носят индейцы.

Когда монах, автор этой книги, был в этой стране, нашелся в одном здании, которое они разрушили, большой кувшин с тремя ручками, окрашенный в серебристые цвета сна-

ружи; внутри были пепел сожженного тела, несколько костей рук и ног удивительной величины и три куска хорошего камня, из тех, что индейцы употребляли как монеты.

Этих построек в Исамале было всего И или 12; не сохранилось памяти об их основателях. В одной из них по просьбе индейцев в 1549 г. был устроен монастырь, называющийся Сант-Антонио.

Из других построек наиболее значительные в Тихоо и Чичен-Ице, которые будут описаны далее. Чичен-Ица - очень хорошее поселение в 10 лигах от Исамала и в 11 лигах от Вальядолида. Как говорят, там царствовали три брата-сеньора, пришедшие в эту страну с запада; они были очень набожны и поэтому строили очень красивые храмы и жили без женщин, очень скромно. Но когда один из них умер или удалился, другие сделались несправедливыми и бесчестными, и за это их умертвили¹. Мы нарисуем далее план главного здания и опишем вид колодца, куда они бросали в жертву живых людей и также драгоценные вещи. Он имеет более 7 эстадо глубины до воды, более ста ступней в ширину и сделан круглым в обрывистой скале удивительным образом²; вода кажется зеленой; говорят, что причиной этому роща, которой он окружен.

* Рассказ Ланда о трех "братьях-сеньорах" связан с историческими событиями X-XII вв., а именно с тольтекским завоеванием Чичен-Ицы, 200-летним периодом гегемонии Чичен-Ица и, наконец, с изгнанием из Чичен-Ицы правителя Чак Шиб Чака в результате начавшихся войн.

Индийский историк Гаспар Антонио Чи пишет в "Сообщении из Текауто и Тепакана": "В некий времена вся эта страна была под властью одного сеньора, который жил в древнем городе Чичен-Ица; его данниками были все сеньоры этой провинции, и даже извне, из Мексики, Гватемалы и Чиапаса и других провинций, ему посылали дары в знак мира и дружбы... Говорят, что жители Чичен-Ицы не были идолопоклонниками, пока К'ук'улькан, мексиканский капитан, не пришел в зги области; он научил идолопоклонству, или, как они говорят, нужда научила их идолопоклонству".

² Фактический диаметр колодца 45-55 м, глубина до воды около 20 м.

К'УК'УЛЬКАН. ОСНОВАНИЕ МАЙЯПАНА

По мнению индейцев, с ицами, которые поселились в Чичен-Ице, пришел великий сеньор К'ук'улькан. Что это истинно, показывает главное здание, которое называется К'ук'улькан. Говорят, что он пришел с запада, но они расходятся друг с другом, пришел ли он ранее или позже ицов либо вместе с ними. Говорят, что он был благосклонным, не имел ни жены, ни детей и после своего ухода считался в Мексике одним из их богов, Кецалькоатлем¹. В Юкатане его также считали богом, так как он был великим правителем, и это видно по порядку, который он установил в Юкатане после смерти сеньоров, чтобы смягчить раздоры, вызванные в стране их убийством.

Этот К'ук'улькан, договорившись с местными сеньорами страны, занялся основанием другого города, где он и они могли бы жить и где сосредоточились бы все дела и торговля. Для этого они выбрали очень хорошее место в 8 лигах дальше в глубь страны от современной Мериды и в 15 или 16 лигах от моря. Они окружили его очень толстой стеной из сухого камня², приблизительно в полчетверти лиги, оставив только двое тесных ворот. Стена была не очень высокая; в середине этой ограды они построили свои храмы и наибольший, подобный храму в Чичен-Ице, назвали К'ук'улькан. Они построили другой, круглый, с четырьмя дверями, отличный от всех в этой стране, и много других вокруг, близко

друг к другу. Внутри этой ограды они построили дома только для сеньоров, между которыми разделили всю страну, раздав каждому селения по древности его рода и личным заслугам. К'ук'улькан дал городу не свое имя, как сделали ицы в Чи-

¹ К'ук'улькан на языке майя и Кецалькоатль по-ацтекски значит "кецаль- змей" (кецаль - название птицы).

1 То есть из одного камня, без каких-либо цементирующих веществ.

чен-Ице, что означает "колодец ицов", а назвал его Майя- пан, что значит "знамя майя"¹, ибо они язык страны назы- вают майя, индейцы же называют этот город Ичпа, что зна- чит "внутри ограды".

К'ук'улькан жил с сеньорами несколько лет в этом горо- де, затем оставил их в глубоком мире и дружбе и возвратил- ся по той же дороге в Мексику. По пути он остановился в Чампотоне и в память о себе и своем уходе воздвиг в море хорошее здание, наподобие тех, что в Чичен-Ице, на рас- стоянии хорошего броска камнем от берега². Таким образом К'ук'улькан оставил о себе вечную память в Юкатане.

УПРАВЛЕНИЕ, ЖРЕЧЕСТВО И НАУКИ

Когда К'ук'улькан удалился, сеньоры согласились для долговечности государства поручить верховную власть дому Кокомов, потому что он был наиболее древним или наибо- лее богатым или же потому, что им управлял тогда человек наиболее доблестный. Так как внутри стен были только хра- мы, дома сеньоров и великого жреца, они приказали постро- ить вне ограды дома, где каждый из них мог иметь слуг и где жители их селений могли бы остановиться, приходя в город по делам. В этих домах каждый сеньор назначил своего май-

1 Гаспар Антонио Чи в "Сообщении из Кинакама" говорит, что Майяпа- ну были подчинены все юкатанские провинции. Город был окружен стенами, сделанными из камня и извести. Внутри стен находилось более 60000 домов, не считая предместий вне стен. По археологическим данным, стены Майяпа- на имели 8850 м в окружности.

2 По словам испанского хрониста Эрреры, во времена испанского завое- вания на острове около Потончана можно было видеть храм, воздвигнутый в честь поселения К'ук'улькана. Лас Касас пишет, что в провинции Шика- ланго помнили о прибытии много веков назад с востока двадцати вождей во главе с К'ук'ульканом.

ордома; он носил в качестве отличительного знака короткий и толстый жезл; называли его кальвак. Он ведал селениями и теми, кто ими управлял. Они извещались о том, что было необходимо в доме сеньора, как-то: птица, кукуруза, мед, соль, рыба, дичь, одежда и другие вещи. Кальвак постоян- но посещал дом сеньора, следил за тем, что было в нем нуж- но, и тотчас снабжал этим, потому что его дом был как бы конторой сеньора.

Был обычай отыскивать в селениях калек и слепых, что- бы давать им необходимое.

Сеньоры назначали правителей и, если были согласны, утверждали в тех же должностях их сыновей; они поручали им хорошо обращаться с простыми людьми, поддерживать мир в селении и заботиться о работах, которые бы обеспечи- ли и их и сеньоров.

Все сеньоры обязаны были уважать, посещать и увесе- лять Кокрма, сопровождая его, торжественно принимая его и помогая ему во всех важных делах. Они жили в большом мире между собой и много развлекались, по обычаю, танца- ми, пиршествами и охотой.

Жители Юкатана были настолько же внимательны к де- лам религии, как и управления. Они имели великого жреца, которого называли Ах К'ин Май или другим именем, Ахау Кан Май, что значит "жрец Май", или "великий жрец Май"; он был очень уважаем сеньорами; у него не было по- местья с индейцами, но сверх приношений ему давали по- дарки сеньоры, и все жрецы селений платили ему подать. Ему наследовали в его достоинстве сыновья или наиболее близкие родичи. У него был ключ к их наукам, и ими они бо- лее всего занимались; они давали советы сеньорам и ответы на их вопросы. Дел, связанных с жертвоприношениями, он касался в редких случаях, только при наиболее значитель- ных праздниках и при важнейших делах. Они назначали

жрецов в селения, когда их не хватало, испытывая их в на- уках и церемониях, и поручали им дела их должности, обя- зывая их быть хорошим примером для народа, снабжали их книгами и отправляли. Эти жрецы заботились о службе в храмах, обучении своим наукам и писании книг о них.

Они обучали сыновей других жрецов и младших сыновей сеньоров, которых им приводили для этого еще детьми, ес- ли замечали, что они склонны к этому занятию.

Науки, которым они обучали, были: счет лет, месяцев и дней, праздники и церемонии, управление их святынями, несчастные дни и времена, их способы предсказания и их про- рочества, события, лекарства против болезней, памятники древности, умение читать и писать буквами и знаками, кото- рыми они писали, и фигурами, которые объясняли письма. Они писали свои книги на большом листе, согнутом складка- ми, который сжимали между двумя дощечками, сделанными очень красиво. Они писали с одной и с другой стороны столб- цами, следуя порядку складок; эту бумагу они делали из кор- ней одного дерева и покрывали ее белым лаком, на котором можно хорошо писать. Некоторые знатные

сеньоры знали эти науки из любознательности, и поэтому они были еще более уважаемы, хотя не пользовались этим публично.

ПРИХОД ТУТУЛЬ ШИУ. ТИРАНИЯ КОКОМОВ

Индейцы рассказывают, что с юга пришло в Юкатан много племен со своими сеньорами и, кажется, они пришли из Чиापаса, хотя индейцы не знают этого. Но автор предполагает это потому, что множество слов и спряжений глаголов одинаковы в Юкатане и Чиапасе, и потому, что в области Чиапаса много следов покинутых селений. Они говорят, что эти племена сорок лет блуждали в безлюдных местностях

Юкатана, не имея там воды, кроме дождевой, и что в конце этого времени они пришли к горам, которые расположены почти напротив города Майяпана, в десяти лигах от него. Там они начали селиться и строить хорошие здания во многих местах. Жители Майяпана вступили с ними в тесную дружбу и радовались, что они возделывают землю, как и местные жители. Таким образом, люди Тутуль Шиу¹ покорились законам Майяпана и породнились одни с другими, а Шиу, сеньор Тутуль Шиу, сделался самым почитаемым из всех.

Эти племена жили настолько мирно, что не было никаких раздоров. Они не употребляли ни оружия, ни луков, даже для охоты, хотя тотчас сделались превосходными стрелками. Они употребляли только силки и ловушки, которыми ловили много дичи. У них было также особое искусство метать дротики с помощью деревяшки толщиной в два или три пальца, просверленной около третьей части длины, и длиной в 6 пядей. С помощью ее и нескольких веревок они бросали сильно и точно.

¹ Столицей Тутуль Шиу был город Ушмаль, один из самых больших в Юкатане. Согласно хроникам майя, перед приходом в Юкатан Тутуль Шиу жили в стране Ноноваль (современный мексиканский штат Табаско). Гаспар Антонию Чи пишет в "Сообщениях из Юкатана": "В некие времена вся эта страна была под властью одного сеньора, в то время когда царствовали сеньоры Чичен-Ицы, и продолжалось их господство более двухсот лет. Много времени спустя был основан город Майяпан, где неограниченно правил сеньор, которого звали Тутуль Шиу. От него происходят местные сеньоры города Мани королевской короны; он правил страной более умением и добром, чем войной, дал законы, установил церемонии и обряды, обучил буквам и упорядочил знать и рыцарство; дань же, которую ему давали, состояла только в подношении одной курицы каждый год, небольшого количества кукурузы во время жатвы и меда. Во время испанского завоевания этих провинций было уже много сеньоров и касиков, потому что после разрушения Майяпана, древнего города, где упомянутый Тутуль Шиу был сеньором, не было постоянно-го мира в этих провинциях, но каждая провинция имела своего касика или сеньора, и такой ее нашли завоеватели".

Они имели законы против преступников и строго наказывали их; так, прелюбодея они отдавали оскорбленному мужу, чтобы он убил его, бросив ему в голову с высоты большой камень, или простил его, если хотел. Прелюбодейки не несли другого наказания, кроме бесчестия, что для них было очень тяжело. Того, кто насилует девушку, они убивали, побивая камнями. Рассказывают один случай, когда сеньор Тутуль Шиу, имевший брата, который совершил это преступление, побил его камнями и затем забросал его большой кучей камней. Говорят, что прежде основания этого города у них был другой закон, который повелевал у прелюбодеев вырывать внутренности через пупок.

Правитель Коком стал домогаться богатств¹, поэтому он договорился с людьми гарнизонов, которые короли Мексики имели в Табаско и Шикаланго, что сдаст им город, и таким образом привел мексиканцев в Майяпан. Он угнетал бедных и многих обратил в рабство. Сеньоры убили бы его, если бы не страх перед мексиканцами. Сеньор Тутуль Шиу никогда не соглашался* с этим угнетением. Находясь в таком положении, жители Юкатана научились у мексиканцев владеть оружием и стали мастерски пользоваться луком и стрелами, копьем и топориком, щитами и прочными панцирями из соли и хлопка, как и другим военным снаряжением. Они уже не восхищались мексиканцами и не боялись их, а, наоборот, стали мало считаться с ними. Так прошло несколько лет.

Этот Коком первый начал обращать в рабство. Однако это зло вызвало применение оружия, которым они защищались, чтобы не стать все рабами.

¹ Многие комментаторы считают, что здесь идет речь о знаменитом Хунаке Келе, завоевателе Чичен-Ицы (конец XII в.). В действительности Ланда скорее всего имеет в виду события после возвышения Майяпана в конце XIII в.

Среди наследников дома Кокомов был один очень надменный подражатель Кокома; он вступил в новый союз с Табаско и привел еще больше мексиканцев в город.

Он начал тиранствовать и обращать в рабство простой народ; поэтому сеньоры объединились с партией Тутуль Шиу, который был великим гражданином, как и его предки. Они решили убить Кокома и исполнили это, убив также всех его сыновей, кроме одного, отсутствовавшего. Они разграбили его дом и захватили его поместья, где у него были плантации какао и других плодовых деревьев, говоря, что они вознаграждают себя за то, что у них было ограблено. Между Кокомами, которые считали себя

несправедливо свергнутыми, и Шиу продолжались такие раздоры, что, прожив в этом городе более 500 лет, они покинули и опустили его, удалившись каждый в свою землю.

КОКОМЫ В СОТУТЕ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛЕЙ

По исчислению индейцев прошло 120 лет после оставления Майяпана. На месте этого города находится семь или восемь камней, 10 ступней длиной каждый, закругленных с одной стороны и хорошо обработанных. Там имеется несколько строк, написанных знаками, которые они употребляют, но так как они стерты водой, их невозможно прочесть. Полагают, однако, что они поставлены в память основания и разрушения этого города. Другие похожие есть в Силане, поселении на берегу, хотя более высокие. Местные жители, спрошенные о них, отвечают, что был обычай воздвигать один из этих камней через каждые 20 лет, число, которое они употребляют, чтобы считать свои века. Но кажется, что они ошибаются, потому что в таком случае их было бы го-

раздо больше, однако их нет в других поселениях, кроме Майяпана и Силана.

Наиболее важное, что унесли в свои земли сеньоры, покинувшие Майяпан, это книги их наук, ибо они всегда были покорны советам своих жрецов; поэтому и столько храмов в этих провинциях.

Сын Кокома, который избежал смерти, так как отсутствовал по торговым делам в земле Ухуа, что перед городом Саламанка, когда узнал о смерти своего отца и о разрушении города, как можно скорее возвратился. Он соединил своих родственников и вассалов и основал поселение, которое назвал Тибулон, что означает "мы проиграли"¹. Они построили много других поселений в этих лесах, и произошли многие фамилии от этих Кокомов, а провинция, где управлял этот сеньор, называется Сотута.

Сеньоры Майяпана не стали мстить мексиканцам, которые помогали Кокому, ввиду того, что они были приглашены правителем страны, и потому, что они были иностранцами. Поэтому их отпустили, дав им возможность основать свое отдельное поселение или покинуть страну; но они не должны были вступать в брак с местными жителями, а только между собой. Мексиканцы предпочли остаться в Юкатане и не возвращаться к лагунам и москитам Табаско. Они поселились в провинции Кануль, где им было указано, и оставались там до второй войны с испанцами.

Рассказывают, что среди 12 жрецов Майяпана был один очень мудрый; свою единственную дочь он выдал замуж за благородного юношу по имени Ах Чель. Последний имел сыновей, носивших по обычаю страны имя отца. Рассказы-

¹ Это, очевидно, народная этимология. На самом деле, Тибулон значит "место девяти". Это название связано с космографическими представлениями майя, различавшими 5 земных точек (страны света и центр земли), 4 небесные и 4 подземные. Столица Кокома должна была стать центром неба и земли.

вают, что жрец предсказал своему зятю разрушение этого города. Зять хорошо знал науки своего тестя, который, как говорят, написал на его левой руке некоторые буквы большой важности, чтобы он стал почитаемым. С этой милостью он поселился на берегу, а затем обосновался в Текохе, сопровождаемый большим количеством людей. Так возникло это славное поселение Челей, и они населили самую лучшую провинцию Юкатана, которую называют по их имени провинцией Ах К'ин Чель; это то же, что провинция Исамаль, где обитали эти Чели, и они умножились в Юкатане до прихода аделантадо Монтехо.

Между тремя домами главных сеньоров, какими были Кокомы, Шиу и Чели', происходили раздоры и вражда, которые продолжаются до сегодняшнего дня, хотя они стали христианами. Кокомы говорили о Шиу, что те были иностранцами и предателями, убившими своего законного сеньора и разграбившими его владения. Шиу говорили, что они столь же благородны, столь же древни, и такие же сеньоры, как и Кокомы, и что они, убив тирана, были не предателями, а освободителями родины. Чель говорил, что он столь же благороден, как и они, по происхождению, будучи внуком наиболее почитаемого жреца Майяпана, и что он лично был лучше их, так как сумел сделаться таким же сеньором, как они. При этом они делали друг другу пищу безвкусной, так как Чель, заняв побережье, не хотел давать ни рыбы, ни соли Кокому, заставляя его ходить очень далеко за ними, а Коком не разрешал доставлять к Челю дичь и фрукты.

¹ Во время испанского завоевания Кокомы правили в Сотуте, Шиу - в Мани и Чели - в Ицмале.

БЕДСТВИЯ В ЮКАТАНЕ

Эти люди жили более 20 лет в изобилии и благоденствии. Они настолько умножились, что вся страна казалась одним сплошным селением. Тогда строились храмы в столь большом количестве, что их можно видеть теперь во всех частях страны; пробираясь по лесам, можно увидеть среди деревьев основания домов и зданий, чудесно сделанных.

После этой счастливой поры в одну зимнюю ночь подул ветер, часов с шести вечера, и, возрастая, превратился в ураган четырех ветров. Этот ветер сломал все большие деревья, что причинило гибель множеству дичи всех видов. Он разрушил все высокие дома; покрытые соломой и имеющие внутри

огонь, так как было холодно, они вспыхнули, и в них сгорело большое количество людей. Если некоторые и выскочили, они остались калеками от ударов бревен. Этот ураган продолжался до полудня следующего дня. Оказалось, что спаслись те, кто жил в маленьких домах, и молодые, недавно женившиеся, которые, по обычаю, первые годы жили в домиках перед домами своих отцов или тестей. Так исчезло прежнее название страны, которую обычно называли страной оленей и индюков. Она осталась настолько без деревьев, что те, которые есть теперь, кажется, были посажены все одновременно, настолько они взошли ровными. Если смотреть на эту страну с каких-либо возвышенностей, кажется, что она вся острижена ножницами. Те, которые спаслись, энергично занялись строительством и возделыванием земли и сильно размножились за 16 лет благоденствия и временного изобилия. Последний год был самым урожайным из всех. Когда они хотели начинать сбор плодов, во всех частях страны появились заразные лихорадки, которые продолжались 24 часа; когда они прекратились, тела больных распухли и лопнули, полные червей. От этой заразы

умерло множество людей, и большая часть плодов осталась не собранной.

После прекращения этой заразы они имели снова 16 лет хороших, во время которых возобновились страсти и раздор в такой степени, что в сражениях погибло 150 000 человек.

После этой бойни они успокоились, установили мир и отдыхали 20 лет. Затем началась болезнь, причинявшая большие нарывы, от которых тело гноилось с большим смрадом таким образом, что члены отпадали кусками за 4-5 дней.

После этого последнего бедствия прошло более 50 лет. Большая смертность от войн была на 20 лет ранее. Болезнь с опухолями и червями появилась за 16 лет до войн, ураган еще на 16 лет ранее, а он был через 22 или 23 года после разрушения рода Майяпана. С тех пор, как он был покинут, по такому расчету, прошло 125 лет, в течение которых жители этой страны пережили упомянутые бедствия, не считая многих других. Затем в страну начали проникать испанцы, так же с войнами, как и с другими карами, которые послал Бог. Таким образом, чудо, что в этой стране еще есть люди, хотя их там и немного.

БИОГРАФИЯ ФРАНСИСКО МОНТЕХО

Как мексиканский народ имел знамения и пророчества о приходе испанцев, прекращении его владычества и религии, так и народ Юкатана имел их за несколько лет перед тем, как аделантадо Монтехо его завоевал. В горах Мани, что в провинции Тутуль Шиу, один индеец, по имени Ах Камбаль¹, чилан по должности, то есть тот, кто обязан да-

¹ Ах Камбаль значит "ученик". Возможно, это прозвище носил знаменитый пророк Чилам Балам, который жил в Мани незадолго до испанского завоевания. Сохранились тексты его пророчеств на языке майя, где он предсказывает возвращение в Юкатан Кецалькоатля и его жрецов.

вать ответы от демона, им объявил публично, что вскоре они будут покорены иностранным народом, что им возвестят единого Бога и добродетель одного дерева, которое на их языке называется вахом че, что значит "воздвигнутое дерево", обладающее большой силой против демонов.

Наследник Кокомов по имени дон Хуан Коком¹, ставший христианином, был человек с большой репутацией, хороший знаток здешних дел, очень проницательный и сведущий в местных вопросах. Он был очень дружен с автором этой книги, братом Диего де Ланда, и много рассказывал ему о старине. Он показал ему книгу, принадлежавшую его деду, сыну Кокома, которого убили в Майяпане. В ней был рисунок оленя, и его дед сказал ему, что, когда в эту страну придут большие олени, как они называют коров, прекратится почитание богов, что исполнилось, ибо испанцы привезли больших коров.

Аделантадо Франсиско де Монтехо был родом из Саламанки и отправился в Индию после основания города Санто-Доминго на острове Эспаньола. Перед этим он был некоторое время в Севилье, где оставил сына-ребенка, который там родился. Он прибыл в столицу Кубы, где зарабатывал на жизнь; у него было много друзей, благодаря его хорошему положению, среди них Диего Веласкес, губернатор этого острова, и Эрнандо Кортес. Когда губернатор решил послать Хуана де Грихальву, своего племянника, для торговли в Юкатан и чтобы открыть еще земли, после новости, привезенной Франсиско Эрнандесом де Кордова, который открыл эту богатую страну, он назначил Монтехо сопровождать Грихальву. Монтехо, будучи богатым, предоставил один из кораблей и много провианта. Таким образом,

¹ Хуан Коком, иначе На Чи Коком, правитель Сотуты и близкий друг Диего де Ланды, умер в 1561 г. тайным язычником.

он был среди испанцев, которые обследовали Юкатан вторыми, и вид берега Юкатана возбудил в нем желание обогатиться там лучше, чем на Кубе. Видя решимость Эрнандо Кортеса, он последовал за ним лично и со своим богатством. Кортес дал ему в распоряжение корабль, назначив его капитаном. В Юкатане они нашли Херонимо де Агиляра, от которого Монтехо узнал язык и дела этой страны. Кортес, высадившись в Новой Испании, немедленно начал заселять ее. Первое поселение он назвал Вера-Крус, сообразно гербу на своем знамени. В этом поселении Монтехо был избран одним из королевских

алькальдов. Он вел себя благоразумно, и Кортес отметил это, когда вернулся из плавания вокруг страны. Поэтому он послал его в Испанию как одного из уполномоченных этого владения в Новой Испании, чтобы отвести пятину королю вместе с отчетом о стране и о начатых в ней делах.

Когда Франсиско де Монтехо прибыл к кастильскому двору, президентом Совета по делам Индий был Хуан Родригес де Фонсека, епископ Бургоса. У него были плохие известия о Кортесе от губернатора Кубы Диего Веласкеса, который стремился стать также губернатором в Новой Испании. Большинство Совета было враждебно к предприятиям Кортеса, который, как оказалось, просил денег вместо того, чтобы послать их королю.

Понимая, что, в связи с пребыванием императора во Фландрии, дела пойдут плохо, Монтехо остался на 6 лет, прежде чем отплыл в Индию, с 1519 года до 1526, когда он отправился. Благодаря этой настойчивости он отверг притязания президента и папы Адриана, который был правителем королевства, и говорил с императором с таким большим успехом, что дело Кортеса окончилось по справедливости.

МОНТЕХО В ЮКАТАНЕ

Во время, пока Монтехо находился при дворе, он выговорил для себя завоевание Юкатана, хотя мог добиться и другого. Ему дали титул аделантадо. Затем он отправился в Севилью, чтобы взять своего 13-летнего племянника, носившего его имя. В Севилье он нашел своего сына в возрасте 28 лет и взял его с собой. Он договорился о вступлении в брак с одной севильской сеньорой, богатой вдовой, и благодаря этому смог набрать 500 человек, погрузил их на три корабля и, продолжая свое путешествие, пристал к Косумелю, острову у Юкатана. Индейцы не были взволнованы, так как привыкли к испанцам Кортеса. Там он постарался узнать побольше индейских слов, чтобы разговаривать с индейцами. Затем он поплыл к Юкатану и вступил во владение, что было провозглашено его знаменосцем со знаменем в руке: "Во имя Бога я вступаю во владение этой страной для Бога и короля кастильского".

Таким образом, он сошел на берег, который был тогда густо заселен, и затем прибыл в Кониль, селение на этом берегу. Индейцы, испуганные видом стольких лошадей и людей, дали знать по всей стране о том, что происходило, и ожидали конца предприятия испанцев. Индейские сеньоры провинции Чавакха явились к аделантадо с мирными намерениями и были хорошо приняты. Среди них пришел один человек большой силы; он вырвал саблю у негрятенка, носившего ее за своим господином, и хотел убить аделантадо, который защищался. Пришли испанцы, и ссора прекратилась, но они поняли, что необходимо быть настороже.

Аделантадо хотел узнать, какое поселение было наибольшим, и услышал, что таковым был Текох, где правили сеньоры Чели. Он был на побережье, дальше по дороге, которой пришли испанцы. Индейцы, полагая, что они отправились,

чтобы уйти из страны, не встревожились и не препятствовали им в дороге. Таким образом они прибыли в Текох, который нашли поселением большим и лучшим, чем полагали. К счастью, сеньоры этой страны были не таковы, как Ковохи из Чампотона, которые всегда были более смелыми, чем Чели. Последние, имея жреческое достоинство, которое они сохраняют до настоящего времени, не были столь надменны, как другие. Поэтому они согласились, чтобы аделантадо построил поселение для своих людей, и дали ему для этого место у Чичен-Ицы, в 7 лигах отсюда, которая была преобладающей. Оттуда он завоевал страну, что сделал легко, так как люди провинции Ах К'ин Чель ему не сопротивлялись, люди Тутуль ему помогали, а остальные оказали слабое сопротивление.

Аделантадо попросил людей для строительства в Чичен-Ице и в короткое время построил поселение, сделав дома из дерева, а крыши из листьев одной пальмы и из длинной соломки, по обычаю индейцев. Видя, что индейцы служат безропотно, он сосчитал жителей страны, которых было много, и разделил селения между испанцами. По рассказам, наименьшее их поместье охватывало 2 или 3 тысячи индейцев. Таким образом он начал устанавливать порядок среди местных жителей, чтобы они обслуживали этот их город. Это очень нравилось индейцам, хотя они терпели тогда.

УХОД МОНТЕХО ИЗ ЮКАТАНА

Аделантадо Монтехо не основал в соответствии [...], из-за которого имел врагов, так как он был слишком далеко от моря, чтобы иметь сношения с Мексикой и получать необхо-

1 Пропуск в рукописи.

димое из Испании. Индейцы, для которых оказалось тяжелым делом служение иностранцам там, где они сами прежде были сеньорами, начали нападать на него со всех сторон¹, хотя он защищался со своими кавалеристами и пехотинцами и убил многих индейцев. Но индейцы усиливались с каждым днем. У испанцев стало не хватать провианта, и наконец они покинули город ночью, оставив собаку, привязанную к языку колокола, и немного хлеба на таком расстоянии, что она не могла схватить. Они утомили индейцев в предыдущий день стычками, чтобы те не смогли их преследовать. Собака звонила в колокол, чтобы схватить хлеб. Это очень удивляло индейцев, полагавших, что на них собираются напасть. Поняв, в чем дело, они были возмущены обманом и решили преследовать испанцев по разным направлениям, так как не знали, по какой дороге они пошли. Люди, которые были на этой дороге,

настигли испанцев с громким криком как беглецов; но шесть рыцарей их ожидали на равнине и ранили копьями многих из них. Один из индейцев схватил лошадь за ногу и удерживал ее, как будто это был баран.

Испанцы прибыли в Силан, который был превосходным поселением. Сеньором его был юноша из Челей, уже християнин и друг испанцев. Он их хорошо принял. Близко был Текох, который, как и все другие поселения этого берега, находился под властью Челей, и таким образом они оказались в безопасности на несколько месяцев. Аделантадо видел, что там он не сможет получить помощь из Испании и что,

1 Ланда спутал две разные фазы завоевания. Монтехо покинул Юкатан в 1528 г. Укрепление Сиудад Реаль у Чичен-Ицы было основано не им, а его сыном, доном Франсиско. Через 6 месяцев после основания Сиудад Реаля один знатный индеец попытался убить дону Франсиско и был казнен испанцами. Его смерть послужила поводом к восстанию индейцев, которые отказались платить дань и служить испанцам. В середине 1533 г. Купулы при поддержке провинций Эк'аб, Сотута и Кочвах осадили испанцев. Чели и Шиу остались на стороне испанцев.

если индейцы обратятся против них, они погибнут. Он решил уйти в Кампече и Мексику, не оставляя людей в Юкатане. От Силана до Кампече было 48 лиг с густым населением. Он посвятил в свой план На Муш Чель, сеньора Силана, и тот обязался охранять в пути и сопровождать их. Аделантадо договорился с дядей этого сеньора, сеньором

о

селения Иобаин, что тот даст ему для сопровождения двух сыновей, к которым он был очень расположен.

С этими тремя юношами, двоюродными братьями, посадив двух из них на круп лошади, и сеньором Силана верхом они безопасно прибыли в Кампече, где были мирно приняты, и простились с Челями. Сеньор Силана умер, возвращаясь в свои селения. Оттуда они отправились в Мексику, где у Кортеса было выделено поместье с индейцами для аделантадо, хотя он отсутствовал.

Аделантадо прибыл в Мексику со своим сыном и племянником и тотчас начал разыскивать донью Беатрис де Эррера, свою жену, на которой он тайно женился в Севилье, и дочь, которую от нее имел, донью Беатрис де Монтехо. Некоторые говорят, что он отверг ее, но что дон Антонио де Мендоса, вице-король Новой Испании, стал посредником. Таким образом он принял ее, и вице-король послал его губернатором в Гондурас, где он выдал свою дочь замуж за лисенсиата Алонсо де Мальдонадо, президента Пограничной Аудиенции. Через несколько лет его перевели в Чиapas, откуда он послал своего сына с полномочиями в Юкатан, и тот завоевал его и умиротворил. Этот дон Франсиско, сын аделантадо, был воспитан при дворе католического короля; отец увез его, когда возвращался в Индию для завоевания Юкатана. Он был вместе с ним в Мексике. Вице-король дон Антонио и маркиз Эрнандо Кортес его очень любили, и он был с маркизом в экспедиции в Калифорнии. По возвращении вице-король назначил его управлять Табаско. Он

вступил в брак с сеньорой по имени донья Андреа дель Кастильо, которая прибыла в Мексику девочкой со своими родителями.

ЗАВОЕВАНИЕ ЮКАТАНА ИСПАНЦАМИ

После ухода испанцев из Юкатана в стране наступила засуха. Так как кукурузу беспорядочно расходовали во время войны с испанцами, у них начался большой голод, такой, что они стали есть кору деревьев, особенно одного, которое они называют кумче; она пористая внутри и мягкая. Из-за этого голода Шиу, сеньоры Мани, решили устроить торжественное жертвоприношение идолам, приведя некоторых рабов и рабынь, чтобы бросить в колодец Чичен-Ицы. Так как нужно было пройти селение сеньоров Кокомов, их смертельных врагов, они послали просить у них позволения пройти по их земле, полагая, что в такое время те не возобновят старую вражду. Кокомы их обманули хорошим ответом. Они их поместили всех в большом доме и подожгли, убивая тех, кто спасался. Из-за этого начались большие войны.

У них появлялась саранча в течение пяти лет, так что не осталось никакой зелени. Начался такой голод, что люди падали мертвыми на дорогах. Когда испанцы вернулись, они не узнали страны, хотя за четыре хороших года после нашего отъезда саранчи местные жители немного оправились.

Дон Франсиско отправился в Юкатан через реки Табаско и въехал через лагуны Дос Бокас. Первое поселение, на которое он наткнулся, был Чампотон, с сеньором по имени Моч Ковох, принявшим столь дурно Франсиско Эрнандеса

1 Организатором этого вероломного убийства был упомянутый выше На Чи Коком (впоследствии Хуан Коком), правитель Сотуты. Это событие произошло в Оцмале в 1536 г.

и Грихальву. Так как он уже умер, сопротивления там не было оказано; наоборот, жители этого поселения содержали дона Франсиско и его людей два года. За это время он не мог идти вперед, так как встретил сильное сопротивление. Затем он прошел в Кампече и вступил в большую дружбу с жителями

этого поселения. С помощью их и жителей Чампотона он закончил завоевание, обещая им, что они будут вознаграждены королем за их большую верность, хотя до сего дня король этого не выполнил. Спротивление было недостаточным, чтобы помешать дону Франсиско прибыть со своим войском в Тихоо, где он основал город Мериду¹. Оставив поклажу в Мериде, он продолжал завоевание, посылая капитанов в различные части страны. Дон Франсиско послал своего двоюродного брата Франсиско де Монтехо в город Вальядолид, чтобы умиротворить селения, которые были еще мятежны, и чтобы заселить этот город, как он заселен теперь. Он основал в Чектемале город Саламанку; Кампече был уже основан. Он упорядочил службу индейцев и управление испанцев, до того как прибыл из Чиапаса в качестве губернатора аделантадо его отец, со своей женой и домом. Он был хорошо принят в Кампече и назвал город Сант-Франсиско, по своему имени, а затем отправился в город Мериду.

ЖЕСТОКОСТИ ИСПАНЦЕВ

Индейцы тяжело переносили ярмо рабства. Но испанцы держали разделенными их поселения, находившиеся в стране. Однако не было недостатка в индейцах, восстававших против них, на что они отвечали очень жестокими карами, которые вызвали уменьшение населения. Они сожгли живыми несколько знатных

¹ Мерила была основана 6 января 1542 г.

лиц в провинции Купуль, других повесили. Были получены сведения о волнении жителей Иобаина, селения Челей. Испанцы схватили знатных лиц, заперли в одном доме в окопах и подожгли дом. Их сожгли живыми, с наибольшей в мире бесчеловечностью. И говорит это Диего де Лавда, что он видел большое дерево около селения, на ветвях которого капитан повесил многих индейских женщин, а на их ногах повесил их собственных детей. В том же селении и в другом, которое называют Верей, в двух лигах отсюда, они повесили двух индианок, одну девушку и другую, недавно вышедшую замуж, не за какую-либо вину, но потому, что они были очень красивыми, и опасались волнений из-за них в испанском лагере, и чтобы индейцы думали, что испанцам безразличны женщины. Об этих двух женщинах сохранилась живая память среди индейцев и испанцев, по причине их большой красоты и жестокости, с которой их убили.

Индейцы провинций Кочвах и Чектемаль возмутились, и испанцы их усмирили таким образом, что две провинции, бывшие наиболее населенными и наполненными людьми, оказались наиболее жалкими во всей стране. Там совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти, руки и ноги, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с привязанными к ногам тыквами, нанося удары шпагой детям, которые не шли так же быстро, как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их. Они вели большое количество пленных мужчин и женщин для обслуживания, обращаясь с ними подобным образом.

Утверждают, что дон Франсиско де Монтехо не совершал ни одной из этих жестокостей и не присутствовал при них. Напротив, он их считал очень дурными, хотя не мог больше ничего сделать.

Испанцы оправдываются, говоря, что их было мало и они не смогли бы подчинить столько людей, если бы не внушили

ли страх ужасными карами. Они приводят примеры из истории и приход евреев в землю обетованную с большими жестокостями по повелению Божию. С другой стороны, индейцы имели основание защищать свою свободу и доверять мужественным капитанам, которые были среди них, надеясь таким образом освободиться от испанцев.

Рассказывают об одном испанском арбалетчике и индейском лучнике, которые, будучи оба очень искусными, старались убить друг друга, но не могли застать врасплох. Испанец притворился небрежным, опустившись на колени, и индеец пустил ему стрелу в руку, которая пронзила плечо и отделила одну кость от другой. В то же время испанец спустил арбалет и пронзил грудь индейца. Тот, чувствуя себя смертельно раненным, чтобы не сказали, что его убил испанец, отрезал лиану, похожую на иву, но более длинную, и повесился на виду у всех. Есть много примеров подобного мужества.

СМЕРТЬ МОНТЕХО

Перед тем как испанцы захватили эту страну, местные жители жили вместе в селениях в большом порядке. Поля были очень хорошо обработаны, очищены от сорных трав и засажены очень хорошими деревьями. Их поселения были такого характера: в середине селения находились храмы с красивыми площадями, вокруг храмов были дома сеньоров и жрецов и затем людей наиболее богатых и почитаемых, а на окраине селения находились дома людей наиболее низших.

Колодцы, которых было немного, находились около домов сеньоров. Их имения были засажены винными деревьями, засеяны хлопком, перцем и кукурузой. Они жили так скученно, боясь врагов, которые брали их в плен, и только во время войн с испанцами они рассеялись по лесам.

Индейцы Вальядолида, по их дурным обычаям или по причине дурного обращения испанцев, составили заговор, чтобы убить испанцев, когда они разделятся для собирания дани. В один день они

убили 17 испанцев и 400 индейцев, слуг убитых и оставшихся в живых испанцев. Они немедленно разослали по всей стране руки и ноги в знак того, что они совершили, чтобы вызвать восстание. Но другие не захотели этого делать, и, таким образом, аделантадо смог помочь испанцам Вальядолида и наказать индейцев¹.

У аделантадо были неприятности с жителями Мерида, но более всего от цедулы императора, которая всех губернаторов лишала индейцев.

В Юкатан прибыл приемщик, отобрал у аделантадо индейцев и взял их под королевское покровительство. Вслед за этим у него потребовали отчет в королевской Аудиенции Мексики, которая послала аделантадо в королевский Совет по делам Индий в Испанию, где он умер, обремененный годами и трудами. Он оставил в Юкатане свою жену, донью Беатрис, более богатую, чем он сам, своего сына Франсиско де Монтехо, женатого в Юкатане, свою дочь Каталину,

¹ В "Сообщении из Мерида" говорится: "В 1546 г. восстали жители самых больших селений в этих провинциях, особенно тех, что находятся в окрестностях города Вальядолида, и жители провинций Сотута, Кочвах, Ах К'ин Чель и Колот Муль, которые были людьми непокорными и воинственными и полага-ли, что могут изгнать испанцев из страны, как в первый раз, когда испанцы пришли завоевывать ее. Они убили в этом восстании и мятеже более 30 испанцев из тех, которые пошли, разделившись, по селениям упомянутых индейцев; испанцев предали очень жестокой смерти; к ним испытывали такую ненависть, что даже их слуг, хотя они были такие же индейцы, не помиловали и убили, и даже собак и кошек, и деревья, привезенные из Испании, вырвали и все другие вещи, которые были испанскими, уничтожили. Но наш сеньор воспользовался тем, что мятеж не был всеобщим в стране, потому что оставалось много селений, которые не восстали; это были селения провинций Тутуль Шиу, Хокаба и Ах Кануль, вместе с которыми испанцы умиротворили всех и привели в подданство его величеству, в каком состоянии они находятся до сих пор".

бывшую замужем за лисенсиатом Алонсо Мальдонадо, президентом Аудиенций Гондураса и Санто-Доминго на острове Эспаньола, дона Хуана де Монтехо, испанца, и дона Диего, метиса, который родился от одной индианки.

Дон Франсиско, после того как передал губернаторство своему отцу аделантадо, жил в своем доме частным образом, не участвуя в управлении, хотя очень уважаемый всеми за завоевание, разделение и управление этой страной. Он отправился в Гватемалу, чтобы дать отчет в своем управлении, а затем возвратился в свой дом. Он имел детей - дона Хуана де Монтехо, который женился на донье Исабеле, родом из Саламанки, донью Беатрис де Монтехо, вышедшую замуж за своего дядю, двоюродного брата ее отца, и донью Франсиску де Монтехо, бывшую замужем за доном Карлосом де Авельяно, родом из Гвадалахары. Он умер после долгой болезни, уже после того, как увидел их всех вступившими в брак.

ФРАНЦИСКАНЦЫ В ЮКАТАНЕ

Брат Хакобо де Тестера, францисканец, прибыл в Юкатан и начал обучать детей индейцев. Но испанские солдаты заставляли юношей столько работать, что у них не оставалось времени для ученья. С другой стороны, они были недовольны братьями, когда те их порицали за то, что они делали дурного по отношению к индейцам. Поэтому брат Хакобо вернулся в Мексику, где и умер.

После этого брат Торибио Мотолиния послал братьев из Гватемалы, а брат Мартин де Охакастро послал еще больше братьев из Мексики. Они все обосновались в Кампече и Мериде под покровительством аделантадо и его сына дона Франсиско, которые им выстроили монастырь в Мериде, как это уже было сказано.

Они старались изучить язык, который был очень труден. Лучше всех его знал брат Луис де Вильяльпандо, который начал изучать его с помощью знаков и камешков¹. Он составил своего рода грамматику его и написал христианское наставление на этом языке, хотя и встречал много препятствий со стороны испанцев, которые были полными хозяевами и хотели, чтобы все делалось только для увеличения их доходов и дани. Индейцы со своей стороны стремились остаться при своем идолопоклонстве и оргиях. Работа оказалась особенно большой, потому что индейцы были рассеяны по лесам.

Испанцы видели с сожалением, что братья устраивают монастыри; они разгоняли сыновей индейцев своих поместий, чтобы те не стали учиться, и сожгли два раза монастырь в Вальядолиде вместе с церковью, которая была из дерева и соломы, так что братьям пришлось уйти жить к индейцам. Когда индейцы этой провинции восстали, испанцы написали вице-королю дону Антонию, что они восстали из любви к братьям. Вице-король сделал расследование и заверил, что во время восстания братья еще не прибыли в эту провинцию. Они наблюдали по ночам за братьями, к соблазну индейцев, разузнавали о их жизни и лишали их милостыни.

Братья, видя опасность, послали к наиболее достойному судье Серрато, президенту Гватемалы, одного монаха, чтобы дать ему отчет в том, что происходит. Тот, видя беспорядок и нехристианское поведение испанцев, которые взимали налоги неограниченно, какие могли, без приказания короля, и

сверх того использовали личную службу для всех видов работ, вплоть до отдачи индейцев внаем для переноски тяжестей, установил определенный налог, достаточно большой, но терпимый. Он определил, на что индеец имел право после уплаты

1 По словам Торкемады, индейцы считали слова молитвы, которую учили, с помощью камешков или зерен кукурузы, кладя по камешку после каждого слова или выражения. Очевидно, Вильяльпандо пользовался этим же способом.

дани своему владельцу, чтобы испанец не мог себе присвоить всего целиком. Они обжаловали это и, опасаясь установления налога, собирали с индейцев еще больше, чем прежде.

Братья обратились в Аудиенцию и послали гонца в Испанию. Они добились того, что Аудиенция Гватемалы послала аудитора, который установил налог в стране и отменил личную службу. Он обязал некоторых испанцев жениться, лишив их домов, которые у них были полны женщин. Это был лисенсиат Томас Лопес, родом из Тендильи. По этой причине они еще более возненавидели братьев, писали на них клеветнические пасквили и перестали слушать их мессы.

Из-за этой ненависти индейцы относились очень хорошо к братьям, видя труды, которые они совершали без какой-либо заинтересованности, чтобы дать им свободу. Они даже не делали ничего без участия братьев или без их совета. Это дало повод испанцам говорить с завистью, что братья действовали таким образом, чтобы управлять Индиями и пользоваться тем, чего они лишились.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ИНДЕЙЦЕВ

Пороками индейцев были идолопоклонство, развод, публичные оргии, купля и продажа рабов. Они начали ненавидеть братьев, отговаривающих их от этого. Но кроме испанцев более всего неприятностей, хотя и тайно, монахам причиняли жрецы, которые потеряли свою службу и доходы от нее.

Способ, который употреблялся, чтобы просветить индейцев, заключался в том, что собирали маленьких детей сеньоров и людей наиболее знатных и помещали их около монастырей в домах, которые каждое поселение строило для своих и где жили все вместе уроженцы каждой местности. Их отцы и родственники приносили им еду.

Вместе с этими детьми собирались те, которые обращались в христианство, и благодаря этим частым посещениям многие с большим благочестием просили крещения. Эти дети после обучения имели заботу уведомлять братьев о идолопоклонстве и оргиях. Они разбивали идолов, даже принадлежавших их отцам. Они учили разведенных женщин и сирот, если их делали рабами, жаловаться братьям, и, хотя им угрожали свои, они от этого не унимались, отвечая, что делают им честь, так как это было для блага их душ.

Аделантадо и королевские судьи всегда назначали фискалов для братьев, чтобы удерживать индейцев в христианстве и наказывать тех, кто возвращался к прежней жизни. Сеньоры вначале неохотно отдавали своих детей, полагая, что их хотят обратить в рабство, как это делали испанцы. По этой причине многие давали детей рабов вместо своих сыновей. Но, поняв в чем дело, они стали давать охотно. Таким образом юноши сделали такие успехи в школах, а остальные люди в христианском учении, что это было дело, достойное удивления.

Монахи научились читать и писать на языке индейцев и составили такую грамматику, которая изучалась как латинская. Оказалось, что они не употребляют шесть наших букв, а именно: D, F, G, Q, R, S, в которых не было никакой надобности. Но они принуждены были удваивать и добавлять другие, чтобы различать разные значения некоторых слов, ибо па означает "открывать", а ппа (сильно сжимая губы) означает "разбивать"; тан - "известь" или "пепел", а тан, произносимое с силой между языком и верхними зубами, означает "слово" или "говорить", и так же в других словах. Так как на этот предмет у них были различные дополнительные знаки, не было необходимости изобретать новые фигуры букв, но достаточно было использовать латинские как общие для всех.

Дано было также распоряжение, чтобы они оставили свои обиталища в лесах и собирались, как прежде, в хороших

селениях. После этого их было легче просвещать, и монахи не испытывали таких, как ранее, затруднений. Для содержания их они давали милостыню на пасхальные и другие праздники и давали милостыню на церкви через двух старых индейцев, назначенных для этого. Вместе с тем они давали необходимое братьям, когда те ходили их посещать, а также приготавливали украшения для церквей.

Хотя эти люди были просвещены в религии, а юноши преуспели в учении, как мы говорили, они были соращены снова жрецами, которых имели в своем идолопоклонстве, и сеньорами и возвратились к почитанию идолов и жертвоприношениям не только курениями, но и человеческой кровью.

Вследствие этого братья сделали расследование, попросили помощи у главного алькальда и схватили многих. Их подвезли суду, и было устроено аутодафе, на котором многие попали на эшафот и были одеты в позорные колпаки, острижены и подвергнуты бичеванию, а другие одеты в санбени-то

на определенное время. Некоторые от огорчения повесились, обманутые демоном, но в общем все проявили много раскаяния и желая стать добрыми христианами.

ОТЪЕЗД ЛАНДА В ИСПАНИЮ

В это время прибыл в Кампече брат Франсиско Тораль, францисканец, родом из Убеды, который до этого 20 лет нахо-

1 Расследование, предпринятое Ланда, велось с помощью пыток. По официальным данным, пыткам было подвергнуто 4549 человек, мужчин и женщин, не считая подвергнутых телесным наказаниям, из которых 157 вскоре умерли. По сообщению иезуита Доминго Родригеса, юкатанские миссионеры уничтожили 5000 различных идолов, 13 каменных алтарей, 22 маленьких камня с изображениями, 27 рукописей майя на оленьей коже и 197 сосудов с рисунками. Исследователи полагают, что это список предметов, уничтоженных Ланда на аутодафе.

дился в Мексике и пришел в качестве епископа Юкатана. Из-за доносов испанцев и жалоб индейцев он уничтожил то, что сделали братья, и приказал отпустить схваченных. Провинциал (т. е. сам Ланда. - Примеч. ред.) обиделся на это и решил отправиться в Испанию, пожаловавшись сначала в Мексике. Он прибыл в Мадрид, где члены Совета по делам Индий его очень порицали за узурпацию должности епископа и инквизитора. Чтобы оправдаться в этом, он сослался на полномочия своего ордена в этих странах, предоставленные папой Адрианом по просьбе императора, и на помощь, которую королевская Аудиенция Индий ему приказала давать, подобно тому, как она давалась епископам. Но члены Совета еще более разгневались от этих оправданий и решили отослать его самого и его бумаги вместе с бумагами, посланными епископом против монахов, к брату Педро де Бовадилья, провинциалу Касильи, которому король написал, приказав рассмотреть их и совершить правосудие. Но брат Педро, будучи больным, доверил рассмотрение процесса брату Педро де Гусман, того же ордена, человеку ученому и испытанному в делах инквизиции. Были представлены мнения семи ученых лиц королевства в Толедо; это были брат Франсиско де Медина и брат Франсиско Дорантес ордена св. Франсиска, магистр брат Алонсо де ля Крус ордена св. Августина, пробывший 30 лет в Индиях, лицензиат Томас Лопес, который был аудитором в Гватемале в Новом Королевстве и судьей в Юкатане, ^ртадо, профессор канонического права, Мендес, профессор Священного Писания, Мартинес, профессор схоластики в Алькала. Они заявили, что провинциал действовал правильно в случае с аутодафе и других мероприятиях для наказания индейцев. Видя это, брат Франсиско де Гусман написал обо всем пространно провинциалу брату Педро де Бовадилья.

Индейцы Юкатана заслуживают, чтобы король им оказал милость за многие дела и за добрую волю, выказанную

на его службе. Во время затруднений во Фландрии принцесса донья Хуана, его сестра, которая тогда была правительницей королевства, послала цидулу, прося помощи у жителей Индий. Аудитор Гватемалы ее привез в Юкатан и, собрав для этого сеньоров, приказал одному монаху объяснить им, каков был их долг в отношении ее величества и что она у них просила тогда. По окончании проповеди индейцы встали и ответили, что хорошо знают, чем они обязаны Богу, давшему им столь знатного и христианнейшего короля, что они сожалеют, что не живут в стране, где могли бы служить ему лично, но что тем не менее он увидит, как они ему послужат в этом, насколько их бедность им позволит; если же будет недостаточно, то они продадут своих детей и жен.

ПОСТРОЙКИ И ОДЕЖДА

При постройке дома покрывали соломой, которая у них была очень хороша и в большом количестве, или листьями пальмы, подходящей для этого. У них были очень высокие крыши, чтобы они не протекали от дождя. Затем строили стену посередине, вдоль разделявшую весь дом, и в этой стене представляли несколько дверей в половину, которую они называли задней комнатой, где находились их кровати. Другую половину они очень красиво белили известью, а у сеньоров эти половинки были разрисованы с большим изяществом. Эта половина служила приемной и помещением для гостей. Эта комната не имела дверей, но была открыта во всю длину дома, а очень низкая крыша спереди служила для защиты от солнца и дождя. Говорят, что это делалось также, чтобы изнутри дома господствовать над врагами в случае необходимости.

Простой народ строил за свой счет дома сеньоров. Так как дверей не было, они считали тяжелым преступлением причи-

нять вред в домах других. Они имели заднюю дверцу для необходимого пользования. У них есть кровати из прутьев, с циновкой сверху, где они спят, покрываясь своими накидками из хлопка. Летом они спят обычно в передних побеленных комнатах на циновках, особенно мужчины. С другой стороны дома все население делало посевы для сеньоров. Они возделывали их и собирали урожай в количестве, которого было достаточно ему и его дому. Когда была дичь или рыба или когда приносили соль, всегда давали часть сеньору, потому что эти продукты они всегда добывали сообща.

Если сеньор умирал, хотя ему наследовал старший сын, других сыновей всегда очень почитали, поддерживали и считали сеньорами. Остальных знатных, низших, чем сеньоры, поддерживали всеми этими вещами, соответственно тому, каковы они были, или по милости, которую им оказывал сеньор. Жрецы жили своими службами и жертвами. Сеньоры управляли селениями, улаживая тяжбы, распоряжаясь и приводя в порядок дела своих общин. Все это делали руками наиболее знатных, которые были очень влиятельны и уважаемы, особенно люди богатые. Их посещали, и они имели дворы в своих домах, где договаривались о делах и сделках, главным образом по ночам. Если сеньоры выходили из поселения, они вели с собой большую свиту, и так же было, когда они выходили из своих домов.

Индейцы Юкатана - люди хорошо сложенные, высокие, быстрые и очень сильные, но обычно кривоногие, ибо в детстве матери переносят их с места на место, посадив верхом на бедра. Они считают изящным быть косоглазыми, что делают искусственно их матери, подвешивая им, еще совсем маленьким, к волосам шарик из смолы, который спускается у них между бровей, доходя до глаз. Так как он постоянно двигается там, качаясь, они становятся косыми. У них головы и лбы сплющены с детства, что также дело их матерей.

10 Зак. 1904

Они имеют уши, проколотые для серег и очень изрезанные из-за жертвоприношений. Они не носят бороды и говорят, что их матери им прижигают в детстве лица горячими тряпками, чтобы у них не появлялись волосы. Сейчас они носят бороды, хотя очень жесткие, как конский волос.

Они носят волосы, как женщины; на макушке они выжигают как бы большую тонзуру, поэтому волосы ниже ее растут сильно, в то время как волосы тонзуры остаются короткими. Они их заплетают и делают из них гирлянду вокруг головы, оставляя позади хвостик наподобие кисточки.

Мужчины все пользуются зеркалами, но не женщины. Также они говорят о рогатом, что жена поставила ему зеркало в волосы над затылком. Они мылись, часто не заботясь прикрыться перед женщинами, кроме того, что можно прикрыть рукой. Они любители хороших запахов и поэтому употребляют букеты цветов и пахучих трав, оригинально и искусно составленные. Они имели обыкновение красить в красный цвет лицо и тело; это придавало им очень дурной вид, но считалось у них очень изящным¹.

Их одеждой была лента шириной в руку, которая им служила шароварами и чулками. Они ею обвертывали несколько раз поясницу таким образом, что один конец спускался спереди, а другой сзади; их жены тщательно отделявали им эти концы узорами из перьев. Они носили плащи длинные и квадратные и их завязывали на плечах; носили сандалии из тростника или кожи оленя, жестко выделанной, и не употребляли другой одежды².

¹ Кортес в письме к Карлу V сообщает, что окраска защищала от жары, холода и moskitov.

² "Все индейцы этих провинций - Чик'ии Чель.Гас, Кочвах и Купуль - ходят одетыми. Сеньоры носят разноцветные шкколы, сотканые из хлопка и перьев, наподобие курток с двумя фалдами. Они носят мостил между ногами, то есть длинную ленту из хлопковой ткани, которая привязывается

ПИЩА И ПИТЬЕ

Главной пищей является кукуруза, из которой они делают различные кушанья и напитки. При этом напиток, как они его пьют, служит им одновременно пищей и питьем. Индианки кладут кукурузу на ночь размокать в воду с известью; утром она там делается мягкой и наполовину сваренной, и таким образом отделяется шкурка и корешок. Затем они ее размалывают между камнями. Они дают ее наполовину размолотой рабочим, спутникам и мореплавателям большими комками и целыми ношами. Она сохраняется несколько месяцев и только скисает. Они берут комок и растворяют его в сосуде из скорлупы плода, растущего на дереве, с помощью которого Бог снабдил их сосудами. Они пьют эту жидкость и съедают остаток. Это вкусная и важная пища. Из более мелко размолотой кукурузы они выжимают молоко, сгущают его на огне и делают как бы кашу на утро. Ее пьют теплой, а то, что осталось от утра, заливают водой, чтобы пить днем, ибо у них не принято пить чистую воду. Они также варят кукурузу, размалывают и разводят водой и, примешивая туда немного индейского перца или какао, получают очень освежающий напиток.

Они делают также из кукурузы и размолотого какао особую пену, очень вкусную, с которой справляют свои празднества. Они добывают из какао масло, напоминающее коровье, и из этого масла и кукурузы делают другой напиток, вкусный и ценный. Они делают еще другой напиток из вещества размолотой кукурузы, очень освежающий и вкусный.

к животу и продевается вниз, скрывая их стыд; индианки носят свои энагуа, наподобие мешка, открытого с обеих сторон; он привязывается к поясу и скрывает их стыд; кроме этого, многие индианки имеют обыкновение носить заплетенными волосы, которые у них очень длинные, покрывая их косынкой из хлопковой ткани, открытой наподобие короткой накидки, которая также служит им, чтобы закрывать груди. Многие индейцы ходят обнаженными, только с набедренной повязкой", - говорится в "Сообщениях из Юкатана".

Они делают разного рода хлеб, хороший и здоровый, но его плохо есть, когда он холодный. Поэтому индианки занимаются его приготовлением два раза в день. Не удается приготовить из кукурузы муку, которую можно было бы месить, как пшеничную, и если иногда делается хлеб, как пшеничный, ничего не получается.

Они тушили овощи и мясо крупной дичи и птиц, диких и домашних, которые многочисленны, и рыбу, которой много. Таким образом, они имеют хорошую пищу, особенно после того, как стали разводить свиней и птиц из Кастильи.

Утром они пьют теплый напиток с перцем, как это было сказано, днем пьют другие, холодные, а ночью едят тушеное мясо. Если нет мяса, они делают соусы из перца и овощей. У них нет обычая мужчинам есть с женщинами; они едят отдельно на земле или в лучшем случае на циновке в качестве стола. Они едят много, когда имеют пищу; когда же нет, очень хорошо выносят голод и обходятся очень немногим. Они моют руки и рот после еды¹.

ПИРШЕСТВА, МУЗЫКА И ТАНЦЫ

Они татуировали себе тела и чем больше татуировались, тем более считались храбрыми и мужественными, ибо татуировка была большим мучением и делалась следующим образом: татуировщики покрывают часть, которую хотят тату-

¹ "Они употребляли в пищу с древних времен кукурузу и хлеб из нее же и едят ее и сейчас; из напитков пьют столь, своего рода жидкую кашу, сделанную из размолотой кукурузы, разведенной водой; они часто целый день вместо чистой воды пьют посоль, густо разводя в воде массу из жареной кукурузы, и подкрепляются этим напитком. Когда у них не хватает этой еды, многие умирают из-за употребления в пищу лесных плодов и корней, а также из-за употребления напитка, который они называют какао - оно у них ходит как монета, - потому что это питье холодное и некоторых простуживает и губит".

ировать, краской, а затем они надрезают осторожно ризунок, и, таким образом, от крови и краски на теле остаются следы. Это делается понемногу из-за сильной боли. Они даже становятся после этого больными, ибо татуированные места воспаляются и выступает жидкость. Несмотря на это, они насмеваются над теми, кто не татуируется.

Они очень гордились обходительностью, грацией и природным изяществом. Сейчас они едят и пьют как мы. Индейцы были очень распухшими в питье и пьянстве, и у них от этого случалось много дурного; так, они убивали друг друга, насиловали в кроватях бедных женщин, ожидавших встретить своих мужей, вели себя даже с отцами и матерями как в доме своих врагов и поджигали их дома. Кроме всего этого, они разорялись от пьянства. Когда оргия была общей и с жертвоприношениями, ее оплачивали все; когда же она была частной, издержки нес тот, кто ее устраивал, с помощью своих родичей.

Они делали вино из меда и воды и определенного корня одного дерева, выращиваемого для этого, который делал вино крепким и очень вонючим. Они ели, развлекаясь танцами и зрелищами, сидя попарно или по четыре. После еды виночерпии, которые не имели обыкновения опьяняться, приносили несколько больших кувшинов для питья, пока не начинались ссоры, и тогда женщины должны были отводить своих пьяных мужей домой. Они растрчивали на оргии то, что зарабатывали за много дней торговли. У них было два обычая устраивать праздники: первый - обычай сеньоров и людей знатных - обязывал каждого гостя устроить другой такой же пир. Каждому из гостей давали жареную птицу, хлеб и напиток какао в изобилии, а в конце пира они имели обычай давать каждому плащ, чтобы покрыться, скамеечку и сосуд, очень изящный по возможности. Если один из них умирал, то обязан был устроить пиршество его дом или родичи. Другой обычай был

между родственниками, когда их дети вступали в брак или праздновали память дел своих предков, и он не обязывал возместить пир; однако, если сто гостей были приглашены к индейцу на праздник, то каждый из них приглашал его, когда устраивал праздник или женил детей. Они очень чувствительны к дружбе и сохраняют память об этих пирах, хотя бы и далеких одни от других. На этих праздниках им подают напитки красивые женщины, которые, подав сосуд, поворачиваются спиной к тому, кто его взял, пока он его не осушит.

Индейцы имеют очень приятные развлечения; в особенности комедианты представляют с большим изяществом, настолько, что испанцы нанимали их для того, чтобы они видели шутки испанцев с их служанками, супругами и с самими индейцами по поводу хорошего или плохого прислуживания, и затем они это представляли с таким искусством, как настоящие испанцы.

У них есть маленькие барабаны, по которым бьют рукой, и другой барабан из полого дерева с низким и унылым звуком. По нему бьют довольно длинной палкой с набалдашником из смолы одного дерева на конце. У них были трубы, длинные и тонкие, из полого дерева, с длинными и кривыми тыквами на конце. У них был еще инструмент из панциря целой черепахи, очищенного от мяса. По нему били

ладонями рук, и звук его заунывный и печальный. У них были свистки из берцовых костей оленей и больших раковин и флейты из тростника. На этих инструментах аккомпанировали танцорам.

Два танца были особенно мужественны и достойны внимания. Один - это игра с тростником, почему они его называют коломче, что и значит "тростник".

Чтобы его исполнить, собирается большой круг танцоров вместе с музыкантами, которые их аккомпанируют. Следуя ритму музыки, из круга выходят двое, один с пучком стеблей и танцует с ними, держась прямо, другой танцует на корточ-

ках, оба согласно ритму круга танцоров. Тот, который со стеблями, бросает их изо всей силы в другого, а последний с большой ловкостью отбивает их с помощью небольшой деришки. Кончив бросать, они возвращаются, следуя ритму, в круг, и танцуют другие, делая то же самое.

Есть другой танец, когда танцуют восемьсот и больше или меньше индейцев с небольшими флажками, с военными широкими шагами и звуками. Среди них нет ни одного, кто бы нарушил ритм.

В своих танцах они тяжелы, ибо в течение целого дня не перестают танцевать, и им приносят есть и пить. Мужчины не имели обыкновения танцевать с женщинами.

РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛЯ, ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СУД

Ремесленниками у индейцев были гончары и плотники, которые много зарабатывали, делая идолов из глины и дерева, с соблюдением многочисленных постов и обрядов. Были также хирурги, или, лучше сказать, колдуны, которые лечили травами и многочисленными суеверными обрядами; и также были все остальные ремесла.

Занятием, к которому они наиболее склонны, была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов в землю Улуа и Табаско, обменивая все это на какао и камешки, которые служили у них монетами. На них они имели обыкновение покупать рабов и другие камешки, изящные и красивые, которые сеньоры носили на себе как драгоценности на праздниках. У них были еще изделия из красных раковин в качестве монет и украшений. Они их носили в плетеных кошельках. На рынках они торговали всеми вещами, какие были в стране. Они продавали в кредит, давали займы и платили честно, без ростовщичества.

Прежде всего они были земледельцами и занимались сбором кукурузы и остальных посевов. Они их сохраняли в очень удобных подвалах и амбарах, чтобы продать в свое время. Мулов и быков у них заменяли люди. На каждого мужчину с женой они имели обычай засеивать участок в 400 квадратных ступней, который они называли хун-ви-ник, измеряемый шестом в 20 ступней, 20 в ширину и 20 в длину. Эти индейцы имеют хороший обычай помогать друг другу взаимно во всех своих работах. Во время посева те, у кого не хватает своих людей для работы, объединяются по 20 и больше или меньше и работают вместе, соответственно размеру участков и количеству работы у всех, и не бросают, пока не покончат со всеми участками. Земли сейчас общие, и первый занявший их владеет ими. Они сеют во многих местах, чтобы в случае недорода с одного участка возместить с другого. Обрабатывая землю, они только собирают сорную траву и сжигают ее перед посевом. Они работают с половины января до апреля и сеют с началом дождей. При посеве они носят маленький мешок за плечами, делают отверстия в земле заостренной палкой и кладут туда 5-6 зерен, зарывая их затем той же палкой. Во время дождей посевы всходят изумительно.

Они соединяются также по 50 и больше или меньше для охоты. Мясо оленей жарят на решетках, чтобы оно не испортилось. Приходя в селение, они делают подарки сеньору и дружно распределяют остальное. То же делают с рыбой.

При посещениях индейцы всегда приносят с собой подарки согласно своему званию; посещаемый делает соответственный подарок. На этих визитах третьи лица говорят и слушают с вниманием, соответственно с тем, кто говорит, но, однако, все называют друг друга на ты. При вежливом разговоре самый низший из уважения повторяет название должности или достоинства старшего. Они имеют обычай помогать тому, кто сообщает вести, придыхательными звуками в горле, как

бы говоря: так, хорошо. Женщины кратки в своих речах, и не было обычая рассуждать с ними, особенно если они бедные. Поэтому сеньоры высмеивали братьев, которые выслушивали с вниманием бедных и богатых без различия.

Обиды, которые они причиняли друг другу, приказывал удовлетворить сеньор селения обидчика. Но это был повод и средство для больших раздоров. Если обидчик был из того же селения, их разбирали судья в качестве посредника, устанавливал убытки и назначал удовлетворение. Если обидчик не был в состоянии возместить убытки, ему помогали родственники и друзья. Обычным поводом для возмещения было случайное убийство кого-либо или когда муж или жена повесились по какому-либо поводу, вызвавшему этот случай, если кто-либо причинил пожар дому или имению, ульям или посевам кукурузы. Другие обиды, причиненные со злым умыслом, удовлетворялись всегда кровью и дракой.

Юкатанцы очень щедры и гостеприимны, так что никто не войдет в их дом, чтобы ему не дали еду и питье, которые они имеют, днем - их питье, ночью - их пищу. Если же не имеют, ищут ее по соседству.

В дороге если собираются люди, то делят- ся со всеми, хотя бы их доля стала из-за этого гораздо меньшей.

ИМЕНА. ПОРЯДОК НАСЛЕДОВАНИЯ

Их счет ведется по 5 до 20, по 20 до 100, по 100 до 400 и по 400 до 8000. Этим счетом они широко пользовались для торговли какао. У них есть другой счет, более длинный, который они продолжают до бесконечности, считая 8 тысяч 20 раз, что составляет 160 тысяч, затем, возвращаясь к 20, они умножают 160 тысяч на это число и так продолжают умножать на 20, пока не получают громадной цифры. Они считают на земле или на чем-либо гладком.

Они очень заботятся о знании своего происхождения, особенно если происходят от какого-либо майяпанского дома, и стараются узнать это у жрецов, что является одной из их наук. Они очень гордятся мужами, которые были выдающимися- ся в их родах. Имена отцов сохраняются у сыновей, у дочерей же нет. Своих сыновей и дочерей они всегда называли именем отца и матери; имя отца употребляется как собственное и имя матери как нарицательное следующим образом: сына Чель и Чан они называли На Чан Чель, что значит "сын таких- то". По этой причине индейцы говорят, что лица одного имени - родственники, и считают себя таковыми. Поэтому, когда они приходят в незнакомое место и нуждаются в помощи, они тотчас называют свое имя, и если там есть кто-либо того же имени, их немедленно принимают и обходятся со всяческой любовью. Также ни мужчина, ни женщина не вступали в брак с кем-либо того же имени, ибо это у них было большим бесчестьем. Сейчас имена, полученные при крещении, являются именами собственными.

Индейцы не разрешали дочерям наследовать вместе с братьями, кроме как по благосклонности или по доброй воле - тогда им давали что-либо в наследство. Остальное делили братья поровну, но тому, кто помог наиболее значительно увеличить имущество, давали соответственное возмещение. Если были только дочери, то наследовали двоюродные братья или ближайшие родственники. Если их возраст не позволял передать им имущество, его передавали опекуну из наиболее близких родственников, который давал матери на их воспитание, ибо был обычаем не оставлять ничего во власти матери; или же отбирали детей, особенно если опекунами были братья умершего. Когда наследники достигали надлежащего возраста, опекуны отдавали им имущество. Не сделать этого было большим позором и причиной многих раздоров. Передача наследства производилась

в присутствии сеньоров и знатных, за вычетом того, что давалось на воспитание. Не давали ничего из урожаев с наследственных участков, равно как с пасек и деревьев какао, ибо говорили, что достаточно было держать это в сохранности. Когда умирал сеньор и не имел сыновей, чтобы управлять после него, но имел братьев, правил старший из братьев или наиболее предприимчивый. Наследника знакомили с обычаями и празднествами, для того чтобы он знал их, когда станет мужем. Эти братья, даже когда наследник уже правил, распоряжались всю свою жизнь. Если умерший не имел братьев, жрецы и знатные люди выбирали подходящего для этого человека.

БРАК

В древности они вступали в брак 20 лет; сейчас - в возрасте от 12 до 15. Поэтому сейчас они разводятся более легко, так как женятся без любви, не зная брачной жизни и обязанностей супругов. Если отцы не могли их уговорить возвратиться к женам, то они искали им новых и новых. С такой же легкостью бросают своих жен мужчины, имеющие детей, не боясь, что другие возьмут их в жены или что они позднее возвратятся к ним. При всем этом они очень ревнивы и не переносят спокойно, когда их жены неверны. Сейчас, когда они видели испанцев, убивающих за это своих жен, они начали грубо обращаться с женами и даже убивать их. Если дети еще маленькие, когда они разводятся, они их оставляют матерям; если большие, то юноши идут с отцами, а девушки с матерями.

1 По другим источникам, девушки вступали в брак 14-15 лет, юноши - 17-18. После испанского завоевания брачный возраст девушек снизился до 12 лет, вероятно в связи с сокращением населения.

Хотя развод был вещью столь общей и обычной, старики и те, кто держался лучших обычаев, считали его дурным. Многие никогда не имели больше одной жены, которую никогда не брали того же имени со стороны отца. Это было у них делом очень бесчестным. Если женились на свояченицах, женах своих братьев, это считалось дурным. Они не женились на мачехах, на свояченицах - сестрах своих жен, на тетках - сестрах своих матерей, и если кто-либо делал это, считали дурным.

Со всеми остальными родственницами со стороны матери они вступали в брак, хотя бы это была двоюродная сестра.

На отцах лежала большая забота отыскать сыновьям во время жен их положения и состояния и, если могли, из той же местности. У них считалось неудобным искать жен для себя или отцам заботиться о замужестве своих дочерей. Чтобы договориться об этом, отыскивали сватов, которые бы вели это дело. Условившись и договорившись, сговаривались о церемонии и приданом, которое было очень невелико. Отец юноши давал его отцу невесты, а свекровь, кроме того, давала в приданое одежды невестке и сыну. Когда наступал день свадьбы, они собирались в доме отца невесты, и там было приготовлено угощение.

Приходили гости и жрец; собрав новобрачных и их родителей, жрец утверждал их бракосочетание, раз к этому хорошо отнеслись родители и было хорошо для них, и они отдавали юноше его жену в эту же ночь, если он был готов к этому. Затем устраивался обед и званый пир. С этого времени впредь зять оставался в доме тестя, работая 5 или 6 лет на тестя. Если он не делал этого, его выгоняли из дома. Матери заботились, чтобы жена всегда давала мужу есть в знак брака.

Вдовы и вдовцы вступают в брак без праздника и торжеств. Достаточно вдовцу прийти в дом вдовы, быть принятым и получить еду, чтобы брак считался совершенным. Это приводит к тому, что они расходятся с такой же легкостью, как сходятся.

Юкатанцы никогда не берут более одной жены, как случается в других странах, когда имеют многих сразу. Иногда отцы договариваются о браке своих малолетних детей до того, как они достигли соответствующего возраста, и считаются свойственниками.

"КРЕЩЕНИЕ"

Крещения нет ни в какой части Индии, кроме Юкатана, где оно существует под названием, которое означает "родиться снова или второй раз". Это то же самое, что в латинском языке "renascor", ибо в языке Юкатана сихил значит "родиться снова или другой раз" и употребляется это слово только в глагольном сочетании; так, капут сихил значит "родиться снова". Мы не могли узнать о его происхождении, кроме того, что это обычай, который всегда существовал. Они к нему испытывали столько благоговения, что никто не забывал получить крещение, и такое уважение, что имевшие грехи или склонные совершить их исповедовались в них обоим жрецу при получении его. Они настолько верили в крещение, что не повторяли его ни в каком случае. Они полагали, что через него получают предрасположение быть добрыми в своих обычаях и не быть соvrащенными демонами в мирских делах. Посредством этого и хорошей жизни они надеялись достигнуть блаженства, в котором, как и в блаженстве Мухаммеда, они пользовались бы пищей и напитками.

У них был следующий обычай, чтобы приготовиться к совершению крещения. Индианки растили детей до возраста 3 лет и имели обыкновение на голову мальчика прикреплять к волосам на темени белую штучку. Девочки носили пояса на бедрах, очень низко, с тонкой веревкой и привязанной к ней раковинной, которая у них приходилась над скромной частью.

У них считалось грехом и большим бесчестьем снимать ее с девочки до крещения, которое они получали всегда от 3 лет до 12, и их никогда не выдавали замуж до крещения.

Когда кто-либо хотел крестить своего сына, он шел к жрецу и сообщал ему о своем намерении. Последний объявлял в селении о крещении и о дне, в который это совершится. Они всегда заботились, чтобы это не был несчастный день. Сделав это, тот, кто устраивал праздник, то есть тот, кто завел об этом беседу, выбирал по своему вкусу знатного человека селения, чтобы тот ему помогал в его занятии и связанных с ним делах. Затем они имели обыкновение избирать четырех других людей, старых и уважаемых, которые помогали жрецу в день праздника в церемониях, и их выбирали всегда вместе с жрецом, по его вкусу. Об этих выборах всегда знали отцы всех детей, которых должны были крестить, ибо праздник был всеобщий. Тех, кого выбирали, называли чаками. Отцы детей и служители постились три дня перед праздником, воздерживаясь от женщин.

В назначенный день все собирались в доме того, кто устраивал праздник, и приводили всех детей, которые должны были получить крещение. Их помещали во внутреннем дворе или на площадке у дома, которая была очищена и усеяна свежими листьями. Они становились по порядку в ряд - мальчики и девочки отдельно. О них заботились в качестве крестных отца и матери старая женщина при девочках и мужчина при мальчиках.

Затем жрец совершал очищение дома, изгоняя из него демона. Чтобы изгнать его, ставили четыре скамеечки в четырех углах двора, на которые садились четыре чака с длинной веревкой, протянутой от одного к другому таким образом, что дети оставались замкнутыми внутри веревки. Затем, перешагивая через веревку, входили в середину круга все отцы детей, которые постились. Перед этим или после в середину

ставили другую скамеечку, на которую садился жрец с жаровней и небольшим количеством размолотой кукурузы и благовоний. Туда подходили по порядку мальчики и девочки, и жрец клал им в руку немного размолотой кукурузы и благовоний, а они бросали их в жаровню, и так делали все. Совершив эти курения, брали жаровню, в которой они это делали, и веревку, которой чаки их окружали, вливали в сосуд немного вина и давали все это одному индейцу, чтобы он унес это из селения; ему советовали не пить и не оглядываться назад на обратном пути. После этого они говорили, что демон изгнан.

Дойдя до этого, подметали двор, очищали его от листьев дерева, которое называется K.UXQM, и разбрасывали листья другого дерева, которое они называют копо, и клали несколько циновок, пока жрец одевался. Одевшись, он выходил в плаще из красных перьев, украшенном разноцветными перьями, по краям у него свисали другие большие перья, и как бы с колпаком на голове из таких же перьев, а внизу

плаща у него было много поясов из хлопка, свисавших до земли, как хвосты. У него было в руке кропило из короткой палки со многими узорами, и, как борода или волосы, у кропила были особые хвосты змей, подобных гремучим змеям. Он был так же важен, как папа при короновании императора. Замечательная вещь, какое удовольствие доставляли им наряды. Чаки тотчас шли за детьми и клали всем на голову белые ткани, принесенные для этого их матерями. Они спрашивали у тех, которые были большими, не совершили ли они греха или нечистого прикосновения; если они это совершили, они признавались им и их отделяли от других.

Сделав это, жрец приказывал людям замолчать и сесть и начинал благословлять детей со многими молитвами и посвящать их кропилом с большой торжественностью. Окончив свое благословение, он садился, и вставал распоряди-

тель, которого отцы детей выбирали для этого праздника, и с костью, которую ему давал жрец, шел к детям и прикасался ко лбу каждого девять раз костью. Затем он смачивал ее в сосуде с водой, который держал в руке, и смазывал им лоб, черты лица и между пальцами ног и рук, при всем этом не говоря ни слова. Эту воду они делали из определенных цветов и из какао, размоченного в девственной воде, как гонорили, взятой из углублений деревьев или камней в лесах. Когда было окончено это помазание, вставал жрец и снимал у них с головы белую ткань и другие, которые у них были накинута на плечи, где каждый носил небольшую связку очень красивых перьев птиц и несколько зерен какао. Все это собирал один из чак. Затем жрец отрезал у детей каменным ножом штуку, которую они носили прикрепленной к голове. После этого шли все остальные помощники жреца с пучками цветов и трубкой, которую индейцы употребляют для курения, прикасались девять раз каждым из этих предметов к каждому ребенку и затем давали ему понюхать цветы и потянуть из трубки. Затем собирали подарки, которые приносили матери, и давали немного каждому ребенку, чтобы съесть там, ибо подарки были съестные. Брали хороший сосуд с вином и тотчас же приносили его в жертву богам и с набожными мольбами просили их принять этот маленький дар от этих детей. Позвав другого служителя, который им помогал и которого они называли кайом, они давали ему сосуд, чтобы он выпил его. Он делал это без отдыха, ибо, говорят, это было бы грехом.

1 В "Сообщении из Мерида" говорится: "Они крестили следующим образом: старший жрец идолов брал воду и бросал в нее кое-какие цветы, говорил над ней некоторые слова, мочил палку и касался ею лба, глаз и лица, говоря трижды: ах! ах! ах!. Это означает, кажется, "оживи!" или "проснись!". Некрещеным нельзя было вступить в брак или стать жрецом, и если кто-либо умирал без крещения, они считали, что таковой будет испытывать больше мучений в аду, чем крещеный".

Сделав это, они отпускали первыми девочек. Матери снимали с них сначала шнур, который они носили прежде обвязанным вокруг талии, и раковину, которую они носили в знак чистоты. Это было как бы разрешением уже выйти замуж, когда пожелают отцы. После того как мальчики оставались одни, пришедшие отцы шли к груди накидок, которые они принесли, и делили их собственноручно между присутствующими и служителями. Затем они оканчивали праздник обильной едой и питьем. Они называли этот праздник Эм К'у, что означает "нисхождение бога". Тот, кто побудил его устроить и нес расходы, кроме трех дней поста, которые он соблюдал, постился еще девять дней, и это они делали неукоснительно.

ИСПОВЕДЬ, СТАТУИ БОГОВ, ЖРЕЧЕСТВО

Юкатанцы, конечно, знали, когда они поступали дурно, и так как они верили, что дурные поступки и грехи причиняют им смерть, болезни и страдания, у них был обычай исповедоваться, существовавший у них еще до христианизации. Таким образом, когда из-за болезни или по другому случаю они были в опасности умереть, они исповедовались в своих грехах, а если были небрежны, то им напоминали ближайшие родственники или друзья. Тогда они публично рассказывали свои грехи; если там был жрец, - то ему, без него - отцам и матерям, жены - мужьям, а мужья - женам.

Грехи, в которых они обычно каялись, были: кража, челоукоубийство, плотский грех и лжесвидетельство. После этого они считали себя в безопасности, и часто, если избегали опасности, были раздоры между мужем и женой из-за несчастий, которые с ними случались, и с теми, которые их причинили.

Они исповедовались в своих слабостях, кроме тех, которые они совершили со своими рабынями, так как они говорили, что законно употреблять свои вещи по желанию. Грех помышлением не исповедовали, хотя считали дурным; в своих советах и проповедях они советовали избегать его.

Посты, которые они главным образом соблюдали, были: воздержание от соли в тушеном мясе и от перца, что им тяжело, и они воздерживались от женщин перед всеми своими праздниками.

Овдовевшие не вступали в брак один год, чтобы не знать мужчины или женщины в это время, и тех, которые этого не соблюдали, считали нескромными и полагали, что с ними случится что-либо дурное. Во время некоторых постов при их праздниках они не ели мяса и воздерживались от женщин. Получение должности на праздниках всегда было связано с постами, равно как и должности общины.

Некоторые посты столь долгие, что продолжались до трех лет, и нарушить все эти посты было большим грехом.

Они были столь преданны своим идолопоклонническим молитвам, что во время нужды, вплоть до женщин, детей и девушек, все занимались этим, то есть жгли курения и умоляли бога освободить их от зла и сдержать демона, который им его причинил.

Путники в дороге также носили курения и тарелочку, на которой их сжигали. Ночью, куда бы они ни прибывали, они ставили три маленьких камня, клали на них немного курения и ставили их перед другими тремя ровными камнями, на которые бросали курение, прося бога, которого они называли Эк'Чуах, о благополучном возвращении в свои дома, где не было недостатка в тех, кто делал для них еще столько же курений и даже больше.

У них было множество идолов и храмов, пышных на свой лад, и даже, кроме общих храмов, сеньоры, жрецы и знатные

люди имели молельни и идолов в доме для своих частных молитв и жертв. Они испытывали к Косумелю и к колодцу Чичен-Ицы такое уважение, как мы к местам паломничества в Иерусалиме и Риме. Они также ходили посещать и приносить дары, главным образом на Косумель, как мы в святые места; те же, которые не шли, всегда посылали свои дары. Те, которые шли, имели обычай входить также в покинутые храмы, когда проходили мимо них, чтобы молиться и жечь копал.

Они имели столько идолов, что им даже не хватало для них богов; поэтому не было животных или рептилий, статуй которых они не делали бы, и все их делали наподобие своих богов и богинь. У них были некоторые идолы из камня, но очень мало, другие делались из дерева и небольшого размера, хотя не такого, как из глины. Идолы из дерева уважались настолько, что они наследовались и поэтому считались главным в наследстве. Идолов из металла они не имели, потому что прежде металла не было. Они хорошо знали, что идолы были вещами мирскими, мертвыми и без божества, но их почитали за то, что они изображали, и поэтому их делали со столькими церемониями, особенно идолов из дерева.

Из них наибольшими идолопоклонниками были жрецы, чиланы, колдуны и лекари, чаки и наконы. Обязанностью жрецов было заниматься их науками и обучать им, объявлять об опасностях и средствах от них, провозглашать и закрывать праздники, приносить жертвы и управлять их святынями. Обязанностью чиланов было давать жителям ответы от демонов, и они были настолько почитаемы, что, случалось, их носили на плечах. Колдуны и лекари лечили кровопусканиями, делаемыми в части, где болит у больного, и бросали жребий, чтобы предсказывать, при исполнении своих обязанностей и в других случаях. Чаки - это четыре старых человека, избираемых всегда заново, чтобы помогать жрецу хорошо и полностью проводить праздники. Наконы - два

должностных лица. Один постоянный и мало уважаемый, ибо это был тот, кто рассекал грудь лицам, которых приносили в жертву. Другой был выборный капитан для войны и некоторых праздников, он избирался на три года и полюбился большим уважением.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

В одних случаях они приносили в жертву собственную кровь, разрезая уши кругом лоскутками и так их оставляли в знак жертвы. В других случаях они протыкали щеки или нижнюю губу, или надрезали части своего тела, или протыкали язык поперек с боков и продевали через отверстие соломинку с величайшей болью. Или же надрезали себе крайнюю плоть, оставляя ее, как и уши. В этом ошибся историк Индий¹, сказавший, что у них есть обрезание.

В других случаях они делали бесчестное и печальное жертвоприношение. Те, кто его совершал, собирались в храме, где, став в ряд, делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперек сбоку, и, сделав это, они продевали через них возможно большее количество шнурка, сколько могли, что делало их всех связанными и нанизанными; так же они смазывали кровью всех этих членов статую демона. Тот, кто больше сделал, считался наиболее мужественным. Их сыновья с детства начинали заниматься этим, и ужасная вещь, как склонны они были к этому.

Женщины не применяли этих кровопролитий, хотя они были достаточно набожны. Кроме того, кровью всех животных, которых они могли добыть, как птицы небесные, зем-

¹ Имеется в виду Гонсало Фернандес де Овиедо-и-Вальдес, автор книги "Общая и естественная история Индии".

ные звери и водяные рыбы, они всегда намазывали лицо идолов. И они приносили в жертву другие вещи, которые имели. У некоторых животных вырывали сердце и его приносили в жертву, других целыми, одних живыми, других мертвыми, одних сырыми, других вареными. Они делали также большие приношения хлебом и вином и всеми видами кушаний и напитков, которые они употребляли.

Чтобы делать эти жертвоприношения, во дворах храмов были воздвигнуты узорные деревянные возвышения, и около ступенек храма у них был круглый широкий пьедестал и посередине камень в четыре или пять пядей высотой, немного обтесанный. Наверху лестниц храма был другой такой же пьедестал.

Кроме праздников, на которых, чтобы их отпраздновать, приносили в жертву животных, также из-за какого-либо не- счастья или опасности жрец или чиланы приказывали им принести в жертву людей. В этом участвовали все, чтобы купить рабов; или же некоторые по набожности отдавали своих детей, которых очень услаждали до дня и праздника их жертвоприношения и очень оберегали, чтобы они не убе- жали или не осквернились каким-либо плотским грехом. Между тем их водили из селения в селение с танцами, они помогали жрецам, чиланам и другим должностным лицам.

Когда наступал день, они собирались во дворе храма, и если его надлежало принести в жертву стрельбой из лука, его раздевали догола, мазали тело лазурью и надевали ему убор на голову. Приблизившись к демону¹, народ исполнял торжественный танец с ним, все с луками и стрелами, вокруг столба и, танцуя, поднимали его на нем и привязывали, все время танцуя и все смотря на него. Поднимался нечистый

¹ Как указывают комментаторы, под "демоном" в данном случае следует понимать жертву. Скорее, однако, имеется в виду статуя бога.

жрец, одетый и со стрелой; была ли это женщина или муж- чина, ранил его в скромную часть, извлекал кровь, спускал- ся и смазывал ею яйцо демона, сделав определенный сигнал танцующим. Они начинали пускать в него стрелы по очере- ди, когда, танцуя, проводили с быстротой; сердце же его бы- ло отмечено белым знаком, и таким образом они превращали всю его грудь в мишень, выглядевшую как щетина из стрел.

Если должны были ему вырвать сердце, его приводили во двор с большой пышностью, в сопровождении народа, выма- занного лазурью, и в его головном уборе. Затем его приводи- ли к круглому возвышению, которое было местом принесения жертв. Жрец и его служители мазали этот камень в голубой цвет и изгоняли демона, очищая храм. Чаки брали несчастно- го, которого приносили в жертву, с большой поспешностью клали его спиной на этот камень и хватили его за руки и за но- ги все четверо, так что его перегибали пополам. Тогда након- палач подходил с каменным ножом и наносил ему с большим искусством и жестокостью рану между ребрами левого бока, ниже соска, и тотчас помогал ножу рукой. Рука схватывала сердце, как яростный тигр, и вырывала его живым. Затем он на блюде подавал его жрецу, который очень быстро шел и ма- зал лица идолам этой свежей кровью.

В других случаях это жертвоприношение совершали на кам- не наверху лестниц храма и тогда сбрасывали тело уже мертвое, чтобы оно скатилось по ступенькам. Его брали внизу служите- ли и сдирали всю кожу целиком, кроме рук и ног, и жрец, раз- девшись догола, окутывался этой кожей. Остальные танцевали с ним, и было это для них делом очень торжественным.

Этих принесенных в жертву сообща они имели обычай погребать во дворе храма или иначе съедали их, разделив среди тех, кто заслужил, и между сеньорами, а руки и ноги и голова принадлежали жрецу и служителям. Этих прине- сенных в жертву они считали святыми. Если они были раба-

ми, взятыми в плен на войне, их сеньор брал кости, чтобы извлекать во время танцев как трофеей в знак победы.

В других случаях они бросали живых людей в колодез Чичен-Ицы, полагая, что они выйдут на третий день, хотя они никогда более не появлялись.

ОРУЖИЕ И ВОЙСКА

У них было оружие для нападения и защиты. Для нападения были луки и стрелы, которые они носили в своих колчанах, с кремнями в качестве наконечников и зубами рыб, очень остры- ми; ими они стреляли с большим искусством и силой. Их луки были из превосходного желто-бурого дерева удивительной проч- ности, скорее прямые, чем изогнутые, а тетивы - из конопли. Длина лука всегда несколько меньше, чем тот, кто его несет. Стрелы были из тростника, очень тонкого, который растет в ла- гунах, длиной свыше пяти пядей. Они пригоняли к тростнику ку- сок тонкой палочки, очень прочной, к которой был прикреплен кремень. Они не употребляли и не знали применения яда, хотя имели в изобилии яды, которыми можно отравить стрелы.

У них были топоры из определенного металла такой формы, которые прилаживали к деревянной рукоятке. Они служили оружием и для обработки дерева. Лезвие делали ударами камня, так как металл мягкий. У них были короткие дротики в один эстадо длиной с наконечниками из твердого кремня, и они не имели другого оружия, кроме этого.

Для защиты у них были щиты, которые они делали из расщепленного тростника, тщательно сплетенные, круглые и отделанные кожей оленя. Они делали панцири, стеганные из хлопка и крупной соли, набитой в два ряда или слоя, и они были крепчайшие. Некоторые сеньоры и капитаны име- ли как бы шлемы из дерева, но их было немного. С этим

оружием они ходили на войну; плюмажи и шкуры тигров и львов надевали те, кто их имел.

У них были всегда два капитана, один постоянный и на- следственный, другой избранный со многими церемониями на три года, чтобы устроить праздник, который справлялся в их месяц Паш и приходился на 12 мая, или в качестве ка- питана другого отряда на войне. Они называли его након; он не

должен был в эти три года знать женщину, даже собственную жену, и есть мясо; они оказывали ему большое почитание и давали ему для еды рыб и игуан, которые подобны ящерицам. Он не опьянялся в это время и имел в своем доме сосуды и вещи для своего пользования отдельно; ему не служили женщины, и он не общался много с народом.

Когда три года проходили, все было как прежде. Эти два капитана обсуждали военные дела и приводили свои дела в порядок. Для этого в каждом селении были люди, избранные как солдаты, чтобы при нужде прийти на помощь с оружием; их называют хольканы, и если не хватало этих, собирали еще людей, приводили в порядок и делили между собой. С высоким знаменем во главе они выходили в глубоком молчании из селения и так шли атаковать своих врагов, с большими криками и жестокостями, где заставляли врасплох.

На дорогах и в проходах враги выставляли против них лучников в укреплениях, обычно сделанных из камня или из дерева и кольев. После победы они вырывали у мертвых чепуху и, очищенную от мяса, держали в руке. Во время своих войн они приносили большие жертвы из добычи, а если брали в плен какого-либо выдающегося человека, его тотчас приносили в жертву, потому что не хотели оставлять в живых того, кто мог бы причинить вред после. Остальные люди, взятые в плен, были во власти того, кто их захватил.

Этим хольканам, кроме военного времени, не платили жалованья, а тогда им давали капитаны известную сумму денег,

но немного, потому что она была из их средств; если не хватало, то селение ему помогало. Селение давало им также пищу, и ее приготавливали для них женщины; ее носили на спине из-за недостатка вьючного скота, и поэтому их войны длились недолго. Закончив войну, солдаты совершали многие бесчинства в своих селениях, пока сохранялся дух войны; сверх того, они привыкали к служению и усадям, и если кто-либо убил на войне какого-нибудь капитана или сеньора, его очень почитали и чествовали.

НАКАЗАНИЯ. ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

У этого народа остался от времен Майяпана обычай наказывать прелюбодеев следующим образом: сделав расследование и уличив кого-либо в прелюбодеевании, начальники собирались в доме сеньора; приведя прелюбодеея, привязывали его к столбу и передавали его мужу виновной женщины; если он его прощал, виновный был свободен, если же нет, то убивал его большим камнем, брошенным в голову с высоты. Для жены достаточным возмездием было бесчестие, которое было велико, и обычно за это их бросали.

Наказанием человекоубийцы была смерть от преследований родственников убитого, хотя бы убийство было случайным¹, или иначе он должен был уплатить за убитого. Кражу искупали и наказывали обращением в рабство, хотя бы была очень маленькая кража², и поэтому у них было столько рабов, особенно во время голода, и из-за этого мы, братья, столько трудились при крещении индейцев, чтобы они дали им свободу.

1 Убийцу убивали тем же способом, каким он убил свою жертву, хотя и не во всех случаях.

2 Вор оставался рабом до тех пор, пока он не был в состоянии заплатить за украденное.

Если они были сеньорами или людьми знатными, собиралось все селение; схватив его, они в наказание надрезали ему лицо от подбородка до лба по бокам, что у них считалось большим бесчестием.

Юноши очень уважали стариков и спрашивали у них советов, а они таким образом хвастались мудростью стариков. Старики говорили юношам, что, так как они больше их видели, им следует верить, и если они это делали, то остальные им больше доверяли. Они были настолько уважаемы при этом, что юноши не обращались к старикам, кроме как в неизбежных делах, например юноши при женитьбе; с людьми женатыми они общались тоже очень мало.

Поэтому был обычай в каждом селении иметь большой выбеленный дом, открытый со всех сторон, в котором юноши собирались для своих развлечений. Они играли в мяч, в игру с бобами, как в кости, и во многие другие игры. Они спали там же вместе почти всегда до женитьбы. Если я слышал, что в других местностях Индий обычен гнусный грех в подобных домах, то в этой земле я не слышал, чтобы они совершали таковой, и полагаю, что они не делают этого, ибо говорят об удрученных этим гибельным несчастьем, что они не являются такими любителями женщин, какими были эти. Ибо в эти места они приводили публичных женщин и в них пользовались ими. Несчастные, которые среди этих людей занимаются этим ремеслом, хотя они получали от них вознаграждение, но было столько юношей, которые их посещали, что они доводили их до изнеможения и смерти. Юноши раскрашивали себя в черный цвет до вступления в брак и не имели обыкновения татуироваться до брака или же татуировались немного. В остальных вещах они следовали всегда своим отцам, привыкли быть столь же хорошими идолопоклонниками, как они, и помогали им много в работах.

Индианки воспитывали своих детей очень сурово, ибо новорожденного четырех или пяти дней от роду клали растянутым в маленькую кровать, сделанную из прутьев, и там, повернув ртом вверх, они

ему клали голову между двумя дощечками, одна на затылке, другая на лбу, между которыми ее сжимали с силой, и держали его там в мучениях, пока, по прошествии нескольких дней, голова его не становилась сплюсненной и деформированной, как это у них было в обычае. Было столько неудобства и опасности для бедных детей, что некоторые рисковали погибнуть; автор этой книги видел, как у одного голова продырявилась сзади ушей, и так должно было происходить со многими.

Они растили их обнаженными и только с 4-5 лет давали им накидку для сна и несколько поясков, чтобы прикрыть наготу, подобно своим отцам, а девочек они начинали покрывать от пояса вниз. Они сосали долго, ибо матери никогда не переставали давать им молоко, пока могли, хотя бы они были 3 или 4 лет, почему и было среди них столько людей очень крепких. Они росли два первых года удивительно красивыми и упитанными. Затем от непрерывных купаний их матерями и от солнца они становились смуглыми. Они были все время детства живыми и резвыми, всегда ходили с луком и стрелами, играя друг с другом, и так они росли, пока не начинали следовать образу жизни юношей, держать себя более на их манер и оставлять детские дела.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА И КОСМЕТИКА

Индианки Юкатана в общем лучшего сложения, чем испанки; они крупнее, хорошо сложены и не имеют таких бедер, как негритянки. Кичатся красотами те, кто их имеет, и действительно они не безобразны. Они не белые, но смуг-

лого цвета, больше по причине солнца и непрерывного купания, чем по своей природе. Они не подправляют лица, как наш народ, и это считают бесстыдством. У них есть обычай подпиливать себе зубы, оставляя их как зуб пилы, и это они считают изящным; занимаются этим ремеслом старухи, подпиливая их с помощью определенных камней и воды.

Они прокалывали ноздри через хрящ, чтобы вставить в отверстие камень янтарь, и считали это нарядным. Они прокалывали уши, чтобы вставить серьги, подобно своим мужьям. Они татуировали себе тело от пояса вверх, кроме груди из-за кормления, более изящными и красивыми рисунками, чем мужчины. Они купались очень часто в холодной воде, как мужчины, но они не делали это с достаточной скромностью, ибо им случалось обнажаться догола у колодца, куда они приходили за водой для этого. У них был еще обычай купаться в горячей воде с паром, но это редко и больше для здоровья, чем для чистоты.

Они имели обычаи натираться красной мазью, как мужья, а те, кто имел возможность, добавляли пахучую камедь, очень липкую; я считаю, что это жидкий янтарь, который на своем языке они называли иш тахте. Этой камедью они смазывали особый брусок, вроде мыла, украшенный изящными узорами; им они смазывали груди, руки и плечи и делались нарядными и надушенными, как им казалось; он сохранился у них много дней, не выдыхаясь, соответственно качеству мази.

Они носили очень длинные волосы и делали и делают сейчас из них очень изящную прическу, разделив на две части, и заплетали их для другого рода прически. Заботливые матери имеют обыкновение ухаживать за девушками брачного возраста столь усердно, что я видел многих индианок с такими редкими прическами, как у испанских модниц. У девочек, пока они не выросли, они заплетаются в четыре или в два жожка, что они считают красивым.

Индианки побережья и провинции Бак'халаль и Кампече более приличны в своей одежде, ибо кроме покрывала, которое они носят от середины туловища вниз, они прикрывают груди, связывая их двойной накидкой, пропущенной под мышками. Все остальные не носят более одной одежды наподобие мешка, длинного и широкого, открытого с обеих сторон; он доходил у них до бедер, где был в обтяжку. У них не было иной одежды, кроме накидки, в которой они всегда спят; они имели обыкновение, когда шли в дорогу, носить ее сложенной вдвое или скатанной и так ходили.

ПРАВЫ И ЗАНЯТИЯ ЖЕНЩИН

Они считали себя добрыми и имели основание, ибо перед тем, как они узнали наш народ, по словам стариков, которые теперь на них жалуются, они были удивительно целомудренны, чему я приведу два примера.

Капитан Алонсо Лопес де Авила, зять аделантадо Монтехо, захватил во время войны в Бак'халале одну молодую индианку, очень красивую и изящную женщину. Она обещала своему мужу, опасаясь, что его убьют на войне, не знать другого мужчины, если его не будет. Поэтому она предпочла скорее лишиться жизни, чем быть опозоренной другим мужчиной; за это ее затравили собаками.

Мне самому жаловалась одна индианка, еще не крещеная, на одного крещеного индейца, который был влюблен в нее, ибо она была прекрасна; однажды, дождавшись отсутствия ее мужа, он ночью появился у нее в доме. После того как он объявил со многими любезностями о своем желании и не достиг ничего, он пробовал дать подарки, которые для нее принес, и, так как не имел успеха, пытался изнасиловать ее. Но хотя он был великан и трудился над этим всю ночь,

он не добился от нее ничего, кроме гнева столь большого, что она пришла ко мне жаловаться на низость индейца, и было это так, как я сказал.

Они имели обычай поворачиваться спиной к мужчинам, когда их встречали в каком-либо месте, и уступать дорогу, чтобы дать им пройти; то же самое, когда они давали им пить, пока они не оканчивали пить. Они обучают тому, что знают, своих дочерей и воспитывают их хорошо по своему способу, ибо бранят их, наставляют и заставляют работать, а если они виноваты, наказывают, щипая их за уши и за руки. Если они видят их поднимающими глаза, они их сильно бранят и смазывают им глаза перцем, что очень больно; если они не скромны, они их бьют и натирают перцем другое место в наказание и стыд. Они говорят как большой упрек и тяжелое порицание непослушным девушкам, что они на- поминают женщин, воспитанных без матери.

Они очень ревнивы, некоторые настолько, что налагали руки на тех, кто вызвал ревность, и столь гневны и раздра- жительны, хотя вообще достаточно кротки, что некоторые имели обыкновение драть за волосы мужей, делая это, впро- чем, с ними изредка.

Они большие труженицы и прилежные хозяйки, потому что на них лежало большинство самых важных работ по обеспечению пищей их домов, воспитанию детей и платежу их налогов; при всем этом они, если нужно, носят иной раз на спине большие тяжести, обрабатывают и засевают свои поля. Они удивительно бережливы, работают ночью в часы, которые у них остались от домашних дел, и ходят на рынки покупать и продавать свои вещицы.

Они разводят птиц для продажи и для еды, кастильских и местных. Они разводят птиц также для забавы и ради пе- рьев, чтобы делать свои нарядные одежды. Разводят других домашних животных, из которых козлят кормят грудью, бла-

годаря чему их выращивают настолько ручными, что они не убегают в лес, хотя их водят по лесам и выращивают в них.

Они имеют обычай помогать друг другу ткать и прясть и расплачиваются этими работами, как их мужья работами в поле. Во время этих работ они всегда шутят, рассказывают новости и иногда немного сплетничают. Они считают очень неприличным смотреть на мужчин и смеяться с ними; одно это настолько нарушало приличия, что и без других вольнос- тей их считали порочными. Они танцевали отдельно свои тан- цы, а некоторые с мужчинами, в особенности один, который они называли наваль, не очень скромный. Они очень плодо- виты, рано рожают и хорошие кормилицы по двум причинам: во- первых, питье, которое они пьют теплым по утрам, дает много молока, а во-вторых, постоянное размалывание куку- рузы и отсутствие стягивающей груди одежды делает их гру- ди очень большими, почему в них и появляется много молока.

Они также опьянялись на пирах, но одни, ибо они едят отдельно, и не напивались так, как мужчины. Они хотят иметь много сыновей, те, у которых их не хватает; они про- сили их у своих идолов с дарами и молитвами; теперь они просят их у Бога.

Они благоразумны и разговорчивы с теми, кто их пони- мает, и удивительно щедры. Они плохо сохраняют тайну и не столь чисты сами и в своих делах, хотя купаются, как горностаи.

Они были очень набожны и религиозны и также очень по- читали своих идолов, возжигая им свои курения и принося им в дар одежду из хлопка, кушанья и напитки; их обязанностью было готовить жертвенные кушанья и напитки, которые индейцы приносили в жертву на праздниках, но при всем этом они не имели обычая проливать свою кровь в жертву де- монам и никогда не делали этого. Им также не позволяли приходить в храмы при жертвоприношениях, кроме опреде-

ленного праздника, когда допускали некоторых старух для справления его. Во время родов они обращались к колдуньям, которые их заставляли верить в свои обманы и клали им под кровать идола одного демона, называемого Иш Ч'ель; они го- ворили, что это богиня деторождения.

Новорожденных детей тотчас обмывают;- когда их нако- нец освобождали от пытки сдавливания лба и головы, шли с ними к жрецу, чтобы он посмотрел их судьбу, указал буду- щее занятие и дал имя, которое они должны были носить во время своего детства. Ибо они привыкли называть своих де- тей разными именами, пока они не крестились и не стали большими, затем они оставляли эти имена и начинали назы- вать их именем отцов, пока они не вступали в брак, и после этого они назывались именем отца и матери.

ПОХОРОНЫ

Эти люди крайне боялись смерти, и это они обнаруживали во всех служениях, которые они совершали своим богам и ко- торые были не для другой цели и не ради другого дела, а толь- ко чтобы они даровали им здоровье, жизнь и пищу. Но когда приходила смерть, нужно было видеть сожаление и плач их по своим покойным и общую печаль, которую это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и очень горестными криками, и печально было слышать их. Они ходили удивительно грустными много дней; соблюдали воздержание и посты по покойному, особенно муж или жена, и говорили, что его унес дьявол, ибо они думали, что от него приходит к ним все дурное и особенно смерть.

Умерших они завертывали в саван, набивая им рот размо- лотой кукурузой, которая служит им пищей и питьем и ко- торую они называют к'ойем, и с ней несколько камешков,

из тех, что они употребляют как монеты, чтобы в другой жизни у них не было недостатка в пище.

Они погребали умерших внутри своих домов или позади них, помещая им в могилу несколько своих идолов; если это был жрец, то несколько книг, если колдун, то его колдовские камни и снаряжение. Обычно они покидали дом и оставляли его необитаемым после погребения. Иначе было, когда в нем жило много людей, в чьем обществе они отчасти теряли страх, который вызывал у них мертвец.

Что до сеньоров и людей очень значительных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы, как показывают сделанные в древности, которые встречались в Исамале. В настоящее время бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми, из глины, если умершие были великими сеньорами.

Остальные знатные люди делали для своих отцов деревянные статуи, у которых оставляли отверстие в затылке; они сжигали какую-нибудь часть тела, клали туда пепел и закрывали его; затем они сдирали у умерших кожу с затылка и прикрепляли ее там, погребая остальное по обычаю. Они сохраняли эти статуи с большим почитанием между своими идолами.

У сеньоров древнего рода Коком они отрубали головы, когда они умирали, и, сварив их, очищали от мяса; затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой и делали их очень похожими на таких, какими они были при жизни. Они держали их вместе со статуями с пеплом и все это хранили в молельнях своих домов, со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они им делали приношения из своих кушаний, чтобы они не испытывали недостатка в них в другой жизни, где, как они думали, покоились их души, и пользовались их дарами.

Этот народ всегда верил в бессмертие души более, чем многие другие народы, хотя не имел такой культуры. Ибо они верили, что была после смерти другая жизнь, более хорошая, которой наслаждались души, отделившись от тела. Эта будущая жизнь, говорили они, разделяется на хорошую и плохую жизнь, тягостную и полную отдыха. Плохая и тягостная, говорили они, для людей порочных; хорошая и приятная для тех, кто хорошо жил по своему образу жизни. Наслаждения, которых, по их словам, они должны были достичь, если были хороши, заключались в том, чтобы идти в место очень приятное, где никакая вещь не причиняла им страдания и где было изобилие очень сладостной пищи и дерево, которое они называли там Яшче, то есть сейба, очень прохладное и с большой тенью, под ветвями которого, в тени, они отдыхали и веселились все время.

Наказание за дурную жизнь, которое, по их словам, должны были получить злые, состояло в том, чтобы идти в место более низкое, чем какое-либо другое - они его называют Метналь, что означает ад, - и в нем подвергаться истязаниям демонов и мукам голода, холода, усталости и печали. Они считают, что в этом месте находится демон, князь всех демонов, которому они все подчиняются, и называют его на своем языке Хун Ахау.

Они говорят, что эти жизни, хорошая и плохая, не имеют конца, ибо не имеет его душа. Они говорили также и считали вполне достоверным, что в этот их рай шли те, которые повесились, чтобы избавиться от них и идти блаженствовать в свой рай, где, говорили они, выходила их принимать богиня виселицы, которую они называли Иш Таб. Они не помнили о воскресении тел и не могут объяснить, от кого они получили сведения об этом их рае и аде.

КАЛЕНДАРЬ

Солнце не скрывается и не удаляется от этой земли, так что ночи никогда не становятся длиннее, чем дни; при наибольшей своей длине ночь равна дню, что бывает от дня св. Андрея до дня св. Люции¹, после чего дни начинают вновь увеличиваться.

Они руководствовались ночью, чтобы узнать время, Венерой, Плеядами и Близнецами. Днем они ориентировались по полдню и имели названия отдельных частей дня от восхода до заката, по которым они рассчитывали и регулировали свои работы.

Их год, совершенно как наш, состоит из 365 дней и 6 часов; они делят его на месяцы двумя способами: одни месяцы по 30 дней, которые называются у, что значит "луна"; их они считали от появления новой луны до исчезновения.

Другой род месяцев имел по 20 дней, и их они называют виналь-хун-эк'ех. Этих месяцев целый год имеет 18 и еще 5 дней и 6 часов. Из этих 6 часов образуется каждые четыре года один день, и таким образом они имели через четыре года один год в 366 дней.

Для этих 360 дней у них есть 20 букв, или знаков, которыми их обозначают, оставляя без названия остальные пять², потому что они их считают роковыми и плохими. Это следующие буквы, и каждая из них будет иметь сверху свое название, как слышится, записанное нашими буквами.

Я уже сказал, что индейцы считают по пятеркам, а из четырех пятерок получается двадцать. Таким образом, из знаков, которых 20, они выбирают первые в четырех пятерках, составляющих 20, и каждый из них служит в течение одно-

1 С 10 по 23 декабря.

2 Майя называли эти пять дней - "дни без имени".

го года, чтобы начинать все первые дни 20-дневных месяцев, подобно тому, как у нас употребляются наши воскресные буквы.

Среди множества богов, которых почитал этот народ, они почитали четырех, называя каждого из них Бакаб¹. Они, как говорили, были четверьмя братьями, которых бог поместил, когда сотворил мир, в четырех частях его, для поддержания неба, чтобы не упало. Говорили также об этих Бакабах, что они спаслись, когда мир был разрушен потопом². Каждому из них дают другие имена и вместе с ними приписывают ему часть света, где бог определил ему место, чтобы поддерживать небо, и присваивают одну из четырех воскресных букв ему и части света, где он находится. У них отмечены бедствия и счастливые события, которые, как они говорили, должны случиться в год каждого из них, обозначенный соответствующими буквами.

Демон, обманувший их в этом, как и в остальных вещах, установил обряды и приношения, которые они должны были совершать, чтобы избежать несчастий. Поэтому, если они не наступали, они говорили, что это по причине обрядов, которые они совершили для него. Если же наступали, то жрецы заставляли население считать и верить, что это было из-за греха или ошибки в обрядах или из-за тех, кто их совершал.

Итак, первая из воскресных букв есть К'ан. Год, обозначаемый этой буквой, имел предзнаменование Бакаба, которого другими именами называют Хобниль, К'аналь Бакаб, К'ан Павах Тун, К'ан Шиб Чак. Ему приписывали южную сторону.

Вторая буква есть Мулук. Они обозначали ею восток, и ее год имел предзнаменование Бакаба, которого называют Кан Цик Наль, Чакаль Бакаб, Чак Павах Тун, Чак Шиб Чак.

1 Бакабы - боги дождя и ветра.

1 Майя считали, что до современной эпохи мир пережил несколько потоков.

Третья буква есть Иш. Ее год имел предзнаменование Бакаба, которого называют Сак Кими, Сакаль Бакаб, Сак Павах Тун, Сак Шиб Чак; они приписывали ему северную сторону.

Четвертая буква есть Кавак. Ее год имел предзнаменование Бакаба, которого называют Хосан Эк, Эк'ель Бакаб, Эк' Павах Тун, Эк' Шиб Чак. Ему приписывали западную сторону¹.

Какой бы ни был праздник или торжество, которое этот народ устраивал своим богам, всегда начинали с изгнания демона, чтобы лучше его справиться. Изгоняли его в одних случаях молитвами и благословениями, которые имелись для этого, в других - обрядами и жертвами, которые делали с этой целью. Чтобы отпраздновать торжество своего нового года с большим весельем и большим достоинством, по их жалкому мнению, этот народ избрал пять роковых дней; они считали таковыми дни перед первым днем нового года и во время их они совершали большие обряды упомянутым Бакабам, а затем демону, которого они называли другими четверьмя именами, как и Бакабов, а именно: К'ан-у-Вайеяб, Чак-у-Вайеяб, Сак-у-Вайеяб, Эк'-у-Вайеяб. Закончив эти обряды и праздники и прогнав от себя, как мы увидим, демона, они начинали свой новый год.

ГОД СО ЗНАКОМ К'АН

По обычаю, во всех селениях Юкатана были сделаны два кургана из камня, один напротив другого, у входа в селение, со всех четырех сторон селения, а именно: с восточной, западной, северной и южной, чтобы справлять два праздника роковых дней, что они делали каждый год следующим образом.

¹ Различие между Бакабами, Павахтунами и Чаками установить трудно. Предполагают, что Павахтуны - боги ветра, Чаки - боги дождя.

В год, воскресная буква которого была К'ан, знаменем был Хобниль; по их словам, они оба царствовали на юге. В этот год они делали изображение или полую фигуру из глины демона, которого они называли К'ан-у-Вайеяб, и относили его на курганы из сухого камня, которые были сделаны в южной стороне. Избирали князя селения, в доме которого справлялся в эти дни праздник. Чтобы справиться с ним, они делали статую демона, которого называли Болон Ц'акаб, и помещали ее в доме князя, выставляя в общественном месте, чтобы все могли подойти.

Сделав это, сеньоры, жрец и мужчины селения собирались и по чистой, украшенной арками и зеленью дороге шли все вместе с большим благочестием до места курганов из камня, где находилась статуя. Когда подходили к ней, жрец кадил 49 зернами размолотой кукурузы, смешанной с курением, и они это клали в жаровню демона и кадили ему. Они называли одну размолотую кукурузу саках¹, а курение сеньоров чахальте. Они кадили изображению, обезглавливали курицу и подносили, или жертвовали, ее.

Сделав это, они помещали изображение на жердь, называемую канте, поставив ему на плечи ангела в знак воды и того, что этот год должен быть хорошим. Этих ангелов они рисовали и делали ужасными. И так они относили статую с большим ликованием и танцами в дом князя, где находилась

другая статуя бога Болон Ц'акаб. Из дома этого князя выносили сеньорам и жрецу на дорогу напиток, сделанный из 415 зерен поджаренной кукурузы, который они называют пикула-к ак'ла, и его все пили.

Войдя в дом князя, они помещали это изображение напротив статуи демона, которая там находилась, и подносили ему

1 Саках - жертвенный напиток из кукурузы; в данном случае, по-видимому, имеется в виду молотая кукуруза, смешанная с копалом.

много даров из кушаний и напитков, из мяса и рыбы; эти дары разделялись между чужестранцами, которые там присутствовали, а жрецу давали ляжку оленя. Некоторые проливали кровь, надрезывая себе уши и смазывая ею бывший там камень демона К'аналь Акантун. Делали сердца из хлеба и другой хлеб с семенами тыквы и подносили их изображению демона К'ан-у-Вайеяб. Таким образом они чествовали эту статую и изображение в роковые дни и кадили им своим курением и размолотой кукурузой, смешанной с курением.

Они были уверены, что если не сделают эти церемонии, то станут жертвами определенных болезней, которые имеют власть над ними в этом году. Когда роковые дни проходили, они переносили статую демона Болон Ц'акаб в храм, а изображение в восточную сторону, чтобы идти за ним в другой год. Они оставляли его там и расходились в свои дома заниматься там тем, что полагалось сделать каждому к празднованию нового года.

Исполнив церемонии и изгнав демона, по их ложному мнению, они считали этот год хорошим, так как со знаком К'ан царствовал Бакаб Хобниль, который, говорили они, не имел греха, как его братья, и поэтому с ними не случались несчастья при нем. Но так как во многих случаях они были, демон установил совершаемые ему обряды таким образом, что, когда случались несчастья, их приписывали греху при обрядах или греху исполнителей обрядов, и они оставались всегда в заблуждении и ослеплении.

Он повелел им, чтобы они делали идола, которого называли Ицамна К'авиль1, помещали его в храме и жгли ему во дворе храма три шарика из сока или смолы, которые они называли к'ик', и приносили ему в жертву собаку или человека, что они делали, соблюдая порядок, который я уже опи-

Бог податель пищи.

сал, бывший при жертвоприношениях. Но способ приносить жертву на этом празднике отличался. Они делали во дворе храма большой курган из камней и клали человека или собаку, которых должны были принести в жертву, на что-либо более высокое, чем он; связанную жертву, брошенную с высоты на камни, схватывали служители и с большой быстротой вырывали сердце, несли к новому идолу и подносили ему между двумя тарелками. Подносили другие дары из пищи. В этот праздник старухи селения, избранные для этого, танцевали, одетые в особенные одеяния. Они говорили, что спускался ангел и принимал это жертвоприношение.

ГОД СО ЗНАКОМ МУЛУК

В год, воскресная буква которого Мулук, знаменем был Кан Цик Наль. Когда приходило его время, сеньоры и жрец избирали князя, чтобы справить праздник. Избрав его, делали, как в предыдущий год, изображение демона, которого называли Чак-у-Вайеяб, и относили его на курганы из камня, бывшие в восточной стороне, где они оставили прошлогоднее изображение. Делали статую демона, называемого К'инич Ахау', и помещали ее в подходящее место в доме князя; оттуда по очень чистой и украшенной дороге шли все вместе, с их обычным благочестием, к изображению демона Чак-у-Вайеяб.

Когда они подходили, жрец кадил ему 53 зернами размолотой кукурузы, смешанной с их курением, которое они называют саках. Жрец давал сеньорам, чтобы они положили в жаровню еще курение, называемое чахальте. Затем они обезглавливали курицу, как в прошлый год, и, взяв изображение на жердь, называемую чакте, относили, сопровождая

"Владыка с солнечным глазами".

ее с благоговением и танцуя танцы войны, которые они называют холькан-ок'от и батель-ой'от. Сеньорам и знатным выносили на дорогу напиток из 380 зерен поджаренной кукурузы, как прежде.

Придя в дом князя, они помещали это изображение напротив статуи бога К'инич Ахау и делали ему все свои приношения, которые делили, как и другие. Подносили изображению хлеб, сделанный наподобие желтков яиц, другие с сердцами оленей и еще другой, сделанный с разбавленным перцем. Находились многие, которые проливали кровь, надрезая себе уши и смазывая кровью бывший там камень демона по имени Чак Акантун. Сюда брали мальчиков и извлекали у них насильно кровь из ушей, делая на них надрезы. Они чествовали эту статую до конца роковых дней и в это время жгли ей свои курения. Когда дни проходили, они относили изображение, чтобы оставить в северной стороне, куда они должны были идти брать ее на следующий год; а другую относили в храм, после чего расходились в свои дома заниматься приготовлением к своему новому году. Они опасались, если не делали упомянутые вещи, большой болезни глаз.

Этот год, в который буква Мулук была воскресной и царствовал Бакаб Кан Цик Наль, они считали хорошим годом, ибо говорили, что он был лучший и старший из этих богов Бакабов, и поэтому они упоминали его первым в своих молитвах. Но со всем тем, однако, демон повелел, чтобы они делали идола, называемого Яш Коках Мут¹, помещали его в храме, убрали прежние изображения, делали во дворе перед храмом возвышение из камня, на котором сжигали свое курение и один шарик из смолы или сока, к'ик', совершая там молитву идолу и прося у него помощи от несчастий, предстоявших в этом году, которыми были недостаток воды,

1 "Зеленый светляк-птица" или "зеленый светляк-фазан".

изобилие отпрысков у кукурузы и тому подобное. Как средство от этого демон им повелел приносить ему в жертву бенок и покров без узоров; его должны были ткать старухи, которые имели обязанность танцевать в храме, чтобы смягчить бога Яш Коках Мут.

Они ожидали многие другие несчастья и имели дурные приметы, хотя год был хорошим, если не делали обряды, которые установил демон. Ему нужно было устроить праздник и на нем танцевать танец на очень высоких ходулях, приносить ему в жертву головы индюков, хлеб и напитки из кукурузы. Они должны были приносить ему в жертву собак, сделанных из глины с хлебом на спине, а старухи должны были танцевать с ними в руках и приносить ему в жертву собачку, которая имела бы черную спину и была бы девственной. Наиболее набожные из них должны были проливать свою кровь и смазывать ею камень бога Чак Акан-тун. Этот обряд и жертвоприношение они считали приятными своему богу Яш Коках Мут.

ГОД СО ЗНАКОМ ИШ

В год, воскресной буквой которого была Иш, а знаменем Сак Кими, после избрания князя для проведения праздника они делали изображение демона, называемого Сак-у-Вайеяб, и относили его на курганы из камня в северной стороне, где в прошлом году бросили его. Делали статую демона Ицамна, и помещали ее в доме князя, и все вместе по украшенной улице шли благоговейно за изображением Сак-у-Вайеяб. Придя, они кадили ему, как это обычно делали, обезглавливали курицу, помещали изображение на жердь, называемую сак-хиа, и несли ее с благоговением и танцами, которые они называют алкав танк'ам ахад. Им выносили обычный напиток на дорогу; придя в дом, они помещали это

изображение перед статуей Ицамна и там ему подносили все свои дары и делили их. Статуе Сак-у-Вайеяб они подносили голову индюка, пироги из перепелок, другие вещи и их напиток. Некоторые проливали кровь и смазывали ею камень демона Сак Акантун. Таким образом они чествовали идолов в дни до нового года и кадили им своими курениями, пока по наступлении последнего дня не относили Ицамну в храм, а Сак-у-Вайеяб в западную сторону и оставляли его там, чтобы взять на следующий год.

Несчастья, которых они опасались в этот год, если были небрежны в этих своих обрядах, были слабость, обмороки, болезнь глаз. Они считали его плохим годом для хлеба, но хорошим для хлопка. Этот год, когда воскресная буква была Иш и Бакаб Сак Кими царствовал, они считали тяжелым годом, ибо говорили, что испытают многие бедствия; так, говорили они, будет большой недостаток воды и много солнца, которое высушит поля кукурузы, отчего произойдет большой голод, от голода кражи, от кражи рабы и продажа тех, кто совершил кражи. От этого у них должны были произойти раздоры и войны между ними самими и с другими селениями. Они говорили также, что предстояла перемена власти сеньоров и жрецов из-за войн и раздоров. У них было также предсказание, что если кто-нибудь из них попытается стать сеньором в этот год, то не преуспеет в этом. Говорили также, что могла появиться саранча и многие из их селений обезлюдели бы от голода.

Чтобы отвратить все или некоторые из этих несчастий, которых они ожидали, демон повелел им делать идола, которого они называли К'инич Ахау Ицамна, и поместить его в храме, где они жгли ему многие курения и приносили многие дары и молитвы, проливая свою кровь, которой смазывали камень демона Сак Акантун. Они совершали многие танцы, и, как обычно, танцевали старухи. В этот праздник

они делали снова маленькую молельню для демона или обновляли ее и в ней собирались приносить жертвы и дары демону и чтобы всем устроить торжественное пиршество, ибо этот праздник был общим и обязательным. Находились некоторые святоши, которые по своей воле и по своему благочестию делали другого идола, подобного упомянутому выше, помещали его в другие храмы, где подносились дары и устраивалось пиршество. Эти пиршества и жертвоприношения они считали очень приятными своим идолам и средством освободиться от предсказанных несчастий.

ГОД СО ЗНАКОМ КАВАК

В год, воскресной буквой которого был Кавак, а знаменем Хосан Эк', избрав князя для проведения праздника, они делали изображение демона, называемого Эк'-у-Вайеяб, и относили его на курганы из камня в западной стороне, где его оставили в прошлом году. Делали также статую демона, называемого Вак Митун Ахау¹, и помещали ее в подходящее место в доме князя. Оттуда все шли в место, где было изображение Эк'-у-Вайеяб, очень украсив для этого дорогу. Подходя к нему, жрец и сеньоры кадили, как обычно, и обезглавливали курицу. Сделав это, брали изображение на жердь, которую

называли яшек, и помещали на спину изображения череп, мертвого человека и сверху питающуюся трупами птицу, называемую к'уч, в знак большой смертности, ибо этот год они считали очень плохим.

Они несли ее затем таким образом, с горестью и благоговением, танцуя определенные танцы, среди которых танцевали

1 "Владыка шести адов" или "Владыка шестого ада".

один наподобие забрызганных грязью¹, и поэтому они называли его шибальба-ок'от, что значит "танец демона". Выходили на дорогу виночерпии с напитком сеньоров. Этот напиток они относили к месту статуи Вак Митун Ахау и ставили его там перед изображением, которое принесли. Тотчас начинали свои приношения, курения и молитвы; многие проливали кровь из разных частей своего тела и смазывали ею камень демона Эк'ель Акантун. Так они проводили роковые дни, и когда они проходили, относили Вак Митун Ахау в храм, а Эк'-у- Вайеяб в южную сторону, чтобы взять его на следующий год. Этот год, буквой которого был Кавак и царствовал Бакаб Хосан Эк', они считали, помимо предсказаний смертности, плохим, ибо, говорили они, жаркое солнце должно было погубить поля кукурузы, а множество муравьев и птицы - съесть то, что они посеяли; но так как это не должно было произойти во всех местах, в некоторых оказывалась пища, которую они доставали с большим трудом. Демон заставил их как средство от этих несчастий делать изображения четырех демонов, называемых Чи Чак Чоб, Эк' Балам Чак, Ах Канволь Каб, Ах Булук Балам², помещать их в храме, где они кадили им своими курениями и подносили им два шарика из сока или смолы дерева, которую они называют к'ик', чтобы сжечь, а также несколько игуан, хлеб, митру, букет цветов и один из своих драгоценных камней³. После этого, чтобы справить праздник, они делали во дворе большой свод из дерева и наполняли его дровами сверху и по бокам, оставив среди них проходы, чтобы можно было войти и выйти. После этого многие мужчины брали связанные пучки прутьев,

1 Возможно, это название старинного испанского танца.

2 Имя первого демона переводится "Маленькая крыса" (вариант - "Отец красная пума"); имя второго - "Черный ягуар Чак"; третьего - "Владыка извивающейся змеи"; четвертого - "Владыка 11 ягуаров".

3 Имеются в виду диски из нефрита.

очень сухих и длинных; поместившийся сверху дров певец пел и извлекал звук из своего барабана, а бывшие внизу все танцевали с большой согласованностью и благоговением, входя и выходя через проходы этого деревянного свода. Таким образом они танцевали до вечера и, оставив там каждый свою связку, уходили в свои дома отдохнуть и поесть.

С наступлением ночи они возвращались и с ними множество народа, ибо у них эта церемония очень уважалась. Взяв каждый свой пучок, они зажигали их, и каждый в свою очередь зажигал ими дрова, которые сильно пылали и быстро сгорали. Когда оставались одни пылающие угли, они выравнивали их и разбрасывали очень широко. Те, кто танцевал, собирались, и некоторые брались пройти босыми и голыми, как они ходили, по этим пылающим углям с одной стороны на другую. Некоторые проходили без вреда, иные обжигались, иные наполовину сгорали. Это они считали средством от своих несчастий и дурных предзнаменований и думали, что этот обряд очень приятен их богам. Сделав это, они уходили пить и опьяняться, ибо этого требовал обычай праздника и жар огня. [...]

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Индейцы имели не только исчисление года и месяцев, как было сказано и обозначено прежде, но имели и определенный способ считать свое время и свои дела веками, которые у них были по двадцать лет, считая тринадцать двадцатилетий посредством одной из двадцати букв месяцев, которую они называют Ахау, не по порядку, а с чередованием. Они называют их на своем языке К'атунами, и посредством их они имели удивительный счет своих веков. Поэтому было легко старику, о котором я уже сказал, вспоминать о трех столетиях,

руководствуясь ими. Если бы я не знал об этом их счете, я не поверил бы, что можно вспоминать о таком времени.

Тот, кто установил исчисление К'атунов, если он был демон, то сделал это, как обычно, устроив их в свою честь. Если это был человек, он, очевидно, был большим идолопоклонником, ибо к этим своим К'атунам прибавил все главные обманы, предвещения и ложь, которыми этот народ по своему убожеству был целиком обольщен. Это была наука, которой они верили больше всего и которую считали высшей; в ней не все жрецы умели разобратся.

Порядок, который они имели, чтобы считать свои события и делать предсказания по этому исчислению, требовал, чтобы у них стояли в храме два идола, посвященные двум из этих букв.

Первому, согласно счету от креста, помещенного над окружностью, они поклонялись и совершали обряды и жертвоприношения как средство от бедствий двадцатилетия, а 10 лет, которые оставались до конца двадцатилетия первого идола, они только жгли ему курения и почитали его. Когда двадцатилетие первого идола истекало, они начинали следовать судьбам второго и совершать ему свои жертво-

приношения и, убрав этого первого идола, помещали друго- го, чтобы почитать его следующие десять лет'.

Например, говорят индейцы, что испанцы вступили в го- род Мерида в год от Рождения Господа 1541, что было точно в первый год эры Булук Ахау, тот, который в отделении, где стоит крест, и они вступили в месяц Поп, первый месяц их го- да. Если бы не было испанцев, они поклонялись бы идолу Булук Ахау до 51 года, что составляет 10 лет, а на десятый год

1 Основываясь на книге "Чилам Балам из Чумайеля", некоторые иссле- дователи считают, что каждый идол К'атуна находился в храме 30 лет (по 360 дней). Первые 10 лет он был "гостем" и "принимал власть" у своего предше- ственника, следующие 10 лет он "правил" один, а последние 10 лет - совме- стно с преемником.

поместили бы другого идола, Болон Ахау, и почитали бы его, следуя предсказаниям Булук Ахау, до 61 года; тогда они унес- ли бы его из храма, и поместили бы идола Вук Ахау, и следо- вали бы предсказаниям Болон Ахау следующие 10 лет, и так переменяли бы всех. Таким способом они почитали этих сво- их К'атунов 20 лет и 10 лет руководствовались своими суеве- риями и ложью, которые были таковы и столь изобильны для обмана простого народа, что удивят, хотя не тех, кто знает де- ла природы и опытность, которую в них имеет демон.

Эти люди употребляли также определенные знаки или буквы, которыми они записывали в своих книгах свои древ- ние дела и свои науки. По ним, по фигурам и некоторым знакам в фигурах они узнавали свои дела, сообщали их и обучали. Мы нашли у них большое количество книг этими буквами и, так как в них не было ничего, в чем не имелось бы суеверия и лжи демона, мы их все сожгли; это их удиви- тельно огорчило и причинило им страдание. [...]

ПОСТРОЙКИ В ЮКАТАНЕ

Если бы Юкатан мог получить имя и репутацию благода- ря множеству, величине и красоте построек, как этого достиг- ли другие части Индий благодаря золоту, серебру и сокрови- щам, он прославился бы так же, как Перу и Новая Испания, потому что эти постройки и их многочисленность - наиболее замечательная вещь из всего, что открыто в Индиях до сего- дняшнего дня; ибо их так много, и в стольких частях страны они имеются, и они настолько хорошо выстроены из тесаного камня по их способу, что удивительно.

И так как эта страна, хотя она и хороша, не такова сейчас, какой была, кажется, во времена процветания, когда в ней было построено столько замечательных зданий, несмотря на

отсутствие в ней какого-либо рода металла для их обработки, я приведу здесь соображения, которые слышал от тех, кто их видел. По этим соображениям, жители должны были подчи- няться некоторым сеньорам, любителям давать им много ра- боты, которые заставляли их работать на этом строительстве; или, будучи большими почитателями своих идолов, они выде- лялись из общины для строительства их храмов; или по ка- ким-либо причинам они меняли поселения и там, где жили, строили всегда заново свои храмы, и святилища, и дома для се- ньоров, по их обычаю, а сами всегда жили в домах из дерева, крытых соломой; или же сильно располагало наличие в этой стране камня, извести и особой белой земли, превосходной для построек; это и дало им повод соорудить столько зданий, что те, кто их не видел, считают баснями разговоры о них.

Эта страна имеет какой-то секрет, до сих пор неразгадан- ный и недоступный также и местным людям нашего време- ни. Ибо говорить, что их построили другие народы, подчи- нив индейцев, неправильно, так как есть признаки, что эти здания были построены народом индейским и не носящим одежды; это видно в одной из имеющихся там многих очень больших построек; на стенах ее бастионов еще сохраняются изображения обнаженных людей, прикрытых длинными по- ясами, которые называют на их языке эш, и с другими отли- чительными знаками, которые носят индейцы нашего вре- мени. Все сделано из очень прочного раствора. Когда я жил там, нашелся в одном здании, которое мы снесли, большой сосуд с тремя ручками, расписанный снаружи в серебристые цвета. Внутри него был пепел сожженного тела, среди кото- рого мы нашли три куса хорошего камня того рода, что ин- дейцы теперь употребляют в качестве монеты. Все это пока- зывает, что строителями зданий были индейцы.

Если это были индейцы, то они значительно превосходили современных и были людьми гораздо более рослыми и силь-

ными. Это еще лучше видно в Исамале, в другой части стра- ны, по наполовину выступающим скульптурам, которые, как я сказал, имеются на бастионах до сих пор, сделанные из рас- твора, и изображают рослых людей; и концы рук и ног чело- века, пепел которого был в сосуде, найденном нами в здании, сохранились удивительным образом после сожжения и были очень большие. Это видно также по ступенькам лестниц в зданиях; некоторые больше двух добрых пядей в высоту, и это здесь только, в Исамале и Мериде.

Здесь, в Исамале, есть среди других здание удивительной высоты и красоты. О нем можно судить по этому плану и по описанию его. Оно имеет 20 ступенек, каждая более двух доб- рых пядей в высоту,

одну с третьей пяди в ширину и более ста ступней в длину. Эти ступеньки сделаны из очень больших тесаных камней, хотя за долгое время и находясь под дождем они уже обезображены и повреждены. Позади окружает здание, как показывает округлая линия, очень прочная стена, построенная из тесаного камня. На ней на высоте около полутора этажа выступает карниз из красивых камней, идущий по всей окружности, а затем постройка продолжается до одного уровня с высотой площадки, которой оканчивается первая лестница.

После этой площадки сделана другая лестница, такая же как и первая, хотя не столь длинная и не с таким числом ступенек; вокруг нее еще продолжается круглая стена. На верху этих ступенек сделана другая хорошая площадка; на ней, почти рядом со стеной, сделан холм, довольно высокий, с лестницей на южной стороне, откуда спускаются и большие лестницы; на вершине холма стоит красивая часовня из очень хорошо обработанного камня. Я поднимался на вершину этой часовни; так как Юкатан страна ровная, она видна оттуда, насколько хватает глаз, удивительно далеко, и видно море.

Таких построек в Исамале было всего 11 или 12, хотя эта - наибольшая. Они расположены очень близко друг к другу.

Нет памяти об их основателях, и они, кажется, были первыми¹. Они находятся в 8 лигах от моря в очень красивом месте на хорошей земле и в населенном округе. Поэтому индейцы с большой настойчивостью заставили нас в 1549 г. поселиться среди этих зданий в одном доме, который мы называем Сант-Антонио, что оказало большую помощь в христианизации их и всех вокруг, и так были основаны два хороших поселения в этом месте, отдельно одно от другого.

Другие постройки, самые главные в этой стране и настолько древние, что не сохранилась память об их основателях, находятся в Тихоо, в 13 лигах от построек Исамала и в 8 лигах от моря, как и предыдущие. Есть и сейчас следы очень красивой дороги, ведущей от одних к другим. Испанцы основали здесь город и называют его Мерида из-за странности и величия построек². [...] Это квадратное место большой величины, так как имеет более двух лошадиных бегов.

¹ В "Сообщениях из Юкатана" говорится: "Упомянутое поселение Исамаль очень древнее; в нем очень большие прочные здания со сводами из крепчайшей смеси. В самом главном из них основан упомянутый монастырь. Это было здание, сделанное вручную; на него вела лестница с более чем 150 ступенями, и каждая ступень имела более половины вары в ширину. Здание было повернуто на север и имело сверху три толстые стены вроде башен большой высоты. Самая большая из них была на южной стороне, а две другие, не столь большие, на восточной и западной сторонах. На этих башнях были сделаны из смеси извести с песком фигуры вооруженных гигантов с щитами и шлемами. Местные жители говорят, что строители этих зданий были людьми более высокого роста, чем люди нашего времени. Жителей этого города победили К'ак'-у-пакаль и Уило, доблестные капитаны людей ах-ица, тех, что основали Майяпан. Первыми основателями Исамала были К'инич К'абуль, К'инич К'ак' Мо, Кит Ах Куц и Кит Ах Кой, от которых происходят индейцы этой провинции, носящие прозвища и фамилии Шоль, Мо и Кой. Через много лет этой местностью завладели Чели, которые были сеньорами провинции Исамаль".

Древние здания в Ицмале (Исамаль) и Тихоо (Мерида) были полностью разрушены в колониальный период.

² Название "Мерида" объясняется тем, что испанские завоеватели усмотрели сходство между развалинами Тихоо и римскими развалинами Мериды в Испании.

На восточной стороне сразу от земли начинается лестница. В этой лестнице 7 ступеней такой же высоты, как в Исамале. Остальные стороны, южная, западная и северная, окружены крепкой и очень широкой стеной. На ровной поверхности этого квадратного массива из сухого камня начинается другая лестница, с той же восточной стороны, отступающая в глубину, как мне кажется, на 28 или 30 ступней, со столькими же ступенями и такими же большими. Такое же отступление есть с южной и северной сторон, но нет с западной, и две прочные стены идут, пока не встретятся или не соединятся с западной стеной квадрата, и они поднимаются до высоты лестниц, а весь массив в середине сделан из сухого камня. Этот массив удивляет высотой и величиной, так как сделан голыми руками. Затем на верхней площадке начинаются постройки такого рода. Вдоль западной стороны идет помещение, отступающее внутрь ступней на шесть и не достигающее до краев, сделанное из очень хорошо обработанного камня. С одной стороны и с другой оно все из камер 12 ступней длиной и 8 шириной. Двери в середине каждой камеры без следов створок или дверных петель, чтобы запирать их, но очень гладкие, из их очень хорошо обработанного камня; все удивительно пригнано, и перекрыты все двери сверху перемычками из цельного камня. В середине был проход вроде арки моста, и над дверями камер выступал пояс из резного камня вдоль всего помещения, над которым выступали столбики до верха; они были наполовину круглые, наполовину погружены в стену. Они шли до верха, достигая сводов, которыми были закрыты сверху камеры. Над этими столбиками выступал другой пояс, идущий вокруг всего помещения. Наверху была

пло- ская крыша, очень прочно оштукатуренная, как там делается с помощью особого настоя из коры одного дерева.

С северной стороны было другое помещение с такими же камерами, но это помещение было почти наполовину короче.

На западной стороне шли опять камеры, и после четвертой или пятой был сделан свод, который пересекал все здание, как свод посредине восточного помещения. Затем была другая постройка, круглая и довольно высокая, и затем другой свод; остальное занимали камеры, подобные другим. Эта постройка пересекала весь большой двор достаточно далеко от середины, и таким образом получалось два двора, один позади нее на западе, а другой к востоку, окруженный четырьмя помещениями, четвертое из которых очень отличается от остальных. Это помещение сделано на юге из двух комнат, покрытых вдоль сводом, как остальные. Передняя часть этих комнат - коридор из очень толстых столбов, покрытых сверху очень красиво обработанными цельными камнями. В середине идет стена, на которую опирается свод обоих помещений, с двумя дверьми, чтобы можно было войти в другое помещение. Таким образом, все это сверху закрыто и оштукатурено.

На расстоянии приблизительно двух хороших бросков камня от этого здания есть другой очень высокий и красивый двор. В нем есть три холма, сложенные из хорошо обработанного камня. На вершине их очень хорошие капеллы со сводами, которые у них обычны и которые они умели делать. Довольно далеко от него был такой большой и красивый холм, что, хотя большая часть города, возникшего вокруг, была построена из его камней, я не знаю, будет ли он когда-либо разрушен полностью.

Первое здание из четырех комнат нам отдал аделантадо Монтехо. Так как оно поросло диким лесом, мы расчистили его и построили в нем из его же камня неплохой монастырь, весь каменный, и хорошую церковь, которую мы называем церковью Матери Божией. Из комнат было столько камер, что осталось целым помещение на юге и часть тех, что по бокам; и мы даем много камней испанцам для их домов, особенно для дверей и окон; таково было их изобилие.

Постройки селения Текох не столь многочисленны и величественны, как некоторые другие, хотя они были хороши и блестящи. Я не упомянул бы о нем, если бы там не было многочисленного населения, о чем нужно будет сказать в дальнейшем; поэтому я пропущу его сейчас. Эти постройки находятся в 3 лигах к востоку от Исамалья и в 7 лигах от Чичен-Ицы.

Чичен-Ица очень хорошее место в 10 лигах от Исамалья и в 11 от Вальядолида. Здесь, как говорят старики из индейцев, управляли три сеньора-брата, которые, как они слышали от предков, пришли в эту страну с запада и собрали в этих местах большое население из деревень и племен. Они правили ими несколько лет в большом мире и справедливости. Они очень почитали своего бога и поэтому построили много зданий, очень красивых, особенно одно из них, наибольшее.

Эти сеньоры, говорят, жили без женщин, в очень большой скромности и все время, пока они жили так, были очень уважаемы, и все им повиновались. По прошествии времени один из них согрешил и ему должно было умереть, хотя, как индейцы говорят, он отправился в сторону Бак'халала, уйдя из страны. Его отсутствие, как бы оно ни произошло, причинило такой ущерб тем, кто правил после него, что тотчас начались в государстве раздоры, и в своих обычаях они сдвигались столь бесчестны и разнузданны и жители стали испытывать к ним такую ненависть, что убили их и разорили и покинули страну, оставив их постройки и местность, очень удобную, потому что она примерно в 10 лигах от моря. Земли и провинции вокруг очень плодородны.

Главное здание имеет четыре лестницы, расположенные по четырем странам света, они имеют в ширину 23 ступни, 91 ступеньку каждая, так что тяжело подниматься по ним. Их

Это несомненно знаменитый Эль Кастильо. Выше Ланда называет его "храмом К'ук'улькана". Сын аделантадо Монтехо превратил Эль Кастильо в крепость. Впоследствии мексиканское правительство реставрировало его.

ступеньки такой же высоты и ширины, какую мы придаем нашим. Каждая лестница имеет две низкие балюстрады на уровне ступенек, две ступни шириной, из камня с хорошей резьбой, как и все здание. Это здание не имеет углов, потому что начиная от уровня почвы между противоположными балюстрадами сделаны, как это нарисовано, округлые башни, которые поднимаются уступами, охватывая здание очень красивым образом. Когда я это видел, на ступню от каждой балюстрады была очень тщательно высеченная из цельного куска камня свирепая пасть змеи. Лестницы заканчиваются ровной площадкой, на которой стоит здание из четырех помещений. Три идут вокруг здания без препятствий, каждое имеет в середине дверь и покрыто сводом. Четвертое, северное, стоит отдельно, с коридором из толстых столбов. Помещение в середине называется как бы двориком, образованным стенами здания, оно имеет дверь, которая выходит в коридор на севере, покрыто сверху деревом и служило для сожжения курений. У входа в эту дверь или коридор есть особого рода оружие, высеченное из камня, которое я не мог хорошо понять.

Вокруг этого здания есть другие многие постройки, большие и хорошо сделанные, и вся почва между ними была зацементирована, и даже есть местами следы мостовых, настолько прочен был раствор, из которого они были сделаны. На некотором расстоянии от северной лестницы есть два театра из маленьких резных камней, с четырьмя лестницами и мощеные сверху, где, говорят, представляли фарсы и комедии для забавы народа.

От двора перед этими театрами шла прекрасная широкая дорога, приблизительно на два броска камня, к колодецу. У них был обычай прежде и еще недавно бросать в этот колодец живых людей в жертву богам во время засухи, и они считали, что жертвы не умирали, хотя не видели их больше. Бросали также многие другие вещи из дорогих камней

и предметы, которые они считали ценными¹. И если в эту страну попадало золото, большую часть его должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывали к нему индейцы. Этот колодец имеет 7 эстадо глубины до воды, более 100 ступней в ширину, он круглый и из тесаной скалы до воды, что удивительно. Вода кажется очень зеленой; это, я думаю, вызвано рощей, которая его окружает; и он очень глубок. Наверху, около отверстия, есть маленькое здание, где я нашел идолов, сделанных в честь всех главных построек страны, подобно Пантеону в Риме. Я не знаю, была ли это идея древняя или современных индейцев встречаться со своими идолами, приходя с жертвами к этому колодецу. Я нашел статуи львов, сосуды и другие вещи и не знаю, как можно говорить, что этот народ не имел инструментов. Также я нашел две большие статуи людей, сделанные из камня, каждая из цельного куска; они обнаженные, покрыт их стыд, как покрываются индейцы. Их головы были различны и с серьгами в ушах, как это в обычае индейцев. Позади в шее был сделан стержень, вставленный в глубокое отверстие, проткнутое для этого в той же шее; когда он был вставлен, статуя становилась законченной.

ПО КАКИМ ПРИЧИНАМ ИНДЕЙЦЫ СОВЕРШАЛИ ДРУГИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Праздники, которые приведены выше в календаре этого народа, показывают нам, каковы и сколько их было и для чего и как они их справляли. Праздники у них были только для

¹ В 1904-1907 гг. при обследовании дна колодца с помощью землечерпалки было найдено 50 черепков, кости мужчин и женщин, медные и золотые литые изделия не юкатанского происхождения, нефритовые диски и бусины, остатки тканей, множество шариков из копала и т. д.

богов, считавшихся милостивыми и благосклонными. Поэтому они устраивали большие и более кровавые праздники в тех случаях, когда считали своих богов разгневанными. И они думали, что боги разгневаны, когда страдали от эпидемий, раздоров, неурожая и других подобных бедствий. Тогда они не только старались умилостивить демонов, принося им в жертву животных или делая одни жертвы из их кушаний и напитков, проливая свою кровь или угнетая себя бдениями, постами и воздержаниями, но, забыв всякое естественное милосердие и законы разума, совершали им жертвоприношения человеческих существ с такой легкостью, как если бы приносили в жертву птиц, и столько раз, сколько было необходимо по словам злых жрецов или чиланов или же сколько сеньорам их хотелось или казалось нужным. И если в этой стране не столь много людей, как в Мексике, и она не управлялась уже после разрушения Майяпана одним главой, но многими, и не было поэтому такого массового избиения людей, тем не менее они предавали жалкой смерти достаточно многих, потому что каждое селение имело власть приносить в жертву тех, кого указывал жрец или чилан, или сеньор; и чтобы совершать это, у них были общественные места в храмах, как если бы это дело было необходимейшее в мире для сохранения их государства. Кроме убийств в их селениях, они имели два чудовищных святилища в Чичен-Ице и Косумеле, куда посылали бесчисленных несчастных для принесения в жертву в одном сбрасываемом в колодец, а в другом вырыванием сердец. От каковых несчастий да соизволит освободить их навсегда Милосердный Господь, Который соизволил принести Себя в жертву на кресте Отцу ради всех.

О, Господь Бог мой, свет, бытие и жизнь моей души, святой руководитель и путь верный моих поступков, утешение моих скорбей, радость внутренняя моих печалей, утешение и отдых от моих трудов. И почему посылаешь Ты мне, Господи, то,

что можно назвать работой, и не много лучший отдых? Для чего Ты меня обязуешь делать то, что я не могу совершенно исполнить? Может быть, Господи, Ты не знаешь меры моего сосуда и количества моих членов и свойств моих сил? Может быть, Господи, Ты покинешь меня в трудах моих? Не Ты ли заботливый Отец, о Котором говорит Твой святой пророк в псалме: "с ним Я есмь в горе и труде, и его Я освобожу от них и прославлю его"? Господи, если Ты таков, и Ты Тот, о Котором сказал пророк, исполненный Твоего Святого Духа, что предписываешь в Своей заповеди трудиться, и поэтому, Господи, те, кто не склонны к кротости, сохранению и выполнению Твоих заповедей, находят в них трудности; но, Господи, это трудность мнимая, трудность из боязни, трудность малодушных, и бояться преодолеть их люди, что никогда не клали руку на плуг; те же, кто склонен к сохранению их, находят в

них радость; они идут вслед за запахом их благовоний, их сладость подкрепляет их на каждом шагу, и они испытывают больше удовольствий каждый день, чем любой умеющий их различать подобно царице Савской. Поэтому, Господи, я молю Тебя дать мне милость, чтобы по их примеру был оставлен дом моего сладострастия и царство моих пороков и грехов, и да смогу я со всеми испытаниями служить Тебе и хранить Твои святые заповеди, ибо больше научат меня испытания при их соблюдении, чем одно чтение и обсуждение их, и да найду я благо Твоего милосердия для моей души. И так как я верю, что Твое ярмо приятное и легкое, да воздам я Тебе благодарность за то, что вижу себя находящимся под его мягкостью и свободным от того, под которым вижу идущими и прежде шедшими в ад столь многих людей. Это столь тяжкая скорбь, и я не знаю никого, чье сердце не разбилось бы, видя смертельную тяжесть и нестерпимое бремя, под которым демон всегда вошел и водит идолопоклонников в ад. И если это со стороны

демона, который об этом заботится и делает, великая жестокость, то со стороны Бога - справедливейшее позволение, ибо они не хотят руководствоваться светом разума, который Он дал им, и начинают в этой жизни страдать и испытывать часть адских мук, заслуживая их тягостным служением демону, соблюдая постоянно многие длинные посты, бдения и воздержания, принося невероятные жертвы и дары от своих трудов и владений, проливая постоянно собственную кровь с тяжелыми страданиями и ранами в своих телах и, что хуже и более тяжело, жертвуя жизнями своих ближних и братьев. И со всем этим демон никогда не насыщается и не удовлетворяется ни их муками и трудами, ни приведением их в ад, где вечные муки. Конечно, Бог легче смягчается и удовлетворяется меньшими муками и смертями, так как громким голосом говорит и приказывает великому патриарху Аврааму, чтобы тот не простер руку отнять жизнь у своего сына, потому что решило Его Величие послать в мир Своего Сына и предоставить Ему потерять на кресте жизнь во истину, да увидят люди, что хотя и тягостен завет, но для Сына Вечного Бога, Его Отца, он очень сладок, а для людей подвиг необыкновенный. Поэтому да удалят уже люди холодность из своих сердец и страх перед трудностями этого святого закона Божьего, ибо трудность их мнимая и превратится вскоре в сладость для душ и тел, тем более что достоин Бог служения и мы должны служить по справедливейшему долгу и долгам; и все это для нашей пользы, не только вечной, но даже временной; и да будем мы, христиане и особенно священники, считать, что в этой жизни большой позор и стыд, а в будущей будет еще большим, видеть, как находит демон тех, кто ему служит с невероятным трудом, чтобы в награду за это идти в ад, и как не находит Бог почти никого, кто бы хранил столь приятные заповеди и служил ему верно, чтобы идти к вечному блаженству. Поэтому ты, священник Бога, скажи

мне, если видел со вниманием служение этих мрачных жрецов демона и всех тех, что были в древние времена, по Священному писанию, не были ли более суровыми, длинными и многими их посты, чем твои, не гораздо ли более они усердны в бдениях и в своих жалких молитвах, чем ты, более точные и заботливые в делах своих служений, чем ты в своих, и со сколь большим рвением, чем ты, слушают при обучении их заразным доктринам, и если ты после этого найдешь себя виновным в каком-либо грехе, исправь его и помни, что ты священник Всевышнего Господа, одно служение Которому обязывает тебя заботиться о жизни в чистоте и усердии, чистоте ангела скорее, чем человека, [...]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Индейцы не потеряли даже в том, что незначительно, но многое приобрели с приходом испанской нации; и прибавилось у них множество вещей, к употреблению которых они неизбежно должны прийти со временем, и они уже начали пользоваться и употреблять многие из них.

Уже есть множество хороших лошадей, много мулов, самцов и самок. Ослы уживаются плохо, и я полагаю, что этому причиной их избалованность, потому что это безусловно скотина сильная и ей вредит праздность. Есть много прекрасных коров, много свиней, баранов, овец, коз и наших собак, которые несут свою службу, и их можно перечислить среди полезных животных, имеющихся в Индиях. Есть коты, которые очень полезны и там необходимы, и индейцы очень любят их; кроме того, куры и голуби, апельсины и сладкие лимоны, цедры, виноградные лозы, гранаты, фиги, гуайявы, финики, бананы, дыни и остальные овощи; и одни дыни и тыквы вырастают из своих семян, для остальных нужны свежие семена из

Мексике. Уже изготавливается очень хороший шелк. К ним доставлены орудия труда и введено употребление механических ремесел, и они ведутся очень хорошо. Вошли в употребление также деньги и многие другие вещи из Испании; хотя они жили и могли жить без них, теперь они живут несравненно более по-человечески с ними, и они помогают им в ручном труде и облегчают его, согласно изречению философа: искусство помогает природе.

Бог дал индейцам не только указанные вещи с приходом нашей испанской нации, столь необходимые для службы человеку, что одни они стоят больше той платы, которую индейцы дают и будут давать испанцам, но индейцы получили также без оплаты то, чего нельзя ни купить, ни заработать, а именно: правосудие, и христианство, и мир, в котором они уже живут, поэтому они обязаны

гораздо более Испании и ее испанцам и, главное, тем очень католическим королям ее, которые с непрерывной заботой и столь по-христиански снабдили их и снабжают этими вещами, чем своим первым наставникам, дурным отцам, которые их породили в грехе и детьми гнева, тогда как христианство их возродило в милосердии и для радостной вечной жизни. Их первые наставники не сумели дать им порядок, чтобы они могли избежать стольких и таких ошибок, как те, в которых они жили. Правосудие избавляло их от этих ошибок посредством проповеди и должно их охранить от возвращения к ним, а если бы они возвратились, должно их избавить от них. По справедливости может Испания прославиться в Боге, ибо она избрана среди других наций для исправления стольких людей; поэтому они обязаны ей гораздо больше, чем своим наставникам или родителям, и, как говорит блаженный Григорий: не много будет пользы нам родиться, если не получим искупления от Христа. Также мы можем сказать с Ансельмом: пользы нам не принесет то, что мы были искуплены, если не получим плода искупления,

то есть нашего спасения. И поэтому сильно ошибаются говорящие, что поскольку индейцы получили от испанцев обиды, притеснения и дурные примеры, то было бы лучше, если бы их не открыли. Притеснения и обиды были еще больше до открытия, и они причиняли их постоянно друг другу, убивая, обращая в рабство и принося в жертву демонам. Если они получили или получают сейчас от некоторых дурные примеры, то король это исправил и исправляет каждый день своим правосудием и непрерывной проповедью и настойчивым противодействием монахов тем, кто дает или дал дурные примеры; тем более что, по учению Евангелия, соблазны и дурные примеры необходимы; и, таким образом, я полагаю, что они были среди этих людей, дабы они по ним научились, отделяя злото от грязи и зерно от соломы, почитать добродетель, как они и сделали, видя, вместе с философом, что блистают добродетели среди пороков и праведники среди грешников, и тот, кто им дал дурной пример или соблазн, терпит самое ужасное бедствие, если не искупит их добром.

И ты, дражайший читатель, помолись об этом также со своей стороны Богу и прими мой малый труд, простив недостатки его, и согласишься, когда столкнешься с ними, что я не только их не защищаю, как Туллий, который, по словам святого Августина, сказал о себе, что он никогда не говорил слова, которые хотел бы изменить, и это не понравилось святому, потому что людям столь свойственно ошибаться; но прежде чем ты их найдешь, ты должен найти их в моих введениях и прологах отвергнутыми и исповеданными, и да будешь ты их судить по примеру блаженного Августина, различающего в письме к Марцелле того, кто исповедует свои грехи или ошибки, и того, кто защищает их; и да простишь ты мои грехи, как Бог прощает мои и твои, по словам пророка, который сказал: Господи, исповедую я мои пороки и несправедливости, и тотчас Ты дашь им прощение. [...]